

Александр Филиппов

Трудный путь в будущее

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного знамени
Институт востоковедения

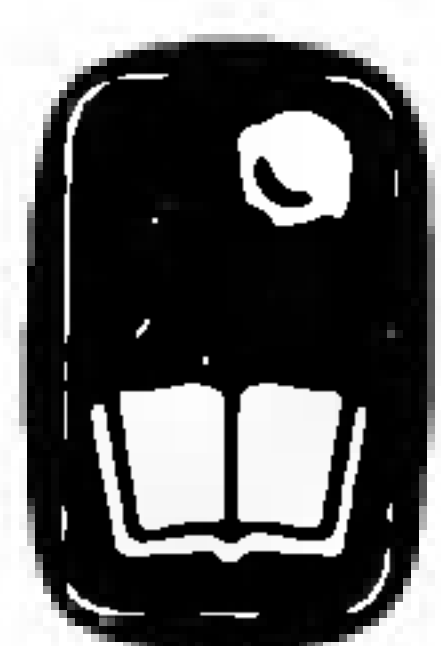

Серия
основана
в 1957 году

Александр Филиппов

Трудный путь в будущее

(Афганские встречи, репортажи
и заметки разных лет)

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

**ББК л8
Ф 53**

Редакционная коллегия:

*К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев,
Л. М. Белоусов, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

**Ответственный редактор
Ю. В. ГАНКОВСКИЙ**

**Рецензент
В. А. ШУРЫГИН**

*Утверждено к печати
редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»*

Филиппов А. В.

Ф 53 Трудный путь в будущее (Афганские встречи, репортажи и заметки разных лет). — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы 1989. — 216 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).

ISBN 5-02-016702-9

Книга включает репортажи и заметки корреспондента «Правды» на Ближнем и Среднем Востоке (1967—1985) об Афганистане, о внутренних событиях в стране, обычаях и нравах его населения.

◆ 1905020000-127
013(02)-89 **Без объявления**

ББК л8

ISBN 5-02-016702-9

**© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989**

Революционный Кабул

Полет в революционный Кабул. Вооруженное восстание. Экскурс в прошлое. Политические zigзаги Мухаммада Дауда. Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Помехи на революционном пути

Афганистан. Он вошел в мою журналистскую жизнь давно — в середине шестидесятых годов. В те годы я работал региональным корреспондентом «Правды» в странах Южной Азии и Среднего Востока. Корреспондентский пункт находился в Пакистане, в Карачи. Отсюда я довольно часто и на длительное время выезжал в Афганистан. Получить визу было несложно. Афганское консульство выдавало ее без проволочек, сразу же по предъявлении паспорта и корреспондентского удостоверения. Так было во времена правления короля Зихир-шаха, так было и тогда, когда к власти пришел его двоюродный брат Мухаммад Дауд, провозгласивший в июле 1973 года Афганистан республикой.

В конце 1975 года я получил новое назначение, став корреспондентом «Правды» по странам Ближнего и Среднего Востока. Корпункт был в столице Турции Анкаре. Афганистан тоже входил в круг «моих» стран. Однако на первых порах выезжать туда не приходилось. Сменившие меня в Карачи Аркадий Масленников и Владилен Байков оперативно и со знанием дела освещали афганскую действительность, и надобности в моих поездках не было.

Помнится, было около двух часов дня 27 апреля 1978 года. Анкарское радио, прервав обычные передачи, передало экстренное сообщение — в Кабуле произошел военный переворот. Командовал частями, выступившими против существующего режима, полковник ВВС Абдул Кадыр. Президент Дауд укрылся в бывшем королевском дворце.

Сообщения же западных агентств и радио были насыщены домыслами. В Афганистане, мол, идут кровопролитные бои между силами, оставшимися верными режиму, и повстанческими подразделениями. Говорилось, что Кабул, Герат, Кандагар и Мазари-Шариф объята пожарами. Турецкая пресса воздерживалась от комментариев, но аккуратно перепечатывала информацию западных агентств.

Вскоре из Афганистана пришло официальное сообщение: в стране совершена революция. В Кабуле образован высший орган государственной власти — Революционный совет, который возглавил генеральный секретарь ЦК Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) Нур Мухаммад Тараки, сформировано народное правительство и страна провозглашена Демократической Республикой Афганистан. В сообщении содержался также призыв к руководителям зарубежных средств массовой информации направить в Кабул корреспондентов, чтобы они могли воочию убедиться в том, что произошло в Афганистане, и объективно информировать международную общественность.

Признаться, я искренне завидовал правдисту В. Байкову, которому первым из советских газетчиков удалось попасть в революционный Кабул. В день восстания он находился в Исламабаде. Услышав по радио сообщение о событиях в Кабуле, он быстро оформил разрешение на выезд из Пакистана на редакционной машине и уже утром 28 апреля был на пограничном пункте Торхам. Но здесь произошла заминка. По распоряжению кабульских властей афганская граница была закрыта. Для въезда в страну требовалось специальное разрешение. Оно было получено лишь поздним вечером. Афганские танкисты, несшие охрану погранпункта, рекомендовали не трогаться в путь до следующего утра. Лишь утром 29 апреля, когда обстановка на дороге стала спокойнее, танкисты подняли шлагбаум. В тот же день наш собкор был в афганской столице и передал первую информацию в газету. Вслед за ним в Кабул из Тегерана на «газике», преодолев сотни километров опасных и сложных дорог, приехал известинец Ашраф Ахмедзянов.

Журналистское счастье улыбнулось и мне. В начале июня редакция предложила срочно вылететь в Кабул и подменить месяца на три Байкова, который возвращался в Пакистан.

Не теряя времени, я на следующее утро отправился в афганское посольство. Повернув мое корреспондентское удостоверение, дюжий турецкий полицейский, записав, кто

и такой, разрешил войти. Двери кабинетов были закрыты. Кажалось, здесь никого нет. Лишь в приемной консульского отдела я увидел молодого афганца. Я представился, сказал, что пришел за визой. Представился и афганский служащий. Он назвался Назимом, третьим секретарем посольства. В Анкаре всего две недели. Назим не стал скрывать, что он — член Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).

— В посольстве я один, — сказал он, — наш посол и трое дипломатов, не признавшие новую власть, на днях уехали в Западную Германию. Меня перед этим они отправили в Стамбул, заявив, что необходимо получить представительские грузы, прибывшие из Афганистана. Обманули! В мое отсутствие они взяли визы в посольстве ФРГ, сняли в банке всю твердую валюту и улетели в Дюссельдорф. Со дня на день ожидаю двух товарищей из Кабула. Приедут — будет веселей и легче работать. Помолчав немного, он добавил: — Завидую вам. Побывать в такое время в Кабуле — ведь это же интересно! Афганистан порвал с прошлым, начинает жить по-новому. Пишите побольше о нас.

Назим проставил в паспорте въездную визу, скрепив ее печатью даудовского режима, — новой печати в консульском отделе не было. На следующий день я вылетел в Стамбул местной линией, а там пересел на самолет афганской авиакомпания «Ариана», совершавший полеты из Лондона в Кабул. По пути в Афганистан самолет приземлился в тегеранском аэропорту, чтобы пополнить топливом баки. Предполагалось, что пробудем здесь не больше часа, а задержаться пришлось почти на сутки.

В чем дело? Тегеранские власти заявили, что экипаж самолета провозит оружие и наркотики. Под этим предлогом они осмотрели салоны самолета, обыскали все, что можно обыскать, — вплоть до сливного бачка в туалете. Затем они выгрузили багаж пассажиров и провели его досмотр. Ничего незаконного не было обнаружено. Тем не менее власти отказались дозаправить самолет горючим. Переговоры затянулись на часы. Но вот наконец самолет заправлен и разрешение на вылет дано.

Полтора часа полета, и мы над Кабулом, залитым ослепительным солнцем. С громадной высоты город, окруженный ледяными пиками Гиндукуша, невероятно красив. Панораму столицы рассекает узкая лента голубой реки, которая делит город на две части. Скользя вдоль глинобитных строений, улиц и парков, река исчезает

за городом, в темной пропасти скал, оставляя за собой радугу брызг.

Самолет делает крутой разворот и словно ныряет вниз, нацелившись на бетонную аэродромную полосу, зажатую с двух сторон горными кряжами. Через несколько минут он подруливает к отделанному белым мрамором зданию аэровокзала. Аэропорт сооружен при технико-экономическом содействии нашей страны, о чем напоминает мемориальная плита на фронте аэровокзала.

В открытые дверцы самолета врывается настоящий на горных травах свежий ветер. На борт поднимается пограничник, проверяет паспорта прибывших, а затем приглашает всех пройти в зал прилета, отгороженный от остальных помещений стеклянной перегородкой.

Зал аэропорта переполнен. Одетые по-европейски афганцы (это, как сообщает мне таможенник, — купцы, помещики и чиновники), служившие при прежней администрации, покидают страну. Они не признали новую власть, а та не препятствует их выезду. Вывоз вещей ни по весу, ни по количеству не ограничен. Введена лишь предельная сумма иностранной валюты — не более трех тысяч долларов, а также драгоценностей — стоимостью до десяти тысяч на одного человека. Не так уж и мало, если учесть, что многие из отъезжающих имеют счета в зарубежных банках. Замечу, когда в соседнем Иране в феврале 1979 года пришли к власти исламские фундаменталисты, то ни валюты, ни драгоценностей они не разрешали вывозить. Все, что отъезжающие имели при себе, даже обручальные кольца и женские украшения, отбиралось.

Таможенные и прочие формальности заняли немного времени. И вот я на шумной привокзальной площади, забитой «волгами», «тоётами», «фордами», «фольксвагенами». Автострада, обсаженная кипарисами, пирамидальными тополями, ведет в город. Несколько минут езды — и слева показались здания микрорайона, в сооружении которого участвовали наши специалисты. По правую руку идут глинобитные дувалы-заборы, за которыми виднеются жилые дома.

Революционные события наложили свой отпечаток на облик и жизнь города. Ограды и стены домов сплошь оклеены лозунгами, приветствующими Апрельскую революцию, портретами Нур Мухаммада Тараки, призывами поддержать политику народного правительства. Красные флажки на капотах автомашин, на дугах лошадей в упряжках. В толпе, заполнившей улицы, юноши и девушки,

вооруженные винтовками и автоматами, а в их стволах горчат веточки роз. Из динамиков на электрических столбах, а то и просто на деревьях, доносятся марши.

На обочине шоссе перед въездом на площадь Пуштунистан уткнулся в кювет бронетранспортер, развороченный снарядом. Возле него, разложив на сорванной дверце свой нехитрый инструмент, восседает уличный парикмахер. Он подстригает бороду осанистого вида таджику в засаленном полосатом халате.

Возле «парикмахерской» пристроился торговец морковным соком. На лотке механическая соковыжималка. Подходят прохожие. Торговец заправляет в машинку морковку, энергично крутит ручку — в стакан, который даже не ополаскивается, льется оранжевого цвета сок. Затем из проржавленного ведра, прикрытого сверху мешковиной, достаются кусочки битого льда и добавляются в стакан. Над торговцем и прохожими крутятся тучи зеленых мух. Меня берет оторопь. Люди же спокойно пьют стакан за стаканом морковный сок, вытирая потные лица.

Сворачиваем на улицу, ведущую к гостинице «Кабул отель». Над входом — огромный транспарант. На языках дари и пушту выведено: «Соотечественники! Будьте бдительны! Враг не дремлет. Защитим завоевания Апрельской революции, избавившей нас от тирании, бесправия и нищеты. Сплотимся вокруг Народно-демократической партии!»

Возле входа — стенд с расклеенными распоряжениями Революционного совета и правительственными постановлениями. Выделяется приказ военного коменданта Кабула, призывающий население соблюдать порядок в вечернее и ночное время, когда вступает в действие комендантский час.

Неподалеку от гостиницы прохаживается армейский патруль. Он охраняет гостиницу, где сейчас проживают в основном иностранцы, и государственный банк, расположенный наискосок, на другой стороне улицы. Меры предосторожности нелишние. В последние дни активизировались разного рода бандиты. Они ограбили ювелирный магазин, принадлежавший индийскому торговцу, совершили налет на кассиров, везших зарплату сотрудникам министерства сельского хозяйства, стреляли по машине, в которой возвращался с митинга секретарь Кабульского горкома НДПА Наджибулла.

Левое крыло гостиничного здания, где располагались службы авиакомпании «Ариана», повреждено. В него угодила

ракета, выпущенная даудовской гвардией во время штурма восставшими дворца. Рабочие, одетые в характерные для пуштунов длиннополые серые рубахи и широкие шаровары, приставив к стене деревянные лестницы, заделывали пробоины, заменяли обугленные рамы окон и витрин. На крыше, стуча молотками, переговаривались кровельщики.

В самой гостинице мало что изменилось с тех пор, как я был здесь последний раз — осенью 1973 года. Лишь в холле на стене, примыкавшей к ресторанному залу, где раньше красовался портрет короля в позолоченной раме, а затем Дауда, теперь вывешен огромный туристический плакат: красивая афганка на фоне сверкающих на солнце вершин Гиндукуша. Но, как и прежде, по всей длине коридора стоят большие медные вазы с букетами роз, на стенах висят копии миниатюр знаменитого гератского художника XV века Бехзада.

Ко мне подходят мои старые знакомые — служащие гостиницы, поздравляют с приездом. Меня усаживают за низкий столик, подают чайник с зеленым ароматным чаем, тарелку с абрикосами, вялым изюмом, засахаренными орешками. Говорят, что в гостинице проживали советские журналисты, но буквально на днях уехали.

Служащие делятся новостями. Рассказывают, что прежнего владельца гостиницы, которого все ненавидели за грубость — иногда он избивал подчиненных палкой и хлыстом, — уже нет. Власти арестовали и отдали его под суд. Хозяин оказался замешанным в контрабанде наркотиками, был связан с международной гангстерской организацией, действовавшей в Пакистане, Индии, Иране и Афганистане. При аресте у него обнаружили дюжину пластиковых пакетов с героином, а также с драгоценными камнями — рубинами, аметистами и гранатами. Арестован был и его посредник, которого в уголовном мире именуют «рикшей». В задачу этого посредника входила нелегальная перевозка наркотиков и драгоценностей.

Уже значительно позднее я узнал от советских коллег, что бывшему владельцу гостиницы удалось сбежать из тюрьмы, перебраться в Пакистан. Обосновался он в Карачи, стал совладельцем крупной торговой фирмы, приобрел земельные участки в провинции Синд. Кончилось тем, что его пристрелили компаньоны по подпольному бизнесу.

Так уже повелось, что, когда я приезжал в Кабул, мне всегда помогали в работе тассовские коллеги. Поэтому и теперь я прибег к их помощи. Шефство надо мной взял

недавно прибывший в Кабул молодой корреспондент Леонид Бирюков, в совершенстве владевший языками пушту и дари. Взятся помогать также мой давний знакомый Валентин Гаврилин, отдавший этой стране более двадцати лет своей беспокойной жизни в качестве представителя нашего ТАСС.

В этот раз он, как и я, приехал на короткий срок. Работать мы начали вместе. Составили план интересующих нас встреч и поездок. В отделе печати министерства иностранных дел, куда мы направились, чтобы получить содействие в работе, целое столпотворение. В Кабул приехали более пятидесяти иностранных журналистов. В приемном зале, отделанном мрамором, шум, табачный дым. Заметную группу составляют японские корреспонденты, оснащенные самой разнообразной магнитофонной, телевизионной и радиотехникой. Они не теряют времени даром. Сохраняя на лице обворожительные улыбки, шныряют по коридорам, стремятся попасть в рабочие кабинеты, хватают за руки служащих и снимают на пленку все, что попадает им на глаза.

Довольно бесцеремонно ведут себя их американские, английские и западногерманские коллеги. Они тоже стараются проникнуть в рабочие кабинеты министерства, говорят, что им некогда, требуют, чтобы их немедленно принял Тараки. Требуют они также, чтобы их допустили в тюрьму, где содержатся арестованные контрреволюционеры, или же на очередное заседание правительства либо Революционного совета.

В зале появляется представитель отдела печати. Подождав, пока стихнет шум, он говорит, что афганское правительство приветствует зарубежных журналистов и рассчитывает на их объективность и правдивость в освещении перемен, происходящих в стране. Никаких специальных аккредитационных карточек выдаваться не будет. Для этого нет ни времени, ни возможностей, так как примерно половина чиновников, служивших при прежнем режиме, покинули министерство, не желают сотрудничать с новой властью.

Затем он говорит, что журналисты могут сами встречаться с теми, с кем пожелают, они имеют право обращаться в любые министерства или организации — вплоть до Совета министров и Революционного совета. Распоряжение по этому поводу дано. Однако в случае поездок по стране корреспонденты должны накануне отъезда из Кабула поставить в известность отдел печати МИД, а по прибытии на место явиться в административный

центр населенного пункта или же в представительство службы национальной безопасности.

Валентин Гаврилин предложил сходить в министерство информации и культуры. Барека Шафии, возглавлявшего это ведомство, он знал лет десять как поэта и публициста. Встречался с ним на дипломатических приемах, в редакциях газет и журналов и не раз бывал у него дома.

Министр охотно согласился на встречу, пригласив на беседу двоих своих друзей из министерства обороны и одного ответственного сотрудника ЦК НДПА, активных участников революционного выступления. Они были представлены нам как Азгар, Усман и Хафез. Стремясь быть предельно точными и объективными, они рассказали о событиях того знаменательного дня, открывшего новую страницу в жизни и судьбах афганского народа.

Обычно начался в Кабуле тот день 27 апреля 1978 года — по старому афганскому календарю это 7 саура 1357 года. Едва над городом забрезжил рассвет, как динамики, установленные на минаретах многих мечетей, нарушили утреннюю тишину протяжными голосами муэдзинов, которые приглашали правоверных совершить намаз — молитву.

Кабул просыпался. С грохотом открывались массивные ставни бесчисленных лавчонок-дуканов. Улицы наполнялись скрежетом арб, подвозивших на рынки овощи и фрукты, ревом автомобильных клаксонов, криками ишаков и верблюдов, гортанными голосами мальчишек-зазывал, пронзительными свистками полицейских. Звеня колокольчиками, выкатывали на улицы свои тележки продавцы соков и воды. У колонок негромко переговаривались водоносы, заполнявшие влагой темные кожаные бурдюки. В чайханах уже гудели громадные медные самовары, пахло свежими лепешками.

День постепенно вступал в свои права. От городской почты на площади Пуштунистан трогались первые пассажирские автобусы, держа курс на Желалабад, Кандагар, Мазари-Шариф, Кундуз. Чиновников, неторопливо направлявшихся в свои учреждения и конторы, вскоре сменили ватаги шумных школьников. В тени зданий или под кронами деревьев, возле арыков, рассаживались нищие и калеки...

Громкоговорители, установленные на площадях, базарах, главных улицах, передавали последние новости. В них говорилось, что состояние президента Дауда, перенесшего на днях сердечный приступ, нормальное, что он намеревается

выехать в Нангархарскую провинцию, где будет наблюдать за ходом маневров армейских частей.

Потом диктор зачитал сообщение государственной прокуратуры. В нем говорилось, что начато следствие по делу «государственных преступников, агентов международного коммунизма», арестованных службой безопасности. Последовало перечисление тех, кто уже находился в тюрьме. Среди них — Нур Мухаммад Тараки, Нур Ахмад Нур, Бабрак Кармаль и другие видные деятели Народно-демократической партии.

Сообщалось также, что вечером 27 апреля в президентском дворце должна состояться церемония награждения орденами группы высших чиновников и офицеров. Затем будет большой прием и концерт с участием известных афганских певцов и музыкантов, а также артистов, приглашенных из Ирана.

Примерно около 11 часов утра на улицах загрохотали ганки, появились бронетранспортеры и грузовики с солдатами. В город вступили подразделения, входящие в состав центрального армейского корпуса и дислоцированные в лагерях близ Кабула. В шум городских улиц ворвались пулеметные очереди, рев реактивных самолетов, пронесшихся над столицей. Над дворцовыми строениями, где находились канцелярии и особняк президента Дауда, повисли боевые вертолеты. Вниз полетели листовки с призывом к Дауду и дворцовой гвардии, насчитывавшей более тысячи человек, сложить оружие, открыть ворота.

Так началось в Кабуле вооруженное восстание, практическое руководство которым взял на себя Военно-революционный комитет (ВРК), возглавляемый командующим ВВС и ПВО страны полковником Абдулом Кадыром, одним из активных участников свержения монархического режима в июле 1973 года.

Военно-революционный комитет разработал стратегический план вооруженного восстания, в котором подчеркивалось, что надо по возможности избежать кровопролития, не допустить разрушений промышленных и гражданских объектов, особенно мечетей, взять под охрану иностранные представительства, перекрыть границы.

Вступившие в Кабул восставшие части действовали по плану. Стремительным броском они захватили радиостанцию, которая на несколько часов стала координационным центром по руководству боевыми операциями. Отсюда в эфир передано короткое сообщение о событиях в Кабуле. Оно послужило сигналом к вооруженному

восстанию и тех частей, где по каким-то причинам выступления задерживались.

Не встречая особого сопротивления, восставшие части быстро разоружили полицейские формирования в Кабуле, овладели почтой и телеграфом, государственным банком, центральной тюрьмой Дезаманг.

События развивались стремительно. Танковые подразделения окружили президентский дворец и предложили Дауду сдаться. Последовал отказ, подкрепленный огнем артиллерии. Тогда начался штурм дворца. Боевые самолеты, поднятые с военной базы Баграм, провели предупредительную бомбежку дворцовой территории, нанося удары по казармам и складам оружия и боеприпасов. Танки и бронетранспортеры устремились к массивным воротам, надеясь протаранить их и ворваться на территорию дворца. Но тщетно. По атакующим бронемашинам ударили противотанковыми ракетами. Загорается головной танк, который ведет майор Аслам Ватанджар, командир танкового батальона. Но экипаж не покидает горящей машины. Огнем из тяжелого пулемета танк прикрывает штурмующих дворец солдат.

Забегая вперед, скажу: сегодня на площади перед бывшим дворцом, переименованным в Дом народов, на железобетонном постаменте возвышается эта боевая машина в память об Апрельской революции.

Наступает вечер. Весь Кабул в руках восставших. Телеграммы о поддержке революции прислали воинские гарнизоны Кандагара, Герата, Кундуза, Желалабада, Балха и других мест. Всюду сложили оружие подразделения полиции, жандармерии и сил безопасности. Сопротивление оказывает лишь президентский дворец.

Наступило утро 28 апреля. Окруженные не сдаются и ведут огонь из окон по солдатам. Штурмующие подкладывают динамит под входную дверь. Раздается взрыв. Солдаты врываются в зал через образовавшийся в стене пролом.

Яростная перестрелка, а потом тишина. Повсюду раненые и убитые. Погиб Дауд, его брат Наим, их телохранители.

Но вернемся к бурным событиям 27 апреля, к тому времени когда восставшие захватили тюрьму Дезаманг и помещение министерства внутренних дел, освободили деятелей НДПА. Все арестованные живы, никто не пострадал. Охранники, имевшие прямой приказ Дауда расстрелять всех в случае побега или насильственного освобождения заключенных, не выполнили это распоряжение. Среди охран-

ников было несколько членов НДПА, которые предотвратили расправу. Отсюда Тараки и его товарищи на бронетранспортерах направляются в здание радиоцентра. Здесь собрались избежавшие ареста активисты и члены ЦК, а также представители ВРК.

Составляется первое обращение к народу, подготовленное совместно ЦК НДПА и ВРК. В нем говорится, что вооруженные силы, опираясь на поддержку народных масс, свергли правительство Дауда. Власть перешла в руки народа, который будет строить новую жизнь без угнетения и эксплуатации. В семь часов вечера это обращение передается в эфир.

В тот же вечер афганское революционное руководство переезжает в здание генерального штаба. Здесь проходят первые заседания Политбюро и ЦК НДПА, создается Революционный совет — высший орган государственной власти в Афганистане. Здесь подготавливаются первые декреты, важнейшие правительственные решения.

29 апреля в 9 часов вечера ВРК объявляет, что вся полнота государственной власти в стране передается Революционному совету и что ВРК вливается в его состав. Председателем этого высшего органа государственной власти, насчитывавшего 35 человек, становится генеральный секретарь ЦК НДПА Нур Мухаммад Тараки. Первый заместитель главы государства — Бабрак Кармаль.

На следующий день — 30 апреля — Революционный совет провозглашает создание Демократической Республики Афганистан. Одновременно формируется кабинет министров, в который вошел 21 человек. Возглавить правительство поручено также Н.М. Тараки. Первым заместителем премьер-министра назначается Б. Кармаль. Министерство обороны возглавляет Абдул Кадыр, министерство коммуникаций — Аслам Ватанджар (одновременно он и заместитель премьер-министра). Мухаммад Рафи, который в дни восстания был начальником штаба четвертой танковой бригады, назначается на пост министра общественных работ, Султан Али Кештманд — министра планирования, Нур Ахмад Нур — министра внутренних дел.

По предложению Тараки на посты заместителя премьер-министра и министра иностранных дел назначается Хафизулла Амин. Думается, выдвигая на столь ответственные посты этого человека, который пользовался у него большим доверием, Тараки вряд ли мог предположить, какую трагическую роль сыграет он в недалеком будущем.

Демократическую Республику Афганистан (ДРА) при-

знают Советский Союз, Болгария, Индия, Монголия, Чехословакия, Куба и Польша. В течение мая ДРА признается подавляющим числом государств мира, в том числе Англией, США, ФРГ и Турцией.

Утром 6 мая местные и иностранные журналисты приглашаются в зал заседаний Революционного совета, разместившегося в одном из зданий бывшего королевского дворца, еще носящего следы недавнего штурма. В одиннадцать часов в сопровождении министра информации и культуры Барека Шафии и руководителя Гостелерадио поэта Сулеймана Лаека выходит Нур Мухаммад Тараки. Он проводит пресс-конференцию, которая продолжается около двух часов. В тот же день национальное агентство Бахтар передает выступление главы государства, его ответы на вопросы.

Апрельская революция, сказал Тараки, совершена под руководством НДПА в интересах афганского трудового народа, поддержавшего вооруженное выступление армии в столице и на местах.

НДПА, созданная в январе 1965 года, с первых же дней своего существования взяла курс на революцию, готовилась к вооруженному восстанию. Она проделала большую воспитательную и пропагандистскую работу в вооруженных силах, сумела привлечь на свою сторону значительную часть командного состава. Она подняла все честное и здоровое, что есть в стране, на борьбу за избавление народа от гнета и тирании феодально-аристократической верхушки.

Глава государства отметил, что в 1973 году НДПА помогла Дауду прийти к власти, сотрудничала на первых порах с режимом. Партия полагала, что в Афганистане будут осуществляться обещанные социально-экономические реформы. Однако реформы провозглашались, но не претворялись в жизнь. Упрочив свои позиции, Дауд стал открыто проводить политику, отвечавшую прежде всего интересам крупной буржуазии, феодально-помещичьих кругов. Заручившись поддержкой правых, он постепенно отстранил от управления людей прогрессивных, сторонников перемен. По его приказу была арестована группа руководителей НДПА, которым угрожала физическая расправа. Тогда партия решила действовать.

Тараки спросили о жертвах, понесенных в ходе революционного выступления армейских подразделений. Он сообщил, что число погибших не превышает ста человек. Подавляющая часть жертв приходится на долю революцио-

исров. Большинство арестованных бывших министров, высокопоставленных чиновников и представителей высшего командования освобождены.

Иностранных журналистов интересовало положение дел в партии, особенно взаимоотношения, сложившиеся между группировками «Хальк» и «Парчам». Они настойчиво спрашивали, существует ли внутрипартийная борьба в НДПА. Тараки ответил, что «Хальк» и «Парчам» — составные части партийного механизма, действующего на основе обязательной для всех единой программы. Между ними нет принципиальных разногласий. У всех членов НДПА одна цель, одни заботы. Все они единомышленники. Но есть, конечно, борьба мнений в рамках организации.

Руководство Афганистана, выступающее за развитие широких отношений международного делового сотрудничества, придает большое значение расширению связей с Советским Союзом, который и до революции всегда с пониманием относился к чаяниям афганского народа, оказывал необходимую экономическую помощь стране. Эта помощь не связана ни с какими конъюнктурными соображениями, заявил далее Тараки.

Главу государства спросили, имеет ли новое афганское руководство программу преобразований? Да — последовал ответ. И в самое ближайшее время эта программа будет обнародована средствами массовой информации.

9 мая 1978 года эта программа, озаглавленная «Основные направления революционных задач правительства Демократической Республики Афганистан», была действительно обнародована. Полный текст ее вскоре был направлен в Организацию Объединенных Наций, в посольства стран, с которыми Афганистан имел дипломатические отношения.

В этом документе содержалась обширная программа назревших социально-экономических преобразований, в частности земельной реформы в интересах широких слоев трудового крестьянства. Отдавался приоритет развитию государственного сектора экономики. Подчеркивалась необходимость демократизации жизни общества и обеспечения прав и свобод трудящихся, предоставления женщинам равных прав с мужчинами. Провозглашалось введение всеобщего бесплатного и обязательного начального образования. Бесплатными должны были стать и медицинские услуги. Намечалось осуществление мер по ликвидации безработицы, улучшению положения трудящихся.

В области внешней политики Афганистан заявлял о своей приверженности идеям мира, борьбе против ядерной угрозы,

международному сотрудничеству и активному нейтралитету. Отмечалось, что страна будет строить отношения с другими государствами на принципах невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимоуважения и взаимной выгоды.

Афганистан выступал за всестороннее развитие отношений делового сотрудничества и дружбы с Советским Союзом, другими социалистическими державами. Он заявил о своем стремлении к установлению нормальных добрососедских отношений со всеми странами региона, о поддержке народов, борющихся за национальное освобождение, в том числе арабского народа Палестины.

...В кабульской гостинице, занимая соседний с моим номер, проживал наш специалист Сергей Борисович Островский, командированный в Афганистан Госпланом СССР. Каждое утро за ним приходила машина и отвозила его в министерство планирования, где он в качестве эксперта работал уже более двух лет. Этому пожилому человека, не считавшегося со временем, уважали. Его хорошо знал и высоко ценил министр Султан Али Кештманд, который был в числе тех, кто создавал НДПА. Большим уважением наш специалист пользовался и до революции, когда это министерство возглавлял сторонник прогрессивных перемен А. Хуррам. Этому министра убили в ноябре 1977 года террористы из правой организации «Братья-мусульмане».

Встретившись за ужином с С. Островским, я попросил его, если это ему не составит труда, организовать встречу с Султаном Али Кештмандом. Просьба была передана, и вскоре министр принял меня.

Первое, что бросилось в глаза, когда я переступил порог кабинета, — небольшого формата акварель на стене. На ней изображена маленькая девочка, сидящая у арыка с ярко-розовым персиком в руках. На девочке характерное для жителей Хазараджата кумачового цвета платьице, расшитое серебряными нитями. Такого же цвета шаровары. Заплетенные косички спускаются на лоб. Лицо смеющееся, счастливое. На втором плане — гряда заснеженных гор. Министр сам родом из Хазараджата, и эта простая картина напоминает ему о детстве, о родных местах.

Из-за стола, приглаживая густые черные волосы, поднялся министр. Лицо осунувшееся, глаза воспалены, словом, весь его вид говорит об усталости. Да это и неудивительно. Совместное заседание Политбюро ЦК НДПА, Революционного совета и правительства, на котором обсуждались вопросы кадровой политики, проведения реформ и принятия неотложных мер по обеспечению безо-

пешности в стране, затянулось почти до самого утра. Но как бы долго совещания и другие мероприятия ни затягивались, министр, человек организованный и дисциплинированный, всегда вовремя приходил на работу. Так было и сегодня. Приветливо улыбнувшись, крепко пожав руку, он пригласил устроиться на диване возле невысокого столика. Здесь он имел обыкновение принимать посетителей.

Прошу немного рассказать о себе.

— Биография проста, — улыбается собеседник. — Родился в мае 1935 года. Окончил общеобразовательный лицей, затем экономический факультет Кабульского университета. Революционной деятельностью стал заниматься еще в студенческие годы. Участвовал в работе учредительного съезда НДПА, состоявшегося 1 января 1965 года. Тогда же был избран членом ЦК НДПА. С июля 1977 года — член Политбюро ЦК партии. Сейчас возглавляю министерство планирования. Ну а теперь задавайте вопросы по существу.

Султан Али Кештманд аккуратно записывает в блокнот мои вопросы. Затем начинает рассказывать.

Апрельская революция, говорит он, закономерное явление в жизни афганского общества, долгие годы страдавшего под игом монархического, а затем и даудовского деспотизма. Архаичные отношения, господствовавшие в политической, социальной и национальной областях, коррупция и бездействие правящей элиты тормозили развитие производительных сил, обрекали страну на отставание. И если бы не Советский Союз, Афганистан никогда не смог бы заложить основы энергетики, химии, машиностроения, построить серию научных и учебных комплексов, как, например, столичный Политехнический институт, наладить подготовку национальных кадров у себя и за рубежом. При содействии СССР построена сеть автострад, хозяйственное значение которых трудно переоценить.

Жизненный уровень афганского народа оставался одним из самых низких в мире. Годовой доход на душу населения едва превышал сто долларов. Средняя продолжительность жизни не достигала сорока лет. Неграмотность почти поголовная. Болезни и недоедание косили людей. Многие передовые афганцы, бывая в республиках Средней Азии, которые шестьдесят лет назад находились на одинаковом с нашей страной уровне развития, с горечью говорили о том, как Афганистан отстал от соседей.

В тяжелые годы монархии правители всячески разжигали противоречия между народами страны. Узбеки,

белуджи, хазарейцы, туркмены, таджики и другие этнические меньшинства подвергались дискриминации во всех областях жизни.

В афганских деревнях бедняки нередко вынуждены были продавать своих детей феодалам в уплату за долги. Одна из комиссий ООН, посетившая летом 1967 года ряд афганских провинций, отмечала в своем отчете, что бесправие, а также социальное и экономическое неравенство в стране превзошли все возможные пределы для цивилизованного мира.

Представьте себе, с горечью продолжал собеседник, такую картину: 5 процентов самой зажиточной части общества владели 55 процентами пахотных земель. На остальные 95 процентов населения приходилось лишь 45 процентов площадей, к тому же обычно неорошаемых. Обработка земель велась в основном примитивными способами. Урожай пшеницы, ячменя и риса низкие. Издольщина — эта сложившаяся веками грабительская система эксплуатации — оставалась без изменения вплоть до Апрельской революции.

С.А. Кештманд прерывает рассказ и замечает:

— Если у вас возникнет желание более подробно ознакомиться с проблемами развития сельского хозяйства нашей страны, то рекомендую непременно обратиться к министру сельского хозяйства Салеху Мухаммаду Зерайю. У него есть интересные материалы, в том числе и по намечаемой земельной реформе. Могу помочь устроить с ним встречу.

Благодарю С.А. Кештманда, говорю, что хотел бы встретиться и с Зерайем. Разговор продолжается.

Крупные землевладельцы, как правило, сами не вели хозяйство. Они предпочитали сдавать землю в аренду крестьянам. Укоренившаяся практика краткосрочной аренды — от одного до трех лет, высокая арендная плата, достигавшая иногда 60 процентов урожая, не побуждали арендаторов делать капиталовложения в земледелие. Помещики не стремились строить крупные оросительные сооружения. Дешевый труд батраков и издольщиков и так приносил им большой доход. Все это тормозило развитие производительных сил, обрекало сельское хозяйство, дававшее более 60 процентов валового национального продукта, на застой.

В результате из года в год уменьшалось производство сельскохозяйственных продуктов на душу населения. Например, сборы пшеницы — основной продовольственной

культуры, под которую отводилось 26 процентов обрабатываемых земель, за 1967—1972 годы сократились на 8 процентов. В стране ежегодно не хватало около 300 тысяч тонн пшеницы.

И вполне естественно, что глубокий кризис, царивший в сельском хозяйстве, обернулся небывалой катастрофой в 1970—1972 годах, когда страну постигли затяжные стихийные бедствия: летом — засуха, зимой — морозы с сильными ветрами. От бескормицы пало более трети скота, население осталось без хлеба и других продуктов. Люди умирали от голода. В зимние стужи трупы умерших подбирали на улицах Кабула, Мазари-Шарифа и других городов. В те годы, спасаясь от голода, в Иран эмигрировало более полумиллиона человек, около 300 тысяч афганцев переселились в Пакистан. Этих людей официально регистрировали власти тех стран, а сколько человек не были внесены в списки беженцев!

Афганская деревня оскудевала, разорялась. Средства, выколачиваемые из деревни, направлялись только в сферу обращения. Это приносило феодальным и торгово-ростовщическим слоям огромные прибыли и в то же время вело к разрушению производительных сил страны, усугубляло и без того тяжелое положение крестьянской бедноты. Подсчитано, что примерно 80 процентов крестьянских тружеников вечно находились в долгу у ростовщиков, выплачивая порой за ссуду 200—250 процентов. А представители феодально-помещичьих кругов и крупной буржуазии, заседавшие в парламенте, тормозили или просто срывали принятие тех законопроектов, которые хоть в какой-то мере ущемляли их интересы.

Слушая министра, я вспомнил такой случай. Находясь в 1969 году в Кабуле, я как-то поехал в парламент, чтобы взять интервью у депутата Бабрака Кармалы, возглавлявшего тогда парламентскую фракцию НДПА. В тот день должно было состояться заседание обеих палат. Однако когда я пришел, то увидел, что зал заседания пуст. По коридору степенно прохаживались несколько депутатов. Решил, что заседание кончилось. Оказывается, нет.

— Заседание опять не состоялось, — разводя руками, сказал Б. Кармаль. — Депутаты не явились. Нет кворума.

— Почему же так произошло?

— Вновь должен был голосоваться законопроект о повышении налога на скот и поливные земли. Вот депутаты и не пришли. Теперь этот вопрос откладывается как минимум на целый год.

Забегая несколько вперед, скажу, что этот законопроект так и не был утвержден. К нему прежние власти больше не возвращались.

С.А. Кештманд продолжал свой рассказ. В стране усиливалось недовольство. Афганистан то и дело потрясали забастовки и крестьянские волнения. Правящие круги (это особенно ярко проявилось в середине шестидесятых годов) стремились прежде всего к беспредельному обогащению в ущерб решению национальных задач. Государственный аппарат бездействовал, погрязнув в коррупции и взяточничестве. Иностранная помощь разворовывалась. Монархический режим не в полной мере использовал те благоприятные возможности, которые давало Афганистану сотрудничество с Советским Союзом, с другими социалистическими державами.

Разложение довольно сильно задело и армейскую верхушку. Взятки — «бакшиш» — стали нормальным явлением. Без взятки невозможно продвигаться по службе, получить новое воинское звание. Даже за орден была установлена негласная ставка. Жаловаться невозможно. Офицер, который посмел бы предать гласности случай «бакшиша», был бы изгнан из армии. Существовала как бы круговая порука взяточников.

Стихийные бедствия 1970—1972 годов усилили экономические трудности. Многие страны, в том числе и Советский Союз, не остались безучастными к судьбе афганского народа, помогли продовольствием, деньгами, одеждой. Но эта помощь в значительной мере оседала в карманах различного рода чиновников, ведавших доставкой и распределением продовольствия и товаров.

Население голодало. Но доставка зерна с пограничных пунктов под всякими предлогами задерживалась афганскими властями. Афганская транспортная компания, связанная с мошенниками, не торопилась с перевозкой зерна на свою территорию. Афганские дельцы заявляли, что у них «не хватает грузчиков», или же емкостей для хранения грузов, или транспортных средств. Десятки тысяч тонн зерна лежали в вагонах, прибывших в Термез. Задерживались поставки продовольствия, направлявшиеся и через Пакистан.

Общественность негодовала. Честные солдаты и офицеры, рискуя жизнью, в морозы и сильные ветры пробирались через горы, чтобы доставить помощь пострадавшему населению, а чиновники-спекулянты, получив, скажем, медикаменты и продовольствие, припрятывали их, потом пере-

продавали все это втридорога торговцам. Нашлось немало порядочных офицеров, которые, уличив воров и спекулянтов, арестовывали их, требуя наказания. Реакция властей не замедлила: одних офицеров понизили в звании, других просто уволили из армии.

Бесчисленны примеры того, как глубоко укоренилось воровство в среде афганского чиновничества. Некоторые дороги приходилось ставить под армейский контроль, чтобы обеспечить доставку продовольственных грузов в намеченные пункты. Так, дорога от Фарахруда на Фарах была перекрыта отрядами мотострелков. Они следили за тем, чтобы на нее не сворачивали автомашины с зерном, следовавшие от Кандагара через Фарахруд в Герат. Цены на зерно в голодном Фарахе были значительно выше, чем в Герате, и спекулянты из административных служб, зная это, заставляли водителей (одних — подкупом, других — угрожая оружием) менять маршрут.

В район Герата ушло 290 тяжелых грузовиков с продовольствием для пострадавших деревень. Однако, не доезжая Кандагара, караван «исчез». Расследование началось еще при Дауде. Вскоре выяснилось, что к этому причастны некоторые его родственники. Дело закрыли. Основные свидетели — два полицейских офицера и чиновник, сопровождавшие продовольственный караван, были найдены убитыми под Кандагаром. Их трупы были завалены камнями возле дороги.

Весь 1972 и первые месяцы 1973 года прошли под знаком нарастающего недовольства. В Кабуле, Шибергане, Кандагаре и во многих других городах то и дело вспыхивали забастовки и начинались антиправительственные выступления. Участники волнений требовали принятия мер против роста цен, спекуляции и коррупции, повышения заработной платы и проведения назревших социально-экономических реформ, особенно земельной. Все это привело к тому, что в ночь на 17 июля 1973 года прогрессивно настроенные офицеры свергли монархический режим.

Наша партия, — продолжал Кештманд, — отдает себе отчет в том, что осуществить намеченные социально-экономические преобразования очень и очень нелегко. Опыта по руководству политической и экономической жизнью общества у НДПА нет. Два месяца после революции — срок недостаточный. Строительству нового общества мешает нарастающее сопротивление свергнутых сил, находящих поддержку за рубежом. Иранскому шаху, под которым заколебалась почва, не до нас. Но вот

Пакистан — иное дело. Мы располагаем сведениями, что исламабадские власти уже оказывают поддержку афганской контрреволюции, готовят диверсионные отряды и другие формирования для заброски на нашу территорию.

В середине мая они создали первый лагерь в поселке Варсак. Туда поселили группу афганских солдат и офицеров, дезертировавших из наших вооруженных сил. Такого же рода лагеря создаются и в других районах, пограничных с Афганистаном. По имеющимся сведениям, в качестве военных инструкторов там работают не только пакистанские, но и американские и египетские офицеры.

Буквально на днях нам стало известно, что президент Зия-уль-Хак провел секретное совещание с командным составом своих вооруженных сил, на котором обсуждались вопросы, связанные с участием пакистанской стороны в подрывных действиях против Афганистана. Участники этого совещания одобрили план мероприятий, направленных на то, чтобы афганская революция не могла завоевать симпатии пакистанской общественности.

Запад одобряет политику исламабадских властей. Он готов увеличить военную помощь самому Пакистану, а также оказывать поддержку силам свергнутого режима. Позиция Исламабада в отношении нашей страны становится все более враждебной, хотя мы и не даем повода для этого.

Кештманд на какое-то время задумывается, затем продолжает:

— Трудностей будет немало. Особенно, когда начнут осуществляться социально-экономические преобразования.

На этом моя беседа с С.А. Кештмандом закончилась.

...Вернемся к июльским дням 1973 года. Известие о падении афганской монархии застало меня в Карачи. Получив «добро» из редакции на поездку в Афганистан, я вскоре вылетел в Кабул. Самолет пакистанской авиакомпании доставил меня в Пешавар, откуда я должен был в тот же день лететь дальше, но уже на афганском самолете.

Однако вылететь из Пешавара в тот день не удалось. Шедший из Кабула старенький самолет «дуглас» при заходе на посадку потерял высоту и плюхнулся, не успев дотянуть до посадочной полосы. К счастью, пассажиры отделались лишь легкими ушибами, но сама машина была сильно повреждена. Рейс на Кабул откладывался на неопределенное время. Афганская компания предложила пассажирам переоформить билет на следующий рейс —

через неделю. Меня это не устраивало. Тогда администратор сообщил, что завтра из Пешавара на Кабул уходит пассажирский автобус с туристами. Если я пожелаю к ним присоединиться, то он поможет с билетом. «Примерно десять часов пути, и вы в Кабуле, — сказал он. — Удобно и не так уж долго».

Получив билет, я на такси добрался до гостиницы «Инд», помещавшейся в районе старого рынка, которому, если верить справочнику, как и самому городу Пешавару, более двух тысяч лет. Из окна номера на третьем этаже был хорошо виден большой двор, окруженный высоким глиняным дувалом. В этом дворе стояли приземистые каменные караван-сарай, тут же содержались лошади и верблюды. Все это напоминало далекие времена, когда сюда приезжали купцы из Самарканда, Бухары, Яркенда и Кашгара. В центре двора — облицованный гранитом громадный питьевой колодец. Пожилой чайханщик, натужно крутя колесо-ворот, вытаскивал металлическую бадью с водой. Я узнал потом, что этому колодцу несколько сот лет. До сих пор исправно служит, вода в нем и свежая и холодная. Вообще считается, что Пешавар стоит на «водяной подушке», расположенной на глубине до 300—500 метров.

Заснуть в ту ночь не удалось. К вечеру двор наполнился вооруженными людьми, одетыми в красные, зеленые и голубые длиннополые рубахи, такого же цвета широкие шаровары. В воздух взлетали разноцветные петарды, то и дело слышались возгласы, разносимые микрофоном: «Да здравствует Пуштунистан!», «Все пуштуны — братья!» Оказалось, что одна из пуштунских националистических организаций проводила митинг. Пакистанские полицейские, развалившись в креслах гостиничного холла, внимательно прислушивались к тому, что происходило во дворе. Из здания они не выходили.

Ранним утром я пришел на автобусную станцию. Передо мной стоял обшарпанный автобус марки, которую невозможно было установить. Капот весь во вмятинах, краска с него давно облезла. Борты машины разрисованы львами, раздирающими буйвола. Окна без стекол. Единственное, что отличало автобус от тех, которые ходили по Пешавару, — новые голландские ребристые крыши.

Водитель, бородатый пуштун, одетый в темно-коричневую, до самых колен рубашку, с огромным пистолетом, заткнутым за ремень, руководил погрузкой багажа. Помощник водителя — килинар, босоногий, в потрепанном пиджаке

паренек-хазарец лет шестнадцати привязывал тюки и чемоданы веревками к металлическому ограждению, шедшему вдоль крыши салона.

Моими попутчиками оказались европейцы-хиппи, молодые ребята в нестираных майках, грязных шортах. На ногах — стоптанные башмаки, кеды. Тут же суетились их подруги — нечесанные девчата в длинных, до самых пят платьях, напоминавших грязные мешки. От них исходил тошнотворный запах пота и табака.

Оглядев меня, водитель удивленно и с каким-то оттенком пренебрежения спросил:

— Сэр, и вы едете с этой компанией?

Ничего не оставалось, как объяснить, кто я, зачем и куда еду.

— Извините, если мой вопрос оказался бестактным. Этот драндулет зафрахтован только для хиппи. Думается, билет вам выдали по ошибке или просто всучили. Международный экспресс на Кабул пойдет послезавтра. Хотите, садитесь рядом со мной в кабине. От этих людей мы будем отгорожены стеклянной стенкой и не будем чувствовать их вони. Можете на меня положиться. Прошу в кабину.

Нужно все же быть искусным водителем, чтобы, не задевая прохожих, повозок, ишаков, верблюдов, на которых восседали суровые на вид люди с винтовками за плечами, пробираться по лабиринту узких улочек. На перекрестке затор, рев автомобильных клаксонов. Арба, груженная медной утварью, столкнулась с грузовичком, перевозившим гончарную посуду. И водитель, и хозяин лошадиной упряжки, не обращая никакого внимания на окружающих, спокойно собирали рассыпанный на тротуаре товар.

С большим трудом выбираемся из уличной толчеи на шоссе. По сторонам потянулись кирпичные коттеджи, перед ними — травянистые лужайки, кусты цветущего жасмина и роз. В глубине — гаражи, похожие на бункеры. Это новая часть Пешавара. В прежние времена в этом районе жили чиновники британской колониальной администрации, офицеры.

Теперь в этом фешенебельном районе проживали состоятельные пакистанские чиновники, купцы, бизнесмены, сотрудники иностранных консульств и торговых миссий. Но после Апрельской революции многие особняки стали арендовать лидеры организаций, выступающих против революционной власти в Афганистане, беженцы из числа купцов и помещиков, лишившихся былых привилегий.

...Пешавар далеко позади. По обе стороны тянется каменистая равнина со скудной растительностью. Отары овец выщипывают остатки травы, иссушаемой солнцем. Временами на горизонте возникают селения, в каждом из них — сторожевая башня, устремившаяся в небо. В глубине селений прячутся персиковые, абрикосовые и яблоневые деревья.

Ближе к горам, откуда устремляются в долину речушки, зеленеют полосы полей, засаженных ячменем и пшеницей, овощами. Видны одинокие фигуры женщин, одетых в яркие сарафаны, с черными платками на голове, которые взрыхляют кетменями темно-бурые пласты земли.

Впереди, возвышаясь над глинобитными строениями, показались две высокие каменные башни с соединявшей их аркой. На башнях видны старинные медные пушки. Это форт, сооруженный в первой половине прошлого века сикхами. Когда-то он играл роль сторожевого поста в этой части долины. Сейчас это туристическая достопримечательность. Возле форта традиционные чайханы с навесами. Под ними расставлены топчаны, покрытые потертыми коврами. На них возлежат, покуривая кальян или попивая из пиал зеленый чай, бородатые пуштуны, перепоясанные патронташами. К топчанам прислонены винтовки. Настоящий пуштун, по давней традиции, всегда при оружии.

Немного дальше, по обе стороны дороги, стоят щиты, на которых на английском, французском, немецком и арабском языках вывешена инструкция пакистанских властей для иностранцев, въезжающих в этот край, который называется «зоной свободных пуштунских племен».

— Ознакомьтесь, пожалуйста, — обращается к пассажирам водитель, притормаживая машину.

Инструкция предписывает иностранцам строго соблюдать следующие правила: не фотографировать жителей, особенно женщин и детей, не устраивать привалов на обочине дорог, не совершать поездок в сторону от шоссе и не посещать дома местных жителей без их приглашения. Пакистанские власти не рекомендовали пользоваться дорогой с наступлением темноты, приобретать оружие и боеприпасы. «Ставим в известность всех иностранных граждан, что власти Пакистана не несут ответственности за последствия нарушений этих рекомендаций» — отмечалось в инструкции.

— Прочитали? — спрашивает водитель пассажиров и добавляет: — Недавно французский турист, направлявшийся

в Кабул по этой дороге, решил сфотографировать свою подругу на скале возле водопада. Когда он навел на нее аппарат, из-за скалы неожиданно появился пуштун с двумя молодыми женщинами. Увидев француза с наведенным аппаратом, он моментально вскинул винтовку и сразил туриста наповал. Пуштуны прекрасные стрелки, реакция у них поразительная. Так что, если хотите избежать неприятностей, считайтесь с местными обычаями и законами.

— Прочитали, прочитали, — закивали головами пассажиры.

Основное занятие жителей этого края — земледелие и скотоводство: одни разводят коз, овец и буйволов, другие — породистых скакунов или же выращивают фрукты и овощи. В некоторых деревнях изготавливают шерстяные одеяла и платки, идущие на экспорт. В небольших количествах здесь добывается уголь, железная и медная руда, мрамор и гранит.

Издавна население этого края занимается изготовлением оружия. Пуштунские умельцы на допотопном оборудовании делают пистолеты, винтовки и даже небольшие ручные пулеметы, копируя образцы современного оружия, в том числе советского. Здесь же налажен и выпуск боеприпасов к оружию, впрочем не всегда хорошего качества. Есть деревеньки, где люди научились делать даже противотанковые гранаты и мины.

В этом краю нередко вспыхивают междоусобицы, жив обычай кровной мести. Жители враждующих деревень или кланов, чтобы обезопасить себя от неожиданного налета враждебной стороны, минируют подходы к своим домам и поселкам. И если джирге не удастся примирить враждующие стороны, то кровопролитие затягивается на годы, унося в могилу тех, кого пуля подстерегла в горах, кто подорвался на mine.

Жители этого края имеют родственников и друзей в Афганистане. Границы для них в нашем понимании не существует. Люди без всяких виз и разрешений ездят в гости друг к другу. Они пользуются хорошо знакомыми тропами, минуя пограничные посты, навьючив свой скарб на спины выносливых осликов.

По давней традиции, человеку, бежавшему сюда от преследования властей или по каким-то иным причинам, обязательно предоставляется кров. Его кормят и оберегают. Выдать укрывшегося считается несмываемым позором для пуштуна.

...За разговорами время бежит незаметно. На горизонте показались горные кряжи, затянутые облаками. С гор повеяло прохладой. Асфальтовая дорога, огибая скалы, неумолимо ползет вверх. Вот он — Хайберский проход, где шли войска персидского царя Дария, Александра Македонского, Махмуда Газневи и Великих Моголов, купеческие караваны и буддийские пилигримы. В прошлом веке и в начале нынешнего столетия в этих местах не раз происходили ожесточенные схватки пуштунов с английскими войсками.

Двигатель машины перегрелся. Шофер тормозит, останавливается возле горного ручья. Взяв ведро, он направляется за водой. Вместе с пассажирами выхожу, чтобы размять ноги. Вдоль дороги в гранитные скалы вмонтированы медные таблички. Их много. На табличках выбиты имена и фамилии английских солдат и офицеров, погибших здесь. Годы гибели этих людей, посланных утвердить здесь господство Великобритании, покорить Афганистан, разные. Некоторые имена относятся к маю — июню 1919 года.

Хайберский проход позади. Дорога побежала вниз. Из-за поворота скрытое в зелени пирамидальных тополей показалось селение. Небольшая площадь и улицы сплошь забиты автомашинами, запряженными лошадьми повозками, груженными ящиками и тюками, корзинами с овощами, яблоками, персиками и апельсинами, мясными тушами. Возле мечети находится рынок Ландикотал, не облагаемый ни пошлинами, ни налогами. Попасть на рынок можно прямо с дороги. Узкий проход с каменными ступеньками, зажатый между невысокими горными кряжами, ведет вниз. Там в небольшой ложине раскинулись лавчонки, покрытые сверху черепицей, а то и просто брезентом. Улочки веером разбежались по сторонам. Без проводника можно, пожалуй, и заблудиться.

Шофер, взявший на себя обязанности гида, водит меня по лабиринту улочек. В дуканах чем только не торгуют: электроникой, привезенной из Японии и Западной Германии, духами, пудрой, обувью, женскими чулками французского и гонконгского происхождения. Ящики с индийским, китайским и цейлонским чаем. Кофе в зернах, а также растворимый — с ярлыками Бразилии, Мексики и Эфиопии. Плащи и рубашки, сшитые в Гонконге и Риме...

— Как все это сюда попадает? — спрашиваю шофера.

В ответ он лишь пожимает плечами. Выделяются лавчонки, где открыто торгуют наркотиками. Тут же шприцы с

ампулами, папиросы, начиненные марихуаной. Несколько в стороне ряды, где продается огнестрельное оружие. Пистолеты, словно сушеные грибы, нанизаны на веревки. На стенах развешаны винтовки и автоматы. В картонных коробках из-под телевизоров — диски с патронами. Поверх них — гранаты.

— Друг, — обращается ко мне рыжебородый торговец, щелкая затвором карабина, — купи, пригодится, уступлю в цене. Не желаешь? Ну тогда гранат парочку купи. Противотанковое ружье не интересуется?

Шофер на ухо что-то говорит торговцу. Тот на некоторое время скрывается, а затем возвращается с чайником. Обтерев пожелтевшие от пыли стаканы полый своей рубашки, он разливает в них ароматный зеленый чай. Отказаться неудобно. Давно мучает жажда, поэтому с наслаждением пью чашку за чашкой.

Но пора ехать дальше. Шофер церемонно раскланивается с торговцем. Возвращаемся на дорогу. Все пассажиры уже на своих местах. С наслаждением, откинувшись на сиденья, они курят сигареты, от которых идет характерный синеватый дымок.

— Марихуану курят, — замечает шофер. — Ну да это их дело. Поехали!

Минут через двадцать подъезжаем к селению Торхам. Здесь контрольно-пропускной пост. Пограничник и таможенник просматривают мой паспорт, делают отметки. Вот и все формальности. Затем они в течение получаса перетряхивают вещи моих попутчиков и дают «добро» на выезд. Пакистанский солдат опускает на землю цепь, преграждающую дорогу, и мы на нейтральной полосе. Вслед за нами без всякой проверки проходит караван кочевников, восседающих на верблюдах. На каждом верблюде деревянное сооружение, напоминающее кровать. Там помещаются не только люди, но и собаки, куры. Весь этот караван, пройдя нейтральную полосу, поворачивает влево и уходит в горы.

Впереди — афганский контрольный пункт. На фронтоне здания огромные портреты Амануллы-хана, восстановившего независимость афганского государства, и Мухаммада Дауда. Возле здания стоит «Волга» с кабульским служебным номером. Это мои старые друзья из нашего посольства в Кабуле.

Перед отъездом из Пешавара я позвонил по телефону в Кабул. К телефону подошел сотрудник посольства Виктор Козырев, с которым я подружился во время прошлых

командировок в Афганистан. Это на редкость обязательный и доброжелательный человек, всегда готовый помочь нашему брату журналисту, нелегкий труд которого он хорошо знает.

— Не беспокойся, — слышался в трубке его голос. — Доберайся до границы, а там мы тебя встретим.

Попрощавшись с афганским шофером, я пересел в «Волгу». И через три часа был в Кабуле.

Страна жила ожиданием перемен. В конце августа газеты опубликовали обращение к народу Дауда, который стал премьер-министром и главой афганского государства. В обращении, носившем программный характер, говорилось, что новое руководство проведет прежде всего земельную реформу, осуществит назревшие преобразования в политической, экономической и социальной жизни страны. Будут гарантированы права и свободы населения, участие народа в управлении государством, совершенствование системы просвещения, культуры. Власти обещали улучшить условия труда и жизни людей, бороться с безработицей и беззакониями.

Основы внешней политики не подверглись существенным изменениям. Афганская республика, придерживающаяся курса позитивного нейтралитета, будет принимать участие в борьбе за мир и всеобщую безопасность, выступать в поддержку политики разрядки международной напряженности, развивать широкие международные отношения, в том числе с Советским Союзом.

Программа республиканского руководства носила в общем расплывчатый характер. Тем не менее она получила поддержку в широких слоях населения, так как отражала ряд насущных требований, выдвигавшихся национально-демократическими организациями страны. Эта программа была одобрена и НДПА.

Спустя несколько дней иностранные журналисты, в том числе и я, были приглашены на прием к Дауду. Состоялся он в одной из загородных вилл, принадлежавших низвергнутому монарху. К назначенному часу иностранные журналисты, всего двенадцать человек, собрались в приемной министерства иностранных дел. Нам подали комфортабельный пассажирский автобус «мерседес», оборудованный кондиционером, и повезли в Пагман.

Неширокая асфальтовая дорога привела нас в высокогорную долину, окруженную со всех сторон хвойными лесами. Вилла — двухэтажный особняк, выстроенный в готическом стиле, — буквально повисала над ущельем,

в которое низвергался водопад. С другой стороны к дому примыкала зеленая лужайка, окруженная кустами роз. Там стояли столы с вазами и тарелками, наполненными фруктами, засахаренными орешками, печеньем и тартинками. От мангалов, поставленных возле колодца, отделанного мрамором, доносился запах жарившегося шашлыка, ароматного плова.

Дауд, одетый в традиционную одежду пуштунов — длинную серую рубашку, шаровары, на голове каракулевая шапка пирожком, — подчеркнуто вежливо встречал гостей. Несколько офицеров из личной охраны стояли поодаль с бокалами виски в руках — на приемах Дауд и его окружение не придерживались мусульманских установлений, запрещающих употреблять спиртное. Когда все гости собрались, официанты стали разносить плов, шашлыки, предлагали журналистам виски и вино, соки и воду.

Подойдя к микрофону, установленному на одном из столов, офицер в полковничьих погонах объявил, что сейчас перед собравшимися выступит Дауд. Глава государства не спеша подошел к микрофону.

— Вы уже знакомы с нашей правительственной программой, — сказал он, — поэтому повторяться не буду. Задавайте вопросы.

Я записал наиболее характерные вопросы, которые задали ему журналисты, и ответы на них. Приведу лишь некоторые.

Вопрос. Что вы можете сказать об отношениях с Пакистаном в свете того, что там устранена военная администрация, у власти гражданские лица. Изменилась ли ваша позиция по пуштунскому вопросу?

Ответ. В недалеком прошлом афгано-пакистанские отношения были напряженными. Временами доходило до разрыва деловых и дипломатических отношений. Нынешний президент Пакистана — сторонник нормальных отношений с нашей страной. На днях он вновь об этом заявил. Пуштунская проблема — наша боль. Пуштуны, проживающие по ту сторону границы, наши единокровные братья. Я поддерживаю идею единства всех пуштунов вплоть до создания государственного объединения. В Пакистане права наших братьев по крови ущемляются. Заявляю, что мы на стороне пуштунов, понимаем их надежды, разделяем их требования.

Вопрос. А не является ли это вмешательством в дела Пакистана, не повредите ли вы Зулфикару Али Бхутто, который стремится иметь добрые отношения с Афганиста-

ном? Не используют ли противники афгано-пакистанского добрососедства позицию, занимаемую вами, для обострения отношений?

Ответ. Нет. У Бхутто свои заботы, у нас свои. Когда речь идет о судьбе целой этнической группы, мы не можем быть равнодушными. Англия разорвала пуштунское население на две части, и эта несправедливость до сих пор не устранена.

Вопрос. Можете вы подтвердить, что в свержении монархии принимала участие НДПА? Намерены ли вы продолжать сотрудничество с этой организацией, что вы думаете о Тараки?

Ответ. Да, НДПА в общем оказала нам содействие в устранении предыдущего режима. Но не будем преувеличивать ее роль в июльских событиях. Армия решила судьбу монархического правления. Тем не менее, и на это я хочу обратить ваше внимание, четыре министерских портфеля я вручил представителям НДПА. Верю, что это будет оценено. Тараки я уважаю, у меня с ним добрые отношения. Пользуясь случаем, заявляю: все, что намечено нами, будет осуществляться.

В один из сентябрьских дней того же года я встретился с Абдулом Захиром. С этим политическим и общественным деятелем я познакомился еще в мае 1967 года, когда в составе советских журналистов сопровождал делегацию Верховного Совета СССР, прибывшую в Кабул. Тогда он возглавлял нижнюю палату афганского парламента. Абдул Захир дал несколько интервью для советской прессы и радио, подчеркнув в них настоятельную необходимость для Афганистана развивать отношения делового сотрудничества и добрососедства с СССР. В 1972 году он, будучи премьер-министром Афганистана, беседовал со мной, подчеркивая, что будущее его страны лежит на путях развития отношений с нашей страной.

И вот новая встреча. Абдул Захир принял меня в своем небольшом, скромно обставленном домике на тихой окраинной улице Чорои Ансари. Он сказал, что приветствует низвержение монархии. Правительственная программа, безусловно, имеет прогрессивный характер. И если она будет осуществлена, Афганистан сделает большой шаг вперед в своем развитии.

То, что сказал далее Абдул Захир, показалось мне тогда странным:

— Я хорошо знаю Дауда, который пришел к власти на волне народного недовольства порядками, царившими

в стране. Этот человек принадлежит к тому влиятельному слою общества, который выступает за ограниченные перемены, не подрывающие его благосостояния и положения. Серьезных изменений ждать не приходится. Когда Дауд укрепится у власти, используя все: и демагогию обещаний, и спекуляцию на пуштунской проблеме, и лозунги добрососедства, — он постарается избавиться от тех, кто помог ему устранить монархию. Он поведет линию, отвечающую интересам афганской знати. А с теми, кто будет мешать ему, он расправится.

Вновь журналистская судьба свела меня с Абдулом Захиром в июне 1978 года. «Я рад, — сказал он, — что дожил до дней Апрельской революции, которая осуществляет надежды и чаяния многострадального афганского народа. Радуюсь тому, что народ обретает свободу, право на труд, на образование, что крестьянин получит землю. Я буду с моим народом и сделаю все от меня зависящее, чтобы он жил счастливо».

От моих коллег-журналистов я узнал позже, что Абдул Захир, несмотря на личные оскорбления, нанесенные ему аминовским окружением, не покинул свою родину. Он активно участвовал в создании Национального отечественного фронта, отдавал все силы делу обновления на афганской земле.

...Народно-демократическая партия, не связывая себя никакими обязательствами, считала возможным пойти на сотрудничество с режимом Дауда. НДПА поддерживала меры республиканской администрации прогрессивного направления. Члены НДПА принимали участие в мероприятиях по стабилизации цен на основные продукты питания и товары, в работе городских и провинциальных комитетов по борьбе со спекуляцией, в разработке нового трудового законодательства. Они помогали сдерживать террористическую деятельность таких экстремистских организаций, как «Братья-мусульмане».

Вместе с тем руководство НДПА считало преждевременным выход партии на арену открытой политической деятельности. Поблизости от гостиницы «Спинзар», в одном из торговых зданий действовал информационный центр, который осуществлял связь между ЦК НДПА и различными партийными группами, многие из которых находились на нелегальном положении.

Жизнь показала, что Дауд ведет двойную игру, не собирается честно сотрудничать с организацией, сыгравшей большую роль в низвержении монархии. Он отверг предло-

жение НДПА о создании объединенного фронта действий, который способствовал бы успешному претворению в жизнь программы преобразований, борьбе с экстремистскими силами и сторонниками монархии.

По мере того как укреплялись позиции Дауда в руководстве страной, происходил и отход режима от программы преобразований. Дауд и его влиятельное правое окружение, представлявшее интересы крупных помещиков и буржуазных кругов, все более тяготились участием представителей прогрессивных сил в управлении государством. По указанию Дауда началась чистка центральных и местных органов власти, правительственного аппарата от представителей прогрессивных сил. Все они были сторонниками НДПА и активными участниками антимонархического переворота, способствовали приходу к власти Дауда. Только в течение 1974—1976 годов Дауд сместил с постов, уволил или понизил в должности более тысячи чиновников, военно-служащих, участвовавших в низвержении монархии.

Ключевые посты правительственной администрации, армии и полиции стали заполняться даудовскими ставленниками. Командующий центральным армейским корпусом генерал Расули назначается военным министром. Все больший вес в правящих кругах приобретают родственники Дауда и его жены. По распоряжению Дауда в Италию, где поселился бывший монарх и его семья, переправляется большое количество драгоценностей, реквизированных у них в первые дни после переворота. Афганский банк начинает ежемесячно переводить на личный счет бывшего короля в одном из швейцарских банков пенсию в размере около 40 тысяч долларов.

...В 1975 году даудовский режим объявил о проведении земельной реформы. Она была призвана ускорить развитие в афганском селе капиталистических отношений. Эта реформа не отвечала интересам широких масс безземельного и малоземельного крестьянства. Она вызывала недовольство и крупных землевладельцев, которые даже в этой куцей реформе увидели покушение на свои привилегии.

Осуществление реформы застряло на стадии подготовки разных справок о наличии свободных земель, состоянии орошения, числе безземельных и малоземельных хозяйств. Многочисленные комиссии, посланные в деревню, подкупались или же уничтожались помещиками, которые скрывали и занижали размеры своих земельных владений.

Гонения против демократических сил нарастают. В Кабуле

и ряде других городов нет-нет да арестуют людей, обвинив их в том, что они, будучи сторонниками или членами НДПА, ведут подрывную деятельность против государства. Полиция начинает фабриковать разного рода фальшивые обвинения против Народно-демократической партии, и дело доходит порой даже до того, что террористические акты экстремистов из организации «Братья-мусульмане» приписывают НДПА. В этих условиях ЦК НДПА закрывает свой информационно-пропагандистский центр и перестраивает структуру ячеек, придав им более конспиративный характер.

Дауд стремится сбить нараставшее в стране недовольство, прибегая к социальной демагогии. Одновременно он принимает меры к укреплению режима своей личной власти. В 1976 году он решает создать так называемую Партию национальной революции, которая должна была стать опорой в управлении страной. Он возглавляет эту организацию, назначая на ответственные посты своих людей.

Наконец доходит очередь и до обещанной афганскому народу новой конституции. В январе 1977 года на заседании Лойя Джирги — Великого национального собрания выносятся проект конституции, с которым до этого большинство депутатов даже не имели возможности ознакомиться.

Несколько депутатов предложили немедленно одобрить проект, который сразу же был поставлен на голосование. Конституция закрепляла исключительное положение Дауда в системе органов государственной власти, в армии. Президент, наделенный неограниченными полномочиями, выбирался сроком на семь лет. На этом заседании Дауд был избран главой государства.

Между тем обстановка в Афганистане накаляется. В городах проходят выступления населения, требующего ускорить выполнение обещанных преобразований, не ограничиваться полумерами. Непокойно и в деревне.

Крупная буржуазия и чиновничество, зараженные коррупцией еще с монархических времен, используют все лазейки, чтобы грабить казну. Значительную часть своих доходов помещики и буржуазия вывозят за границу, открывают счета в американских и западноевропейских банках. Среди них сам Дауд, члены его семьи, родственники. Экономическое положение страны не улучшается. К началу 1978 года внешний долг Афганистана достигает миллиарда долларов.

Дауд ужесточает репрессии против демократических и прогрессивных сил, направляя основной удар против НДПА.

Страну захлестывает волна политических покушений и убийств. В Кабуле на глазах полицейского среди белого дня совершается убийство известного общественного деятеля, члена ЦК НДПА, врача Нияза Моманда, который работал в провинции Пактия и приехал в столицу по служебным делам. Почти одновременно гибнет служащий авиакомпании «Ариана» Анис Гран. Незадолго до этого он руководил забастовкой пилотов и работников аэродромов, закончившейся полной победой бастующих.

Полиции удастся напасть на след убийцы. Однако по распоряжению сверху расследование не начинается. Общественность требует наказать виновных, прекратить террор, развязанный правыми силами.

События развиваются стремительно. 17 апреля был убит на улице в Кабуле член ЦК НДПА Мир Акбар Хайбар. Похороны этого видного демократического деятеля превращаются в массовую демонстрацию протеста против репрессий и террора. Прощальная церемония проходит в новом районе города, получившем название «Микро-район». Затем траурная процессия направляется на кладбище через весь город, останавливается перед американским посольством и президентским дворцом. Ораторы осуждают происки ЦРУ в Афганистане. Провокаторов, которые пытаются вызвать беспорядки, тут же изгоняют из своих рядов участники траурного шествия, сдают в руки полиции.

Дауд принимает решение покончить с НДПА. В ночь с 25 на 26 апреля агенты даудовской охраны арестуют часть руководителей ЦК НДПА, в том числе и генерального секретаря ЦК Н.М. Тараки. Это событие послужило сигналом к вооруженному революционному выступлению, о котором было рассказано выше.

...Кабульские журналисты рассказывали: в архивах королевской охраны, захваченных в дни Апрельской революции, обнаружен интересный документ — донесение осведомителя. Агент сообщал, что 1 января 1965 года в доме писателя Н.М. Тараки, за которым велась слежка, собирались гости. О чем говорили хозяин дома и гости, осведомителю установить не удалось. «Разошлись люди поздней ночью». Донесению, приложенному к досье, заведенному на Тараки, охранка не придавала значения. Видимо, она расценила съезд гостей как обыкновенную дружескую встречу писателей, художников и поэтов. Тараки считался общительным человеком и хлебосольным хозяином, у него довольно часто происходили подобного рода встречи.

И лишь значительно позже охранка узнала, что в

тот день в доме Тараки состоялся учредительный съезд Народно-демократической партии Афганистана. 27 делегатов, представлявших различные марксистские кружки, социалистические группы интеллигенции, в том числе и экстремистского толка, приняли решение объединиться в одну партию. Делегаты избрали руководящий орган — Центральный комитет партии в составе семи человек. Это были Нур Мухаммад Тараки, Бабрак Кармаль, Султан Али Кештманд, Салех Мухаммад Зерай, Гулам Дастагир Панджшири, Мухаммад Бахир Бадакши и Шахрулла Шахпур.

Одним из участников учредительного съезда был поэт Сулейман Лаек, возглавивший после Апрельской революции Гостелерадио Афганистана. В последних числах июня 1978 года мне довелось с ним встретиться. Рассказывая о том, что делает партия для осуществления намеченных планов, он вспоминал и знаменательный день 1 января 1965 года.

— Рождение НДПА было нелегким делом, — говорил С. Лаек. — Партия создавалась на базе различных группировок, порой соперничавших между собой, претендовавших на исключительное положение в рядах новой организации. Разногласия были по вопросам тактики партии, ее будущей программы, заимствования организационного опыта зарубежных национально-демократических и рабочих партий, партийной дисциплины и лидерства. Давали знать и амбициозные настроения у некоторых. После дискуссий, завершившихся в доме у Тараки, который приложил немало усилий, чтобы преодолеть разногласия, убедить отдельных делегатов в необходимости подняться над личными амбициями, удалось создать партию. Решено было назвать ее Народно-демократической партией Афганистана. Генеральным секретарем ЦК был избран Тараки, к этому времени хорошо известный в либерально-демократической среде, особенно среди молодежи.

Собеседник напомнил мне и наиболее важные факты из жизни и деятельности генерального секретаря ЦК НДПА.

Нур Мухаммад Тараки родился 14 июля 1917 года в семье мелкого арендатора в кишлаке Сур уезда Нава Газнийской провинции. Здесь он окончил начальную школу и уехал в Кандагар, где работал на должности клерка в акционерной компании «Пуштун фрут компани». Администрация, оценив его трудолюбие и способности, перевела Тараки в филиал компании в Бомбее. Там он с отличием окончил вечернюю среднюю школу, был свидетелем борьбы

индийского народа за свободу и национальную независимость, приобщился к политической деятельности. Овладел английским языком.

В 1936 году Тараки вернулся в Кабул полный решимости участвовать в борьбе за лучшее будущее своего народа. Он выступает в прессе со статьями и заметками, критикуя существующие порядки, различные уродливые явления, свойственные деспотической монархии.

Принимая активное участие в политической жизни, он стал одним из зачинателей общественного течения «Виш зальмиян» («Пробудившаяся молодежь»), развернувшего свою деятельность после второй мировой войны. Идеологическим ядром этого движения были представители прогрессивных слоев интеллигенции, в основном литераторы и журналисты, среди них Абдулхай Хабиби, Гуль Пача Ульфат, Абдуррауф Бенава, Абдулла Тохи, Хаджи Дост Мухаммад. Участвовали в этом движении люди разного социального положения и происхождения, разных политических убеждений. Их объединяло отрицательное отношение к политике монархического режима, стремление к демократическим переменам в стране.

Движение «Пробудившаяся молодежь» издавало газету «Ангар», на страницах которой неоднократно выступал Тараки, в своих публикациях обращаясь к социально-экономическим проблемам, осуждая архаичные феодальные черты в сфере социальных отношений. Он подчеркивал необходимость создания политической организации, которая подняла бы народ на борьбу за социальное освобождение.

Кампания репрессий начала 50-х годов против либерально-демократического движения не миновала и Тараки, активная публицистическая и общественная деятельность которого вызывала недовольство властей. Его уволили из Департамента печати, куда он поступил на службу в 1950 году, и в 1953 году направляют в Вашингтон в качестве пресс-атташе афганского посольства. Направляя Тараки в США, власти полагали, что, находясь вдали от родины, он отойдет от революционной деятельности.

Но свое пребывание в Вашингтоне Тараки использовал для налаживания связей с американскими прогрессивными и демократическими кругами. Он выступил в прессе с рядом статей, в которых осуждал монархический деспотизм в Афганистане. По распоряжению властей он был вскоре отозван из США и уволен с государственной службы.

Опасаясь быть арестованным у себя на родине, Тараки сначала поселился в США как частное лицо, а затем проживал как эмигрант в других странах.

В 1956 году он возвратился в Кабул и устроился на работу в одну из миссий ООН. Вскоре он открыл частное переводческое агентство. Вокруг Тараки группируются единомышленники. Из-под его пера выходит серия очерков и рассказов, которые повествуют о нелегкой доле афганских тружеников, об их стремлении к переменам, к жизни, достойной человека. В них показаны бесправие людей труда, которых жестоко эксплуатируют помещики, чиновники, ростовщики и купцы, обычаи и предрассудки, бытующие в афганской деревне.

В апреле 1966 года стал выходить орган НДПА — еженедельная газета «Хальк» («Народ»), которая опубликовала программу партии в первых двух номерах. В программе отмечалось, что основное содержание современной эпохи — классовая борьба между социализмом и капитализмом, начало которой положила Великая Октябрьская социалистическая революция в России.

Политическое и экономическое господство феодалов и помещиков, крупного купечества — компрадоров и спекулянтов, продажной бюрократии и агентов международных монополий, чьи интересы противоречат нуждам народных масс, говорилось в программе, — это главная причина тяжелого положения народа и слабого развития экономики.

Для решения серьезных проблем, стоящих перед страной, она считала необходимым создание национально-демократического правительства, социальной опорой которого должен стать широкий фронт всех демократических, патриотических сил: рабочих, крестьян, интеллигенции, ремесленников и национальной буржуазии. В качестве первоочередной задачи предусматривалось проведение аграрной реформы в интересах малоземельного крестьянства.

Подчеркивалась также необходимость демократического решения национального вопроса, укрепления и развития государственного сектора экономики, осуществления права на труд и установления 42-часовой рабочей недели, обеспечения равенства женщин во всех сферах жизни, запрещения детского труда в промышленности и установления минимума заработной платы. Программа заявляла, что Народно-демократическая партия Афганистана, борющаяся за претворение этих целей в жизнь, ставит перед собой в перспективе задачу создания справедливого общества, где будет положен конец эксплуатации человека человеком.

Опубликование программы НДПА на страницах «Хальк» встревожило правящие круги. В мае 1966 года они закрыли газету. Вышло всего шесть номеров «Хальк». Но НДПА продолжала действовать, используя все доступные ей формы борьбы: митинги и демонстрации, создание различных культурных и благотворительных организаций. С трибуны парламента депутат Б. Кармаль клеймил правые силы. Издавались брошюры и прокламации прогрессивного содержания.

В эти же годы создается широкая сеть нелегальных партийных ячеек на крупных и малых предприятиях, в университете и других учебных заведениях Кабула, а также в некоторых подразделениях вооруженных сил. Многие офицеры вступают в партию.

...Однако Народно-демократическая партия не избежала внутренних разногласий, которые привели к тому, что было нарушено ее организационное единство. В 1967 году НДПА раскололась на две группировки. Одну возглавил Тараки, и она стала называться «Хальк» («Народ»). Во главе другой группировки, получившей название «Парчам» («Знамя»), стал Б. Кармаль. Обе группировки руководствовались одними и теми же программой и уставом партии, но действовали самостоятельно. Члены НДПА стали делиться на «халькистов» и «парчамистов».

В 1968 году группировка Б. Кармаля начала издавать газету «Парчам», которая стала преемницей еженедельника «Хальк» по идеологической и тематической направленности. В этой газете конкретизировались и развивались основные положения программы НДПА, определялись очередные задачи партии и формулировалась конечная цель борьбы. Газета публиковала корреспонденции, рассказывающие о бедственном положении крестьян, о выступлениях трудящихся. На ее страницах выступали и представители группы «Хальк». Она выходила до конца апреля 1970 года. В связи с публикацией материалов, посвященных столетию со дня рождения В.И. Ленина, газета «Парчам» по распоряжению властей была закрыта.

Ненормальная обстановка, сложившаяся в НДПА, ослабляла усилия партии в борьбе за осуществление ее программных целей, нередко приводила к провалам подпольных ячеек, арестам активистов, принадлежащих к обеим группировкам. Внутрипартийные разногласия использовали проникшие в партию авантюристы и карьеристы. Одним из таких оказался Хафизулла Амин.

Что это за человек? Он выходец из семьи довольно

обеспеченного чиновника, имевшего землю в Пагмане и пакет акций в фирме, занимавшейся экспортом каракуля. Амин получил высшее образование в стенах Кабульского университета, а затем несколько лет учился в США. Уже тогда многие из афганского землячества обратили внимание на такие отрицательные черты его характера, как тщеславие, стремление быть первым, лицемерие и вероломство.

Возвратившись на родину, Амин принимает участие в оппозиционном движении, тяготея к разного рода экстремистским группировкам. Судьба сводит Амина с Тараки, который видел в нем энергичного и решительного человека. Он привлекает Амина к мероприятиям Народно-демократической партии. Амин примыкает к группировке «Хальк» и входит в доверие к Тараки.

В марте 1977 года, когда Дауд усилил репрессии против прогрессивных и демократических сил, состоялась встреча лидеров «Хальк» и «Парчам». Они договорились провести конференцию с целью достижения единства и преодоления разногласий. Объединительная конференция НДПА состоялась 3 июля 1977 года. Она избрала новый состав ЦК в количестве 30 человек и Политбюро из 10 человек. Генеральным секретарем вновь был избран Тараки, секретарем — Кармаль. Среди членов ЦК НДПА — Кештманд, Наджибулла, Лаек, Панджшири, Ратебзад, Зерай. Конференция приняла решение об организационном слиянии двух группировок и о выработке единой платформы.

Участники конференции поставили вопрос о ликвидации авторитарного режима Дауда. Руководствуясь решениями конференции, НДПА развернула активную работу по мобилизации народных масс на борьбу с диктатурой. Большое место отводилось деятельности партии в армии, расширению и укреплению армейской партийной организации. Объектом внимания были в первую очередь патристически настроенные офицеры.

На объединительной конференции в состав ЦК НДПА по предложению самого Тараки был введен также Амин. Афганские друзья рассказывали мне, что, выступая в конце конференции, Амин произнес речь, полную дифирамбов и неприкрытой лести в адрес Тараки. Он называл его «великим сыном афганского народа», «несгибаемым кормчим революции», «выдающимся деятелем международного революционного и освободительного движения». Он призвал всех учиться «у вождя Тараки, следовать его учению».

Вскоре после революционного переворота на обстановку

в Афганистане начали оказывать самое отрицательное влияние отсутствие у НДПА необходимого опыта руководства государственными делами, экономикой, культурой, острая нехватка столь нужных в сложных революционных условиях квалифицированных специалистов и руководителей всех уровней. Негативное воздействие этих факторов осложнялось отсутствием единства в ЦК НДПА и в правительстве страны, борьбой за власть, а также фракционной деятельностью Амина и группы его сторонников.

В июле 1978 года аппарат НДПА, государственные и правительственные ведомства, вооруженные силы охватывает лихорадка кадровых перемещений. Это ощущали на себе и мы, иностранные журналисты. Договоришься, скажем, о встрече с тем или иным деятелем НДПА или сотрудником министерства, придешь точно в назначенное время, а тебе говорят, что его перевели на другую работу, отправили в провинцию. Бывало так, что одного и того же человека дважды в неделю перемещали с одного места на другое. Послами за рубеж уезжают: в Иран — Наджибулла, работавший секретарем Кабульского горкома НДПА, в США — Нур Ахмад Нур, возглавлявший министерство внутренних дел, в Югославию — Анахита Ратебзад, министр социального обеспечения, в Чехословакию — Бабрак Кармаль.

В одном из выступлений по радио Амин заявил, что перемещения и новые назначения продиктованы «интересами дела партии и революции». Его слова о том, что не каждый «хороший революционер и подпольщик может быть хорошим хозяйственником или руководителем», казались на первый взгляд убедительными. Если бы не одно обстоятельство: кадровые перемещения, сопровождающиеся и понижением в должности, и удалением из центральных ведомств, переводом на работу за рубеж, затрагивали в основном тех, кто принадлежал к группировке «Парчам» или же выступал с критикой Амина. На ключевые посты в партии, в различных ведомствах, а также в армии назначаются люди, связанные с «Хальк», и прежде всего персонально с Амином. Об этом говорили открыто.

В августе того же года сенсационное сообщение: арестована группа изменников и контрреволюционеров. Называются имена. Это министр обороны А. Кадыр, начальник генерального штаба Ш. Шехпур и начальник кабульского военного госпиталя А. Акбар. Вскоре эту же участь разделили министр планирования С. Кештманд, министр общественных работ М. Рафи. Почти одновременно репрес-

сиям подверглась большая группа партийных работников, министерских и государственных служащих, офицеров армии, служб безопасности и внутренних дел.

Иностранные журналисты бросаются в министерство иностранных дел, просят встреч с представителями отдела печати, чтобы им разъяснили, что все это значит. Мидовские сотрудники отказываются отвечать на вопросы, предлагая пользоваться лишь официальными сообщениями печати. Ни о какой пресс-конференции не может быть и речи.

Все это вызывало недоумение и горечь в сердцах друзей афганского народа, которые не могли оставаться равнодушными свидетелями ненормальных явлений, происходящих в стране. Советские журналисты, встречаясь с Тараки, Амином и его сторонниками, не раз спрашивали, почему стали возможными репрессии. Они просили объяснить, за что преследуются многие известные деятели НДПА, активные участники подпольного движения, Апрельской революции, представители культуры и искусства.

Вспоминается встреча с Амином. Это было вскоре после ареста С. Кештманда, М. Рафи, А. Кадыра. Амин принял меня в здании, где размещался МИД, в своем рабочем кабинете, у дверей которого прохаживались охранники. Проверив небольшую кожаную сумку, в которой лежали фотоаппарат и записная книжка, они разрешили войти в кабинет.

Амин — сама любезность. Он расспрашивал о моем здоровье, о том, как работаете в стране, есть ли к нему какие-либо просьбы. Он охотно рассказывал о том, как проводятся в жизнь социально-экономические преобразования. При этом он подчеркивал, что без оказания со стороны СССР технико-экономической помощи Афганистан не в состоянии справиться с поставленными задачами.

В этом не было ничего нового. Я не знаю случая, когда бы афганские официальные лица говорили иначе. Но вот зашла речь об арестах. Дружелюбное выражение лица изменилось. Бросив на меня взгляд, выражавший явное недовольство заданным вопросом, он заявил, чеканя каждое слово: «Народная власть карает отступников, изменников великому делу. Первые же месяцы после революции показали, что такого рода людей немало. Они окопались в партийном, в правительственном аппарате, в рядах вооруженных сил. Революция должна уметь защищаться, мы это и делаем. Под руководством нашего великого вождя Нур Мухаммада Тараки мы из-

бавимся от всех отщепенцев, от парчамистского балласта, который мешает нашему движению вперед, тормозит проведение земельной реформы. Народ поддерживает наши решительные действия».

Амин поднялся, давая понять, что беседа окончена. Проводив до дверей кабинета, он заметил, что ответ на последний вопрос не для печати.

С тех пор прошло немало лет. Вспоминая встречу с Амином и беседы с его сторонниками, я часто задаю себе вопрос: «Ну а что же сам Тараки? Неужели он, обладающий большой властью и авторитетом, не смог пресечь деятельность Амина в самом начале? Неужели он был настолько слеп, что не видел — ведь преследуют его товарищей по партии, вместе с которыми он еще недавно боролся в трудных условиях подполья? Почему он не воспротивился аресту Кештманда, Рафи, Кадыра, других партийных и государственных деятелей? Ведь на различных совещаниях он не раз слышал заявления, обвинявшие Амина в непартийном поведении».

Между тем Амин, ставший уже членом Политбюро и секретарем ЦК НДПА, первым заместителем главы правительства и министром иностранных дел, целеустремленно рвался к захвату власти. В марте 1979 года он становится премьер-министром, формирует кабинет, куда включает несколько человек, преданных ему лично.

Как глава правительства, он реорганизует службы безопасности и внутренних дел, назначая на ответственные посты угодных ему людей.

Создается и контрразведка, начальником которой становится аминовский племянник Асадулла. Эта организация, получившая неограниченные права на проведение арестов и дознаний, подчиняется лишь премьер-министру. В органы безопасности, внутренних дел и контрразведку подбираются люди только после проверки, которую проводит сам Амин или его племянник. Прибрав к рукам эти ведомства, Амин активизирует гонения против неугодных ему лиц. Без суда и следствия бросаются в тюрьмы сотни людей: партийцы, служители культа, армейские офицеры, деятели культуры и искусства, выражающие свое недовольство аминовской политикой.

Наступает такой момент, когда Тараки оказывается фактически в изоляции. Амин уже не считается с его мнением. От имени Тараки он издает распоряжения и приказы. Для внешнего же мира Тараки по-прежнему уважаемый лидер Апрельской революции, генеральный

секретарь Центрального Комитета НДПА и председатель Революционного совета.

В сентябре 1979 года Тараки, опираясь на поддержку некоторых членов Политбюро и Революционного совета, делает попытку пресечь действия Амина. Но поздно! Тараки теперь в меньшинстве. Амин и его сообщники смещают Тараки с постов главы государства и лидера партии. Тараки находится под домашним арестом, от него требуют, чтобы он обратился к народу с заявлением, будто он ушел на пенсию по состоянию здоровья, и чтобы он обязательно поздравил Амина с избранием на высшие посты. Тараки отвечает категорическим отказом.

Тогда Амин отдает приказ о физическом уничтожении Тараки. Следствие, проведенное в январе 1980 года, установило, что исполнителями этого чудовищного приказа стали офицеры личной аминовской охраны. 9 октября 1979 года убийцы вошли в комнату, где находился Тараки, и задушили его. В печать же было дано сообщение, что Тараки «скоропостижно скончался после непродолжительной болезни».

Опираясь на своих ставленников, Амин усиливает массовые репрессии, направляя удар против тех, кто не согласен с его политикой. Арестованным предъявляется стандартное обвинение: иностранный агент, предатель, саботажник или террорист. Во время допросов применяются пытки с целью выбить у них угодное аминовцам показание.

В тюрьму Пули-Чархи брошены родственники и близкие Тараки, в том числе его вдова Нур-Биби. На допросах от нее требовали дать ложные показания на многих деятелей партии, находившихся в эмиграции или арестованных аминовской охранкой. Нур-Биби держалась стойко.

Огромный вред наносили делу революции поспешность, игнорирование национальных традиций, фактический отказ от важнейших демократических положений программы НДПА, которые Амин и его сторонники проявили при попытках провести некоторые назревшие социально-экономические преобразования, такие, например, как аграрную реформу. Ставку при этом аминовцы делали прежде всего на голую силу. Жертвами проводимых ими массовых репрессий стали тысячи мирных жителей, особенно в пограничных с Пакистаном районах, населенных пуштунскими племенами, а также внутри страны — в районах расселения национально-этнических меньшинств. В результате этих неоправданных, преступных по своей сути массовых репрессий через границы Афганистана — в Па-

кистан и Иран — устремились десятки тысяч беженцев. Внутриполитическую обстановку в Афганистане еще больше обострила развернувшаяся в это время диверсионно-террористическая деятельность контрреволюционных отрядов, засылаемых в страну из-за рубежа (прежде всего из Пакистана). Формировались эти отряды при активной помощи и поддержке внешних сил, враждебных Апрельской революции, группой крайне правых деятелей, эмигрировавших из Афганистана еще при короле и Дауде.

Складывавшаяся в Афганистане и вокруг него обстановка вызывала растущую тревогу и возмущение не только у рядовых членов и руководителей НДПА, преданных делу революции, но и у всех афганских патриотов, во всех слоях общества. Поэтому тактика аминовцев, рассчитывавших путем массового террора закрепиться у власти, потерпела крах. К концу 1979 года Амин и его окружение оказались в полной изоляции: они потеряли поддержку и в вооруженных силах страны, и в НДПА, и в обществе. 27 декабря власти Амина пришел конец, его режим был свергнут. Из тюрем освобождено около 20 тысяч человек, в том числе такие видные деятели, как С.А. Кештманд, М. Рафи, Абдул Кадыр, активная деятельница женского движения Сорейя и многие члены НДПА, сыгравшие большую роль в Апрельской революции*.

28 декабря состоялось заседание Политбюро ЦК НДПА, которое рассмотрело и утвердило основные направления внутренней и внешней политики ДРА, избрало генеральным секретарем ЦК НДПА Бабрака Кармалю. В тот же день кабульское радио передало сообщение о формировании президиума Революционного совета. Бабрак Кармаль стал его председателем.

Радио отметило, что революционный суд за преступления против народа Афганистана, в результате которых были уничтожены многие соотечественники — гражданские и военные члены НДПА, мусульманские богословы, представители интеллигенции, рабочих, крестьян, приговорил Хафизуллу Амина к смертной казни и что приговор приведен в исполнение.

Вскоре было объявлено о формировании нового состава правительства Демократической Республики Афганистан

*Подробный анализ трагических событий, связанных с деятельностью Х. Амина и падением его режима, содержится в заключительном разделе коллективной монографии «История Афганистана», написанной группой советских востоковедов (Москва, 1982).

во главе с Б. Кармалем. В состав правительства вошли: Султан Али Кештманд — заместитель премьер-министра и министр планирования, Мухаммад Рафи — министр национальной обороны, Шах Мухаммад Дост — министр иностранных дел, Абдул Вакиль — министр финансов и другие видные деятели НДПА, а также некоторые беспартийные специалисты (например, М. Джалалар, занявший пост министра торговли).

Формируя новое правительство, ЦК НДПА и Революционный совет реорганизовали органы государственной безопасности. «Рабочая контрразведка», с помощью которой Амин чинил беззакония, была упразднена. Создается новая организация, получившая название «служба государственной информации». Начальником этой службы, сыгравшей большую роль в борьбе с происками сил контрреволюции, в разоблачении шпионской деятельности империалистической агентуры, был назначен Наджибулла. Несмотря на молодость, он имел уже опыт партийной и дипломатической работы, был уважаемым в партии и государстве человеком.

Наджибулла родился в Кабуле 6 августа 1947 года. В 1964 году окончил лицей Хабибия, а в 1975-м — медицинский факультет Кабульского университета. С юношеских лет участвовал в революционном движении. В НДПА вступил в 1965 году. За революционную деятельность дважды подвергался тюремному заключению. В 1977 году избран членом ЦК НДПА. Активно участвовал в подготовке и проведении Апрельской революции. С 1981 года — член Политбюро ЦК НДПА, а с 1985 года — секретарь ЦК НДПА.

В мае 1986 года состоялся 18-й пленум ЦК НДПА, который избрал Наджибуллу генеральным секретарем ЦК НДПА. Пленум ЦК НДПА выразил благодарность Б. Кармалю за многолетнюю работу на посту генерального секретаря, за его деятельность по созданию партии и укреплению ее рядов, за вклад в дело Апрельской революции.

Итак, Апрельская революция вступила в другой этап развития. Выдвинутые новым руководством страны цели и задачи были разработаны на основе анализа социальной, экономической, политической обстановки в стране, находящейся на начальном этапе национально-демократической революции. Эти цели и задачи были ориентированы на преодоление тяжелых последствий ошибок и преступлений аминовской клики, на решение насущных социальных, политических и экономических проблем.

Новое афганское руководство взяло линию на органи-

занию отпора внутренней и международной реакции, на создание в стране обстановки мира и доверия как важного условия для проведения широких общедемократических преобразований при активном участии всего народа. Оно подтвердило необратимый характер происходящих в стране перемен и решимость обеспечить проведение в жизнь идеалов Апрельской революции.

Злоупотребления властью и массовые репрессии, ошибки в проведении аграрной реформы — все это привело к сужению социальной базы революции и вызвало недовольство широких слоев населения. Простые люди теряли веру в народную власть. Боевой дух армии был подорван постоянными чистками и арестами. Из вооруженных сил началось дезертирство офицеров и солдат.

Все это активно использовали силы внутренней реакции. Их подрывную деятельность в нарастающем размере финансировали Саудовская Аравия, США, ФРГ и некоторые другие державы.

Через территорию Пакистана, который стал базой «необъявленной войны» против республики, шли поставки оружия и боеприпасов контрреволюционным отрядам, действовавшим в Афганистане.

Масштабы вооруженной агрессии извне нарастали. В этих условиях ДРА, в соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, заключенным 5 декабря 1978 года, а также положениями Устава ООН, обратилась к правительству СССР с просьбой об оказании срочной политической и экономической помощи, включая и прямую военную поддержку.

Следует отметить, что вопрос о вводе советских войск на территорию Афганистана ранее поднимался его правительством неоднократно, начиная с весны 1979 года. СССР продолжительное время воздерживался от посылки своих войск, полагая, что афганская армия сама подавит контрреволюцию. Однако нараставшая вооруженная интервенция, далеко зашедший сговор сил внутренней и международной реакции создали реальную угрозу территориальной целостности, единству и независимости Афганистана. В этих условиях в конце 1979 года ограниченный контингент советских войск вступил на территорию Афганистана.

Ровесник Вавилона и Ниневии

На перекрестке веков. Назабываемые странички истории. У истоков добрососедства. Полуденный салют. Реформы Амануллы-хана и их противники. Встречи с Владимиром Ильичем Лениным: воспоминания Султана Ахмада Ширзои и Гулама Джейлани. Абдул Гафур Брешна: талант, отданный народу. В студии молодого скульптора. Гуль Пача Ульфат — поэт, писатель, гражданин. Рассказывает Абдул Хади Дави

Афганская столица, население которой в 1988 году превысило полтора миллиона, расположена в горной долине на высоте 1800 метров и считается одной из «высотных» столиц мира. Из этого города асфальтобетонные дороги веером расходятся во все концы страны.

Человеку, направляющемуся на машине в Кандагар и Герат, надо проехать участки дороги, расположенные порой на высоте более трех километров. Дорога на Хайратон, где над водами пограничной реки Амударьи повис железнодорожный и автомобильный мост, а также в порт Ширхан на Нижнем Пяндже проходит через «заоблачный метрополитен» — тоннель Саланг. Он пробит сквозь гранитные отроги Гиндукуша. Чтобы попасть в Желалабад и далее в Пакистан, автомашина должна подняться в районе Латабанд на высоту примерно до трех километров. Впрочем, вы можете воспользоваться самолетом и за короткое время добраться до основных центров страны, где сооружены современные аэродромы.

Кабул — один из древнейших городов Востока. Он живой ровесник Ниневии и Вавилона, городов, давно исчезнувших с лица нашей планеты.

Через территорию Афганистана пролегла знаменитая караванная дорога, известная в исторической литературе как Великий Шелковый путь. До открытия кругосветного морского пути он связывал Европу с Азией, вел в Индию

и Китай. Через эти места проходили воины Александра Македонского, совершавшего походы в сказочно богатые земли Индии. В I—IV веках Кабул находился под властью правителей Кушанского царства, а в V—VI веках — эфталитов.

Грудная судьба выпала на долю древнего Кабула. Он познал роскошь правителей и нищету обездоленного люда, народные восстания и феодальные распри, набеги завоевателей. На своем веку город видел воинов арабских халифов, Саффаридов, Саманидов, Газневидов. В XIII веке Кабул был до основания разрушен ордами Чингисхана, погибли тысячи жителей города и окрестностей. Уникальные оросительные системы, питавшие водой засушливые земли близ города, были разрушены, яблоневые и персиковые сады вырублены. Арабский путешественник Ибн Баттута, посетивший эти места в тридцатых годах XIV века, писал о том, что на месте процветавшего некогда Кабула находится небольшая деревушка.

Потребовались долгие годы, чтобы упорным трудом построить город, вернуть к жизни сады и поля. К середине XV века Кабул возрождается. Дальнейшее развитие его продолжается в период, когда он входил в состав империи Великих Моголов. Основателем империи был известный полководец и ученый Захираддин Бабур, выходец из Ферганы. Почти двадцать лет своей жизни он провел в Кабуле, который стал при нем столицей процветающего государства.

Бабур скончался в Агре, но завещал похоронить себя в Кабуле. Пожелание было выполнено. Неподалеку от замшелых крепостных стен форта Бала-Хиссар раскинулся тенистый парк. Здесь в саркофаге, сооруженном из белого, розового и коричневого мрамора, покоится прах Бабура. Крышка саркофага украшена ажурной плиткой из горного хрусталя. Легкий навес из красной черепицы, опирающийся на колонны эллинского стиля, предохраняет гробницу от воздействия губительных солнечных лучей. А вокруг, по установившейся традиции, цветут гладиолусы, орхидеи, канны и розы.

Летом 1981 года бандиты, переодевшись в форму афганских солдат, пытались взорвать гробницу. Студенты Кабульского университета, несшие охрану в этом саду, помешали им. Народное государство отнесло гробницу Бабура к числу ценнейших исторических памятников, взяв на себя расходы по реставрации и уходу за ней.

Достопримечательностью этого парка считаются две

могучие чинары. Как утверждает туристический путеводитель, им около двух тысяч лет. К ним поставлены деревянные решетки и подпорки, чтобы не обломились свесившиеся до самой земли тяжелые ветви. А вниз от гробницы по склону устремился каскад фонтанов, напоминающих те, которыми украшены сады Шалимар в древнем Лахоре.

Бабур был не только крупным полководцем и государственным деятелем. Он также автор ценного исторического труда — мемуаров, известных под названием «Бабур-наме». В этом труде немало интересных сведений о социальной, экономической, культурной жизни народов Средней Азии, Афганистана и Индии того периода. Повествуя о своих походах, он описывает многие страны, рассказывает об особенностях климата, природы, о нравах и обычаях людей. Его мемуары издавались на разных языках мира. У нас в стране они дважды выходили в Ташкенте — в 1958 и 1983 годах.

В 30-е годы XVIII века на Кабул совершают нападение войска иранского правителя Надир-шаха Афшара. Город подвергается разграблению. Но проходит некоторое время, и Кабул возрождается. Во времена Дурранийской державы он становится ее столицей. После распада государства Дуррани Кабул теряет свое значение.

В 1838 году английские войска, воспользовавшись феодальной раздробленностью и распрями, вторгаются в Афганистан, оккупируют южные районы страны. Был ими занят и Кабул. Но английским войскам недолго удастся продержаться в этом городе. Афганские патриоты, собравшись с силами, в 1842 г. очищают страну от захватчиков.

Однако Лондон не отказался от планов подчинить себе афганский народ. В 1878 году англичане вновь развязывают войну и захватывают Кабул. И вновь в городе разрушения, грабежи, пожары, насилия, убийства.

В 1879 году Англия навязывает Афганистану на кабальных условиях договор, который серьезно ограничивает суверенитет страны. Поражение, нанесенное английским войскам в июле 1880 года в местечке Майванд, неподалеку от Кандагара, не смогло полностью оградить Афганистан от британской экспансии. Полуколониальный статус Афганистана как английской сферы влияния был зафиксирован и в англо-русском соглашении 1907 года.

Афганский народ не сдавался. В начале XX века в стране развернулось национально-освободительное движение младоафганцев. Оно ставило своей целью дости-

жение полной независимости и проведение социально-экономических реформ.

28 февраля 1919 года пришедший к власти при поддержке народа эмир Аманулла-хан, тесно связанный с движением младоафганцев, провозгласил полную независимость государства. В мае того же года Англия развязала третью по счету войну против Афганистана. Правительство Амануллы понимало, что самым надежным союзником может быть только Советская Россия. Оно обратилось за поддержкой к правительству, возглавляемому В.И. Лениным.

Это не было случайным актом афганских лидеров. Идеи Октябрьской революции нашли широкий отклик в Афганистане, как и повсюду на Востоке. Первые внешнеполитические шаги Советского правительства произвели огромное впечатление в поработанных империализмом странах. «Декрет о мире», «Декларация прав народов России» провозгласили равенство и суверенитет народов, их безусловное право на свободное национальное развитие. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанном В.И. Лениным, содержался призыв к населению угнетенных империализмом государств сбросить с плеч ненавистное колониальное рабство, выразалась решимость трудящихся Советской России помочь угнетенным народам завоевать свободу. Афганистан приветствовал это обращение, текст которого в переводе на фарси был доставлен в Кабул из Ирана. Советское правительство первым в мире признало независимость Афганистана и аннулировало англо-русское соглашение 1907 года.

Следует отметить, что Советское государство использовало любую возможность для поддержки национальных интересов Афганистана. Хорошо известно, например, что в ходе брестских мирных переговоров с Германией в 1918 году оно содействовало международному признанию независимости Афганистана. Одна из статей брестских соглашений констатировала, что Афганистан является свободным и независимым государством. В этой важной статье содержалось обязательство уважать политическую, экономическую и территориальную неприкосновенность этой страны.

Все это было высоко оценено руководителями младоафганского освободительного движения, которые еще до объявления эмиром Амануллоу-ханом независимости отправили в Москву видного деятеля индийской революционной

эмиграции М. Баракатуллу, проживавшего в Кабуле. В начале мая 1919 года Баракатулла прибыл в Москву.

Он представил Советскому правительству несколько памятных записок с предложением начать советско-афганское сотрудничество в борьбе против происков английских интервентов в Афганистане и Туркестане. Вскоре Баракатулла был принят В.И. Лениным, который заявил, что Советское правительство сделает все, чтобы помочь афганскому народу в его справедливой борьбе за национальную независимость и свободу.

21 мая 1919 года Советское правительство получило полный текст послания эмира Амануллы-хана, датированного 7 апреля. До этого оно располагало лишь кратким радиосообщением из Ташкента об этом послании. 27 мая В.И. Ленин и М.И. Калинин направили ответное послание. В нем отмечались широкие возможности для развития отношений сотрудничества и взаимной помощи в борьбе против посягательств со стороны империалистических государств. Советское правительство давало согласие на установление дипломатических отношений.

Лондон, потерпевший поражение в попытках задушить освободительное движение, всячески стремился подорвать развивавшиеся советско-афганские отношения. В январе 1921 года в Кабуле появился чрезвычайный представитель Великобритании Г. Доббс для возобновления переговоров о заключении мирного договора с Афганистаном.

Доббс сделал эмиру Аманулле-хану заманчивые предложения: Англия поставляет ему в качестве дара 20 тысяч винтовок, 20 полевых батарей, вооружение для 20 пулеметных рот и обязуется выдавать ежегодно субсидию в сумме 4 миллионов рупий, а также в течение 25 лет выплатить еще 40 миллионов рупий. В обмен Афганистан должен аннулировать уже парафированный советско-афганский договор об установлении дружественных отношений, удалить из Кабула советского посла и всех лиц, присутствие которых Англия сочтет для себя «нежелательным». Доббс также потребовал, чтобы афганское правительство вело переговоры с третьими странами через посредничество англичан, т.е. фактически признало английский протекторат.

— Мы не намерены начинать историю независимого Афганистана с измены нашим друзьям, — твердо заявил Аманулла-хан английскому дипломату. Афганцы отвергли предложения Лондона.

28 февраля 1921 года в Москве подписан советско-афганский договор, который, как гласит преамбула, призван

упрочить дружественные отношения между обеими странами и оградить независимость Афганистана.

Советское правительство в соответствии с этим договором оказывало также и военно-экономическую помощь этому государству. Оно предоставило ему миллион рублей золотом, обязалось построить телеграфную линию Кушка — Герат — Кандагар — Кабул. Афганскому правительству выделялись технические специалисты, передавались 12 самолетов, а также оружие и боеприпасы. В письме народного комиссара по иностранным делам Г.В. Чичерина в ЦК РКП(б) от 19 ноября 1921 года, предлагавшем расширить советскую экономическую помощь странам Востока и одобренном В.И. Лениным, подчеркивалось, что в Афганистане при содействии Советского государства проводится целая система необходимых мер для экономического развития этой страны.

20 апреля 1921 года ВЦИК ратифицировал советско-афганский договор. Высоко оценивая политическое значение этого договора, Владимир Ильич Ленин отмечал в послании, направленном Аманулле-хану: «Российское Советское правительство и Высокое Афганское государство имеют общие интересы на Востоке, оба государства ценят независимость и хотят видеть независимыми и свободными друг друга и все народы Востока. Оба государства сближают не только вышеуказанные обстоятельства, но и в особенности то, что между Афганистаном и Россией нет вопросов, которые могли бы вызвать разногласия и набросить хотя бы тень на русско-афганскую дружбу. Старая империалистическая Россия исчезла навсегда, и северным соседом Высокого Афганского государства является новая Советская Россия, которая протянула руку дружбы и братства всем народам Востока и афганскому народу в первую очередь... Мы счастливы отметить, что первый договор о дружбе, который заключил афганский народ, был договор с Россией. Мы уверены, что искреннейшее наше желание будет осуществлено и что Россия навсегда останется первым другом Высокого Афганского государства на благо обоих народов».

Таким было начало. Так складывалась принципиально новая, неизвестная ранее модель отношений между великой и малой державами — отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества. Так начинался большой путь советско-афганской дружбы. Как бы заглядывая на десятилетия вперед, В.И. Ленин писал в 1919 году: «Стремление афганского народа последовать русскому примеру да будет

лучшей гарантией крепости и независимости афганского государства».

Правительство, возглавляемое Амануллоу-ханом, начало проводить в жизнь комплекс социально-экономических мероприятий, направленных на преодоление отсталости страны, устранение наиболее архаичных форм феодального строя. Эти мероприятия поддерживались младоафганцами, главным идеологом которых был известный политический деятель Махмуд Тарзи, которого Аманулла-хан назначил министром иностранных дел.

Впервые в истории Афганистана была принята конституция, которая декларировала некоторые гражданские свободы, подтверждала независимость страны. В целях ускорения процесса развития товарно-денежных отношений был принят закон о налоге на землю, который предусматривал перевод натурального налога в денежный.

Одновременно предпринимались попытки реорганизовать систему образования на европейский лад, провести централизацию управления государством. Эти реформы в значительной степени отвечали интересам зарождавшихся новых, буржуазных слоев. В то же время они ущемляли интересы консервативных слоев общества — феодальных землевладельцев, ханов племен и мусульманских богословов.

Проведение реформ требовало все большего числа образованных людей, поэтому вводится обязательное начальное образование, расширяется сеть учебных заведений, в Кабуле и других городах открываются профессионально-технические училища. По указанию Амануллы-хана в Советский Союз, Францию, Турцию, Германию и Италию направляется большая группа юношей и девушек для получения высшего образования. В столице появляются кинотеатр и публичная библиотека. Придавая большое значение развитию средств массовой информации, Аманулла-хан поощряет создание новых печатных органов. В годы его правления издавались 26 газет и журналов. Посетив в 1928 году ряд стран Востока и Европы, в том числе СССР, он форсировал модернизацию Афганистана, что вызвало растущее противодействие консервативных сил. Не было предела возмущению состоятельной верхушки Кабула, когда по распоряжению Амануллы-хана было введено обязательное для мужчин ношение одежды европейского покроя. Закупленная в Германии большая партия вакцины для противооспенных и противохолерных прививок жителям Кабула и Герата была уничтожена мракобесами.

При всем прогрессивном характере реформ и ново-

введений они все же были классово ограниченными. Ускоренное развитие товарно-денежных отношений сопровождалось ростом эксплуатации широких слоев крестьян и бедняков-скотоводов, ростом цен. Ввиду слабости центральной власти ее указы, направленные на облегчение участи трудовых слоев населения, игнорировались на местах и приводили к прямо противоположным результатам.

Все это порождало широкое недовольство в народе. Тяжело сказалось на положении народных масс и то, что летом 1928 года в южных районах страны разразилась засуха, а обширные посевные площади провинций Герат, Кандагар и Кабул оказались пораженными в результате нашествия саранчи, этого бича стран Востока. Правительство, действия которого саботировала значительная часть чиновничества, недовольная проводимыми реформами, оказалось не в состоянии помочь населению пострадавших районов.

Используя тяжелую обстановку, создавшуюся в стране, феодальные круги и муллы, спекулируя на религиозных чувствах населения, начали подбивать жителей ряда мест на антиправительственные выступления. Возглавил это движение Бачаи Сакао. В стране вспыхнула гражданская война. В январе 1929 года повстанцы ворвались в столицу. Бачаи Сакао провозгласил себя эмиром Афганистана под именем Хабибуллы.

Первым же актом новоявленного правителя была отмена реформ Амануллы-хана. Он закрыл светские школы, запретил издание всех газет, оставив лишь одну — газету консервативного направления. Женщинам без паранджи было запрещено появляться в общественных местах.

Огню были преданы художественные произведения, энциклопедические словари, изданные в Европе. Религиозные фанатики разрушили показательную узкоколейную железную дорогу, построенную в кабульском районе Дарульамман, протяженность которой составляла около трех километров.

Обстоятельства сложились так, что Аманулла-хан оказался не в состоянии подавить антиправительственные выступления афганской реакции. Он отрекся от престола, покинул страну и прожил за рубежом до конца своих дней. Скончался он в 1960 году в Цюрихе. Вскоре после смерти его прах был перевезен в Афганистан и захоронен в семейном мавзолее в Джелалабаде*.

*Тем, кто интересуется событиями, происходившими в этой стране в те далекие годы, рекомендую прочесть книгу, написанную извест-

Положение в стране после захвата повстанцами Кабула сложилось критическое. Осенью 1929 г. генерал Мухаммад Надир-шах, которому удалось привлечь на свою сторону ряд пограничных пуштунских племен, сумел разгромить Бачаи Сакао и захватить власть в стране. Он объявил себя королем Афганистана. Начался медленный процесс политической стабилизации нового режима.

В сентябре 1930 года в Кабуле побывал корреспондент «Правды» Михаил Кольцов. Он прибыл в афганскую столицу как участник авиационного перелета по маршруту Москва — Анкара — Тегеран — Термез — Кабул — Москва, протяженность которого составила около 11 тысяч километров. Советский журналист, говоря о том, почему потерпел поражение Аманулла-хан, пытавшийся обновить жизнь общества, отмечал в своем репортаже: «Аманулла-хан весьма прогрессивно стриг бороды боярам, но забывал о плахах для реакционных стрелков. Ходил на своих ассамблеях в парижском костюме с подвернутыми брюками, но не создал хорошо обученной армии для национальной и своей защиты. А главное, ему казалось, что нужды своих подданных, голодных и обездоленных, он знает и охраняет лучше их самих... Эмир рванул вперед Афганистан с жаром и смелостью революционера. Но не глубоко, поверху. Рванул и оборвал свою же собственную карьеру, все свои гордые размахистые затеи».

Журналист заметил и многое другое. В Кабуле свирепствовала холера, косившая людей, преимущественно бедняков. Правительство обращалось к торговцам и населению с призывом не употреблять в пищу немытые овощи и фрукты, не пить сырую воду. Но жители не обращали никакого внимания на эти призывы, отказывались от прививок. Люди, находившиеся во власти предрассудков, умирали, поев зараженных фруктов, выпив грязной воды из мутных арыков.

Слабость реформ, проводимых Амануллоу-ханом, писал М. Кольцов, в том, что они не шли вглубь, а скользили

ным афганским историком Фаиз Мухаммадом. Называется она «Книга упоминаний о мятеже» и содержит ранее неизвестные сведения о социально-политических событиях, связанных с падением Амануллы-хана и деятельностью Бачаи Сакао. В основу книги положены дневниковые записи автора, придворного историографа Амануллы, свидетельства очевидцев. Перевод этой книги издан в СССР в 1988 году, на другие европейские языки она еще не переведена. Несомненно, она окажет существенную помощь в исследовании истории революции в современном Афганистане.

по поверхности экономических и социальных проблем. Реформы не учитывали уровня общественного сознания людей, силу традиций.

...Нужно сказать, что те месяцы, когда Бачаи Сакао находился у власти, сказались и на состоянии советско-афганских отношений. Он откровенно проводил анти-советский курс, прервал торговые и экономические связи. Северные районы Афганистана стали превращаться в оплот подрывной деятельности против СССР.

И не случайно, что последние месяцы 1928 года и весь 1929 год почти ежедневно происходили стычки советских пограничников с басмаческими отрядами на самых различных участках государственной границы. Наши газеты тех дней пестрят сообщениями о налетах басмачей с афганской территории на советские кишлаки, об убийствах партийных и общественных активистов. Бачаи Сакао установил тесный контакт с бывшим бухарским эмиром, бежавшим в Афганистан. Вокруг этого эмира группировались разного рода белоземлиградские авантюристы, изгнанные из Советской страны.

Свержение Бачаи Сакао сузило возможности антисоветской деятельности басмачества. Правительство Надир-шаха, не желавшее осложнять отношения с Советским Союзом, сочло необходимым принять ряд серьезных мер по нормализации положения в граничащих с СССР районах.

В области внутренней политики Надир-шах проводил линию на подавление любого рода национально-патриотических и либерально-демократических движений, на укрепление опоры своего режима в лице феодально-помещичьей знати и нарождающейся буржуазии. Он потопил в крови вспыхнувшие в ряде провинций выступления крестьян, доведенных до отчаяния непосильными поборами и нещадной эксплуатацией.

Надир-шах обрушил репрессии на деятелей младоафганского движения, жестоко расправлялся со сторонниками Амануллы. По его приказу казнены многие видные деятели, такие, как Гулам Наби-хан Чархи, который в последние годы пребывания у власти Амануллы был послом в СССР, Абдуррахман Лудин — видный общественный и политический деятель.

Такая же участь постигла Фаиз Мухаммада Барутсаза, Тадж Мухаммада Пагмани и многих других соратников Амануллы, в которых Надир-шах видел своих политических противников. Долгие годы провели в тюрьмах многие прогрессивные деятели младоафганского движения, среди

них публицист Абдул Хади Дави. Этому человеку посчастливилось дожить до Апрельской революции, которую он горячо приветствовал. С ним мы еще встретимся на страницах этой книги.

Жестокие расправы с младоафганцами привели к ответным террористическим акциям. Сторонники Амануллы устраивают несколько покушений на официальных представителей режима в стране и за рубежом. В ноябре 1933 года Надир-шах посещает Кабульское военное училище. Во время смотра из шеренги курсантов выходит Абдул Халек и выстрелом в упор убивает короля.

Новым королем Афганистана становится Захир-шах, сын Надир-шаха. С приходом к власти нового монарха существенных изменений в основных направлениях внутренней и внешней политики не произошло. Правда, гонения на сторонников Амануллы стихли. Захир-шах старался привлечь их на свою сторону, что ему в ряде случаев и удалось.

...В Афганистане мне довелось встречаться и беседовать с людьми, которые стояли у истоков отношений добрососедства и сотрудничества между этой страной и СССР. Некоторым из них посчастливилось видеть и слышать Владимира Ильича Ленина.

Вряд ли кто-либо из советских людей, бывавших в Афганистане в 50—60-х годах, не знал сенатора Султана Ахмада Ширзои, активного поборника советско-афганских добрососедских отношений. В 1919 году Ширзои, тогда еще молодой дипломат, приехал в Москву в составе чрезвычайной афганской миссии, которую возглавлял соратник Амануллы-хана генерал Мухаммад Вали-хан.

Жизнь у Султана Ахмада Ширзои сложилась таким образом, что он впоследствии в течение нескольких лет прожил в СССР. В качестве посла Афганистана он представлял у нас свою страну в 1939—1946 годах, затем в 1950—1963 годах. Он хорошо знал Советский Союз, был другом нашего народа.

И даже преклонные годы не стали помехой в его деятельности на ниве советско-афганского сотрудничества. По просьбе нашего посольства он часто выступал перед советскими коллективами с воспоминаниями о днях, проведенных ранее в Советском Союзе, о встречах с Лениным. Он был одним из активных членов Общества афгано-советских культурных связей, которое, несмотря на препятствия, воздвигавшиеся дореволюционной администра-

цией, проводило немалую работу по ознакомлению афганцев с делами и жизнью народов Советского Союза.

Приезжая в Афганистан, я использовал любую возможность, чтобы встретиться и поговорить с этим интересным человеком, обладавшим хорошей памятью. Расскажу об одной встрече, наиболее мне запомнившейся, тем более что она состоялась в дни, когда в Афганистане прогрессивные круги отмечали столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

В Карачи, где находился корреспондентский пункт «Правды», в начале 1970 года пришла телеграмма от корреспондента ТАСС в Кабуле Валентина Гаврилина. Он писал, что С.А. Ширзои хочет по случаю ленинского юбилея дать интервью для «Правды». Валентин писал, что Ширзои живет сейчас в Желалабаде. Там и можно встретиться.

Раздумывать не приходилось. Получив визу в афганском консульстве в Карачи, я вылетел в Кабул, а оттуда вместе с моим коллегой на машине приехал в Желалабад. Я с благодарностью вспоминаю Валентина Гаврилина, который, владея пушту и дари, всегда оказывал мне содействие в работе.

Небольшой домик, в котором жил Султан Ахмад Ширзои, окружал двор с садом, благоухавшим ароматом цветущих роз и персиковых деревьев. На горизонте виднелись снежные вершины гор. Была уже вторая половина дня, когда мы подъехали к его дому. Постучались в калитку. На стук вышел сторож, пожилой пуштун. Вид у него был довольно грозный. Через плечо — патронташ, за поясом — кинжал. Голову украшала большая зеленая чалма. Рыжая борода, аккуратно расправленная на обе стороны, блестела под лучами солнца. Крикнув «Стой!», он навел на нас ружье. Мы подняли руки вверх, засмеялись. Со стороны все это выглядело комично.

— Как бы случайно не бабахнул в нас, — обернулся ко мне Валентин и почтительно доложил грозному стражу, кто мы и зачем пришли.

Услышав голоса, из сада к нам поспешил сам хозяин, пожилой человек крепкого телосложения. Он пожал нам руки, заметив, чтобы мы не обижались на его сторожа, человека чрезвычайно доброго, но с причудами.

— Ружье-то без патронов. И учтите, пожалуйста, что он почти на десять лет старше меня, а мне уже под восемьдесят.

Мы прошли на террасу, в окна которой стучали ветви персикового дерева. Низенький столик и несколько удобных кресел — вот и вся обстановка.

— Если бы приехали пораньше, — сказал хозяин, — то застали бы моих друзей — Гуль Пача Ульфата, Мухамаддина Жвака, Абдула Хади Дави и Абдула Бахтани. Они приезжали из Кабула, чтобы обсудить некоторые вопросы, связанные с проведением мероприятий Общества культурных связей по случаю ленинского юбилея. Афганская интеллигенция хочет как можно шире отметить эту дату. Во многих учебных заведениях уже созданы комиссии по проведению юбилея. Мы рассчитываем также провести на предприятиях, где есть советские специалисты, вечера и торжественные собрания совместно с афганскими рабочими и служащими.

Выражение лица собеседника меняется.

— К сожалению, — говорит он, — власти, официально не запрещая проведение ленинских мероприятий, вместе с тем делают все для того, чтобы свести их к минимуму. Нам советуют отметить столетие проведением собрания с участием ограниченного числа приглашенных. Пугали тем, что религиозные фанатики могут начать провокации против советских граждан, а это, дескать, вызовет нежелательную реакцию со стороны посольства СССР. Но как бы ни была сложна политическая обстановка в стране, как бы нас ни запугивали, ленинский юбилей все же будет отмечаться и у нас. К тому же часть депутатов парламента высказались в поддержку этого мероприятия.

На столе появляется русский медный самовар. Над краном выгравировано: «Пей из самовара чай и друзей привечай». Ниже подпись: «Рабочие Тулы. 1940 год».

— Это подарок, — говорит хозяин. — Получил его во время поездки в Тулу.

Затем подаются вазочки с изюмом, орешками, дольками сушеных груш и яблок, инжиром.

— Сегодня у меня прекрасное настроение, — говорит Ширзои. — Сердце не болит, а оно в последнее время стало сильно пошаливать. Не знаю, представится ли еще такой удобный случай, как сегодня, чтобы поговорить. Располагайте мною.

Просим собеседника рассказать о его первой поездке в Москву.

— Помнится, — начинает он, — вот в такой же апрельский день 1919 года наша делегация, в которой было около двадцати человек, покинула Кабул. Мы ехали

в Москву на переговоры с главой Советского правительства, чтобы проинформировать о провозглашении независимости Афганистана, а также подготовить обмен дипломатическими представительствами. На лошадях и ишаках, навьюченных мешками с продовольствием, бурдюками с пресной водой, нам нужно было, не привлекая особого внимания, пройти караванными тропами по горным перевалам, ущельям и пустыням до границ Советского Туркестана.

Там нас должны были встретить советские представители и проводить до Ташкента. Путь далеко не из легких. Временами приходилось отклоняться от маршрута, чтобы избежать засад, устраиваемых феодальными шайками. Примерно три недели пошло только на то, чтобы добраться до границы. На берегу реки Амударьи нас встретил эскадрон красных конников. В основном это были молодые ребята — узбеки, таджики и русские. Мы обратили внимание, что у многих из них головы забинтованы, кровь запеклась на повязках.

Оказывается, накануне под Термезом они вступили в бой с басмаческой бандой, которая, как выяснилось позже, собиралась перехватить нашу миссию. Об этом рассказал попавший в плен главарь банды. Провели несколько дней в Термезе — и снова в путь, теперь уже под надежной охраной. Около двадцати дней добирались до Бухары. В предместьях города столкнулись с басмаческим отрядом. Банда была накрыта пулеметным огнем и почти вся уничтожена. Трофеи — английские винтовки.

Хотелось поскорее выехать в Москву. Но это невозможно. Отдельные участки железной дороги между Москвой и Ташкентом захвачены белыми. Ташкентские товарищи, проявлявшие особую заботу о нашей делегации, приглашают нас на разного рода митинги и собрания трудящихся. Мы тоже выступаем, рассказываем о борьбе афганцев за независимость. Отношение к нам, как к братьям по общей борьбе, доверительное. В Ташкенте нам рассказывают о трагической гибели в январе 1919 года четырнадцати туркестанских комиссаров, ставших жертвой предательства. Мы побывали на могиле героев, боровшихся за установление народной власти в этой части Советской страны. Бывая потом в Ташкенте, я всегда посещал эту братскую могилу.

Но вот в сентябре 1919 года железнодорожная ветка очищена от белых войск. Мы наконец-то погрузились в вагоны. Гостеприимные ташкентцы снабдили нас рисом, сушеными фруктами, зеленым чаем, сахаром. Дали нам

и около двух десятков овец, которых погрузили в хвостовой вагон.

— Вот так и ехали, — продолжал собеседник. — В те годы дорога была одноколейной. Угля не было. Временами вместе с красноармейцами разбирали на остановках старые заборы и дома для паровозной топки. Не раз членам делегации вместе с охраной приходилось ложиться за пулеметы, идти в атаку, чтобы отбить налет какой-нибудь банды.

На разъезде Чалкар нас поджидала неожиданность. Из теплушек встречного поезда к нам бросились люди в полувоенных гимнастерках и бушлатах. Это ехали сотрудники советского посольства, направленного Москвой в Кабул. Нам представили Якова Сурица, полпреда. На нем потертая армейская гимнастерка. Обменялись новостями, попили чаю, вскипяченного на костре, — и снова в путь.

Прощаясь с нами, Суриц сказал:

— Товарищ Ленин ждет вас, друзья. Ведь вы не только наши желанные гости, но и союзники в общей борьбе против империализма.

В знак согласия наша делегация салютовала выстрелами из винтовок. А в теплушках, где находились советские дипломаты, запели «Интернационал». О, это было незабываемое время, — вздохнул Ширзои.

Запомнилась еще одна приятная встреча — с Михаилом Фрунзе в Самаре. Командующий Туркестанским фронтом дал в нашу честь обед. По тем временам прием был, можно сказать, королевский. Нам подали настоящую уху из волжской рыбы, пшенную кашу, морковный чай и разваренный рис. Одно смутило гостеприимного командира: он увидел, что пшенная каша была подана со свиными шкварками. Великолепный знаток Востока, он понял промах повара, заправившего кашу свиной, которую мусульмане не едят.

Заметив смущение Михаила Фрунзе, глава нашей миссии спокойно сказал, что он и его коллеги давно мечтали попробовать свинину. А затем добавил, что каша очень вкусная именно благодаря свиному салу.

На этом обеде Михаил Фрунзе говорил, что Красная Армия ведет упорную борьбу на всех фронтах. «Идет тяжелая, кровопролитная война. Но мы победим, хотя победа и будет нелегкой. Пройдут годы, восстановим все разрушенное белогвардейцами и интервентами, поднимем экономику, культуру, сделаем все население грамотным. И наши потомки будут с удивлением говорить: а неужели

были голод, тиф, разрушенные дома, нищие люди, бесправные татары, туркестанцы, грузины? Неужели были Колчак, и Юденич, и прочая белогвардейская и байская шваль? Я верю в счастливое завтра России и ее угнетенных царизмом окраин. Вот за это-то счастливое завтра России без помещиков и капиталистов столь яростно борются народы нашей страны».

Прошло еще две недели, и вот мы в Москве. На перроне Казанского вокзала, куда прибыл состав, был выстроен почетный караул. Оркестр исполнил «Интернационал». Столица встретила нас мягкой осенней погодой, листопадом, перезвоном трамваев. Одеты москвичи плохо. Очень много беспризорных. Не хватало хлеба, топлива, одежды. Но люди держались с достоинством. Они смотрели на эти трудности как на временные, верили в будущее, в победу над силами контрреволюции и интервенции.

Никогда не изгладится из памяти день 14 октября 1919 года. Делегацию в Кремле принимал сам глава Советского правительства. За нами прислали машину, которой обычно пользовался Ленин. Едва мы переступили порог приемной, как отворились двери кабинета и оттуда вышел Владимир Ильич. Поздоровавшись с каждым отдельно, он жестом пригласил пройти в кабинет. Помнится, что кроме главы правительства были Н. Нариманов, Л. Карахан, а также переводчик, который хорошо говорил по-персидски.

Жалею, что не вел записей. Краткое изложение разговора было затем опубликовано в московских газетах. Оно, к сожалению, не передает атмосферы той исключительно дружественной и откровенной беседы, которая шла между нами.

Помнится, встреча началась с того, что Вали-хан вручил Председателю Совнаркома послание Амануллы-хана. Переводчик перевел текст послания. Внимательно выслушав, Владимир Ильич сказал, что содержание этого документа будет сегодня же сообщено членам Советского правительства и Центрального Исполнительного Комитета. Прием длился не более сорока минут. Владимир Ильич подробно расспросил о положении в Афганистане. Внимательно выслушав Вали-хана, он, в свою очередь, рассказал о положении на фронтах гражданской войны, отметив, что белые и интервенты все делают для того, чтобы задушить молодую Советскую республику.

Подойдя к карте, Ленин указал на наиболее трудные участки, где Красная Армия отражает атаки врага. Борьба идет не на жизнь, а на смерть, говорил он. И в этой

борьбе Советская республика победит. За нее пролетарии Европы и Америки, угнетенные народы Востока, сбрасывающие ярмо империалистического и колониального гнета, — и Афганистан тому яркое доказательство.

На нас глубокое впечатление произвели слова Владимира Ильича о том, что Советское правительство непоколебимо стоит на стороне Афганистана, обретшего независимость.

— Передайте, пожалуйста, руководителям страны, — сказал он, — что Советская Россия, как бы это ни было трудно, поможет Афганистану отстоять независимость в борьбе против внутренних врагов и британских империалистов.

Запомнился день 7 ноября 1919 года. Вся наша миссия была приглашена в Большой театр, где торжественно отмечалась вторая годовщина Октябрьской революции. Вали-хан сидел в президиуме рядом с Владимиром Ильичем. Гром аплодисментов потряс зал, когда слово было предоставлено главе нашей миссии. Вали-хан поздравил участников заседания со знаменательной годовщиной. Он говорил о том, что будущее афганского государства лежит на путях развития отношений сотрудничества с первым в мире государством рабочих и крестьян. И это большое счастье для нашего народа, закончил он свое выступление, что наш северный сосед — большевистская Россия.

В конце ноября Вали-хан, продолжал Ширзои, вновь был принят главой Советского правительства. Миссия выполнила свою задачу и готовилась возвратиться на родину. Владимир Ильич вручил Вали-хану послание Аманулלה-хану, с которым мы, члены миссии, были позднее ознакомлены. В нем говорилось, что Советское правительство, стоящее на стороне афганского народа в его борьбе против иностранных поработителей, готово и впредь оказывать Кабулу необходимую помощь. Отмечалось также, что советским представителям в Кабуле поручено вступить в переговоры для заключения торговых и других соглашений.

Об этом я буду говорить на митинге в Кабульском университете, куда меня пригласили студенты и преподаватели, продолжает Ширзои. Не будь Советского Союза, нас бы раздавили английские или другие поработители. В трудные годы борьбы за упрочение независимости Афганистан получил и военную и экономическую помощь. Нам, например, предоставили миллион рублей золотом, пять тысяч винтовок с необходимым запасом патронов, несколько самолетов, которые пилотировались русскими лет-

чиками. И это было сделано в то время, когда Красная Армия сама нуждалась в оружии и боевой технике.

В августе 1920 года в Кабул прибыл специальный технический отряд с радиостанцией, которую Советское правительство подарило Афганистану. И именно с этой радиостанции Аманулла-хан направил Владимиру Ильичу послание, в котором благодарил за бескорыстный дар, выражая решимость продолжать борьбу за справедливое дело. Примечательно и то, что специалисты для этой радиостанции были подготовлены в Ташкенте из числа афганцев, направленных туда из Кабула.

Собеседник поднимается, подходит к книжному шкафу и извлекает оттуда выцветшую от времени небольшую фотографию. На ней изображена группа молодых людей в гимнастерках времен гражданской войны.

— Это дорогая сердцу память, — с волнением говорит Ширзои. — На ней ребята, прибывшие в середине двадцатых годов в составе группы специалистов, чтобы помочь соорудить телеграфные линии. Одна должна была пройти от Кабула до Мазари-Шарифа, а другая — от Кушки через Герат и Кандагар на Кабул. Фотографию я пересниму для выставки, посвященной ленинскому юбилею, а оригинал отдам в советское посольство с просьбой отослать в московский Музей революции.

В эти же годы при содействии советских специалистов были сооружены электростанция и хлопкоочистительный завод в Герате. Крестьянскому населению некоторых районов была оказана помощь в выведении новых сортов хлопчатника, завезенного из советской Средней Азии. На полях провинции Герат, например, до сих пор выращивается ценный сорт хлопка, известный под названием «ташкентский длиноволокнистый». Разве такое забывается?

...Гуламу Джейлани, как и С. Ширзои, тоже довелось жить и работать в нашей стране. Причем немало — более десяти лет. Ему тоже посчастливилось встречаться с В.И. Лениным. А в 1932 году он по указанию Надир-шаха отзывается в Кабул. Его увольняют из министерства иностранных дел как «сторонника Амануллы». С тех пор Джейлани не приглашался на работу в правительственный аппарат, служил в разного рода частных компаниях.

Познакомился я с Гуламом Джейлани в 1969 году на Джангалакском механическом заводе, где он, несмотря на свои 74 года, работал переводчиком. При заводоуправлении ему была отведена небольшая комнатка с простой обстановкой: деревянный стол, несколько стульев да старый

диван. Но Джейлани, даже когда уставал, не ложился отдыхать.

— Вдоволь належусь на том свете, когда меня позовет к себе Аллах, — шутливо говорил он нашим ребятам в ответ на предложение отдохнуть.

В первых числах мая я приехал на завод. Рабочий день кончился, опустело заводоуправление. Лишь в одной комнате горел свет. Там, склонившись над чертежами, делая на листках какие-то пометки, сидел старик. Седая, бобриком подстриженная голова, большие очки, на плечи наброшен шерстяной платок. В это время года в Кабуле, особенно по вечерам, очень холодно.

Это был Гулам Джейлани. Разговорились. Я спросил, не согласится ли он в удобное для него время встретиться со мной и рассказать о своей жизни в СССР, поделиться воспоминаниями. Собеседник сказал, что с советским журналистом он готов встретиться в любое время. Договорились, что завтра (тем более что был выходной день) наши специалисты привезут его ко мне в гостиницу и там мы побеседуем.

На следующий день рано утром он был уже в гостинице. Разговор затянулся до вечера. Гулам Джейлани рассказывал не спеша, временами ненадолго замолкал, чтобы вспомнить какую-нибудь интересную деталь или факт, а потом опять говорил, говорил. Его рассказ по возможности подробно я записал в блокнот.

— Во второй половине 1920 года, — начал Гулам Джейлани, — Аманулла-хан направил очередную группу своих представителей в Москву. Мне предложили поехать с этой миссией в качестве секретаря. Самое незабываемое в жизни? — переспрашивает Джейлани. — Конечно, встреча с Лениным. Это было весной 1921 года в Кремле, вскоре после подписания известного договора между нашими странами. Я сопровождал тогда нашего посла Мирзу Мухаммад-хана Яфтали, приглашенного на беседу к главе Советского правительства. Беседу переводил русский товарищ, сотрудник Наркомата иностранных дел.

Владимир Ильич встретил нас в приемной, поздоровался с каждым за руку и пригласил в свой кабинет. Помню, что, когда мы входили, русский переводчик очень деликатно попросил нас не курить, сказав, что Владимир Ильич не выносит табачного дыма. Всем нам подали чай, разлитый по стаканам в серебряных подстаканниках. В шутку Ленин заметил, что мы пьем из посуды, оставшейся от бывших правителей.

Затем, собственно, был сам разговор. Прежде всего Ленин спросил, не испытывает ли афганское посольство трудностей с питанием, топливом или транспортом. Это была не просто вежливость, а внимание, которое всегда было отличительной чертой В.И. Ленина. Наш посол поблагодарил за заботу и заявил, что, пользуясь случаем, хотел бы еще раз от имени афганского руководства выразить удовлетворение подписанным договором. Ведь в этом документе нашли отражение надежды и чаяния молодого афганского независимого государства.

Советское правительство, отметил Владимир Ильич, готово сделать все, чтобы помочь Афганистану упрочить его национальную независимость, оказать содействие в экономическом развитии. В отношении к Афганистану, равно как и к другим государствам, нет ничего конъюнктурного. Это суть внешней политики Советского государства.

— Расскажите, пожалуйста, о положении в Афганистане. И не скрывайте трудностей, — попросил затем Ленин.

Посол сказал, что политическая обстановка в стране сложная. Противники Амануллы, подстрекаемые английской агентурой, саботируют решения правительства. В ряде районов, в частности северных, прилегающих к советской границе, афганские власти не в состоянии контролировать положение. Там разбойничают басмачи, поддерживаемые английскими спецслужбами. Они нарушают границу.

Выслушав посла до конца, Ленин сказал, что он информирован об этом и ни в коем случае не отождествляет действия бандитствующих шаек с политикой афганского правительства. Далее он заявил, что, к сожалению, и советская власть не может пока стабилизировать обстановку в пограничных с Афганистаном районах. Басмачи наносят большой ущерб советским районам, терроризируют население, убивают борцов за дело коммунизма. Но ничего, добавил Ленин, недалек тот день, когда Советский Туркестан будет очищен от белогвардейских отрядов и разного рода контрреволюционных шаек.

Настало время расставаться. Прощаясь, Ленин сказал, что в Москве верят афганскому руководству: «Договор о дружбе подписан. Давайте сделаем все, чтобы он стал основой будущих крепких и нерасторжимых отношений делового сотрудничества и взаимопонимания».

Вскоре меня прикомандировали к дипкурьерам, отвозившим почту в Кабул. До границы доехали без особых приключений. Недалеко от Кушки присутствовали на митинге в одном кишлаке, большая часть населения которого

была вырезана басмачами. Запомнилось выступление одной туркменской женщины, которая говорила, что вступила в отряд самообороны, чтобы бороться с басмачами.

— Да, — вздыхает собеседник, — время, проведенное в Советской стране, среди друзей, незабываемо. Афганцев, находившихся в столице, приглашали на торжественные мероприятия, проводившиеся в Большом театре или на Красной площади, на заводские митинги. Мы, афганцы, жили делами и заботами советских людей, их радостями и горестями.

20 января 1924 года я снова приехал в Москву. Вместе с послом я должен был посетить народного комиссара по иностранным делам и обговорить ряд вопросов, связанных с дальнейшим развитием торговых отношений между обеими странами. Мы знали, что Владимир Ильич серьезно болен, однако надеялись, что он победит болезнь, выздоровеет. Но на следующий день пришла страшная весть: Ленин скончался. Этому просто не хотелось верить. В приемном зале на тумбочке выставили небольшую фотографию Ильича в обрамлении траурных лент.

В тот день слезы были на глазах сотрудников афганского посольства. Когда мы пришли проститься с Лениным, была уже ночь, на Красной площади и прилегающих улицах горели костры — стоял трескучий мороз. И вереницы людей — красноармейцев, рабочих, крестьян — все шли и шли к гробу.

Мы присутствовали на торжественном заседании, посвященном памяти основателя первого в мире государства рабочих и крестьян. Дня через три нас принял Михаил Иванович Калинин. Нужно было срочно решить один вопрос, связанный с поставками нам советского оружия. Председатель ВЦИК сказал, что самая лучшая память о Владимире Ильиче — это выполнение его завета развивать дружбу и сотрудничество между обоими государствами.

В двадцатые годы обстановка в советской Средней Азии была исключительно напряженной. «Хищники пустыни», как тогда называли басмачей, все делали для того, чтобы не допустить упрочения народной власти. Они нападали на кишлаки, не щадя ни женщин, ни детей, сжигали посевы, уничтожали сады, взрывали арыки и плотины.

Не секрет, что в те годы афганские и советские организации, насколько позволяли условия, сотрудничали в борьбе с басмачеством, которое наносило ущерб и нашему государству. Выполняя поручения нашего посольства, я пе-

редавал полученную из Кабула информацию, которая раскрывала планы вторжения басмаческих отрядов или деятельность вражеской агентуры в Туркестане, представителям советского командования. Я горжусь, что эти сведения помогали Красной Армии громить банды Джунаид-хана, Энвер-паши, Утан-бека, других главарей басмаческого движения. Горжусь и тем, что в 1926 году командующий Туркестанским фронтом К.А. Авксентьевский в присутствии С. Буденного подарил мне именную маузер с благодарственной надписью, выгравированной на рукоятке.

По роду своей работы, продолжает Джейлани, мне не раз приходилось встречаться с такими замечательными людьми, как М. Фрунзе, Ш. Элиава, М. Левандовский, Я. Рудутак, Ю. Ахунбабаев. Вспоминая те годы, я хотел бы сказать, что патриоты, принимавшие участие в ликвидации басмачества, не щадили жизни, самоотверженно боролись всюду, куда их направляли советские организации или командиры.

Некоторое время мне с группой афганских представителей довелось жить в Ташкенте. Никогда не забуду узбекского красноармейца Касыма, состоявшего в охране нашего здания. Однажды басмачи сделали ему предложение — стать их информатором, выполнять разного рода агентурные поручения. Взамен они гарантировали жизнь и спокойствие его семье, проживавшей в кишлаке под Ташкентом. Красноармеец отверг предложение басмачей. Враги отомстили: они умертвили его жену, троих детей и отца. Утрата не сломила парня. Он ушел служить в отряды, боровшиеся против басмачей. Впоследствии он стал видным командиром Красной Армии.

Был и такой случай. По делам службы в Афганистан направлялся сотрудник афганского посольства. Под Ашхабадом на него напали басмачи. Чекисты, сопровождавшие дипломата, приняли неравный бой. Афганцу, везшему секретные документы, они дали возможность ускользнуть от преследователей. Дипломат благополучно достиг Ашхабада, оттуда его в сопровождении усиленного отряда красноармейцев доставили на пограничный пункт, где он передал пакет представителям нашего правительства. Да разве перечислить все подвиги, совершенные во имя советско-афганской дружбы!

Недавно, говорил Гулам Джейлани, я побывал в Советском Союзе, посетил памятные мне места — Ташкент, Душанбе, Ашхабад, был гостем двух колхозов. Сравнивал с тем, что было в этих районах в двадцатых годах.

Благоустроенные города, электричество в поселках, газ и счастливая жизнь. Окраины царской России волей большевиков превратились в районы процветания, где люди не знают, что такое голод, нищета, эпидемии и байская плетка. Невольно я сравнивал вашу жизнь с нашей. Режим, существующий в Афганистане, не стремится к осуществлению прогрессивных преобразований. Если что и делается, то лишь как вынужденная мера. Да, режим проводит политику нейтралитета. Но это продиктовано обстановкой, складывающейся в этом районе земного шара. Альтернативы этому курсу нет.

Однако для страны и народа монархический режим стал анахронизмом, он тормозит прогрессивное развитие Афганистана. Недовольство зреет и в армии, и в широких слоях общественности Афганистана. Студенческие волнения, рабочие забастовки, которые то и дело вспыхивают в городах, тому убедительное доказательство. Забастовки были и на нашем джангалакском предприятии. Даже в деревнях, население которых запугано помещиками, опутано всякими предрассудками, участились случаи неповиновения властям, выступления против феодалов.

Помолчав, он продолжал:

— Некоторое время назад я подготовил для издания свои мемуары — это плод многолетней работы. В этих мемуарах я подчеркиваю, что Афганистан должен дорожить отношениями с Советским Союзом, быть верным своим обязательствам. Я также упрекаю режим в том, что он мало делает для того, чтобы улучшить положение крестьян, ускорить раскрепощение женщины. Министерство информации взяло рукопись, которая была у меня в единственном экземпляре, обещав ее просмотреть. Время шло. Мое терпение иссякло. Я обратился с личной просьбой к министру сообщить о судьбе рукописи. Министр принял меня и заявил, что ничего не знает о существовании рукописи. Чиновника, которому я вручил книгу, в министерстве уже не было — он давно находился на дипломатической работе где-то в странах Ближнего Востока. Рукопись исчезла.

Наши специалисты любили и уважали Гулама Джейлани. Знали, что он вынужден работать. Как могли, помогали ему, старались не перегружать работой. Как же старик обижался, когда он это замечал. Помнится, он сказал мне:

— Только я начну переводить, приходят ко мне ваши ребята и говорят, чтобы я отдохнул, не переутомлялся.

Разве они не понимают, что я живу работой, что это единственное, что меня связывает с Советским Союзом, что дает мне силы. Я понимаю их чувства, но для меня работа, особенно когда рядом советские люди, — это жизнь.

Скончался Гулам Джейлани в 1971 году. Ночью у него был сердечный приступ. Родственники побежали за врачом, но уже ничего нельзя было поделать. Официальная печать не обмолвилась ни единым словом о смерти этого человека. Рукопись же, как я узнал позднее, была уничтожена чиновниками.

...Приезжая в афганскую столицу, я всегда останавливался в гостинице «Кабул отель». Построенный еще в двадцатых годах, он имел толстые стены, высокие потолки. Даже в жару здесь было прохладно. Служащие отеля неплохо говорили по-русски и всегда приветливо относились к нашим людям.

В парке, примыкавшем к отелю, снимались в 1969 году отдельные кадры фильма «Миссия в Кабуле», рассказывавшего о первых днях зарождения советско-афганской дружбы. Фильм создавался совместно с кабульскими кинематографистами, артистами, художниками. Ведущим консультантом кинокартины был известный художник, поэт и композитор Абдул Гафур Брешна.

С раннего утра вся съемочная группа, в том числе Ирина Мирошниченко, Глеб и Олег Стриженовы, Михаил Глузский, Владимир Зельдин, Александр Демьяненко, уезжала на работу и возвращалась поздним вечером. Довольно часто по вечерам к нашим артистам приходили кабульские композиторы, художники, работники студии «Афганфильм». Спорили о проблемах современного киноискусства. Беспредельное уважение вызывал народный артист СССР Олег Жаков. Его спокойная манера говорить, внимательно слушать собеседника, эрудиция производили неизгладимое впечатление.

Несмотря на возраст, он всегда держался бодро. Порой казалось, что даже трудные часы работы под солнцем не действуют на этого человека. А съемки бывали не только трудные, но и опасные. Однажды снималась сцена, в которой советский полпред Сорокин, роль которого исполнял Жаков, едет на машине в Джелалабад, чтобы предупредить Амануллу-хана о грозящей ему опасности. Автомобиль был старой конструкции. Его чудом где-то обнаружили, поставили новый мотор и использовали для съемок. Но случилось непредвиденное — на спуске с горы отказали тормо-

за, и машина, хлопая дверцами, покатила вниз по изви-
листой дороге, набирая скорость. К счастью, все кон-
чилось благополучно.

— В нашей работе всякое случается, — говорил потом актер. — Бывает так, что и гибнут. Погиб на съемках Женя Урбанский, человек, которого я очень любил и высоко ценил как актера, не искавшего в искусстве легких дорог. На своем веку, — продолжал он, — я исполнил немало ролей — и положительных и отрицательных. А вот за своего Сорокина волнуюсь. Хочу не просто играть роль, а жить заботами советского дипломата, выполняющего большое, ответственное задание.

Фильм вышел на советский экран, получил неплохую оценку нашей критики. Но в Афганистане его не показали зрителям. Властям, говорили мне кабульские друзья, фильм не понравился. Не понравился главным образом потому, что создатели фильма показали руководителя государства Аманулли-хана и его сподвижников как активных сторонников реформ, их решимость бороться за интересы народа. В те годы пропагандистские службы королевского двора все делали для того, чтобы новые поколения афганцев как можно меньше знали о тех прогрессивных начинаниях, которые предпринимались на заре независимости Афганистана лидерами освободительного движения. В этом фильме усмотрели вызов, подрыв основ режима. Тем более что в стране с каждым днем нарастало демократическое движение.

...Из окна номера отеля, где я остановился в один из своих приездов в Кабул, открывался вид на массивное здание гробницы эмира Абдуррахмана в парке Зарнегар. Возле нее обширная вытоптанная площадка, на которой в выходные и праздничные дни собирались кабульцы. Собирались здесь лишь мужчины и иногда с ними дети. Бородатые люди в стеганых халатах или в коричневых рубашках до самых колен степенно пили чай, ведя неторопливый разговор. Горели жаровни, на которых жарилась баранина, варилась в котлах любимая афганцами фасолевая похлебка. Между отдыхающими сновали торговцы, предлагая на подносах нарезанные ломти арбуза или дыни, абрикосы и яблоки. До глубокой ночи гремели запущенные на всю мощь транзисторные приемники.

У меня эта площадка связана с воспоминанием об одном драматическом случае, происшедшем в годы монархии. Была пятница — традиционный выходной день в Афганистане. В ожидании своего коллеги Валентина Гав-

решив я, устроившись возле окна, просматривал записную книжку. Неожиданно со стороны площади раздался душераздирающий крик, потонувший в нарастающем гуле толпы. Я выглянул в окно — площадка была в движении: сквозь толпу людей, размахивая дубинками, пытались пробиться полицейские.

В номере появился запыхавшийся Валентин.

— Побежали, выясним на месте, в чем дело, — сказал он. — Фотоаппарат не бери, могут быть неприятности.

Предупреждение было нелишним. Буквально несколько дней назад западногерманского репортера, появившегося с кинокамерой на базаре, избили, а аппарат разбили о землю за то, что тот попытался снять на пленку группу споривших между собой людей.

Мы подошли к площадке и увидели, как по коридору, образовавшемуся в толпе, двое молодых людей вели под руку девушку. Она держалась обеими ладонями за лицо, из-под пальцев струилась кровь. Ее осторожно посадили в стоявшее поблизости такси.

Вот что здесь произошло. Девушка и двое парней, студенты Кибульского университета, собирали подписи под воззванием, в котором осуждались агрессия США против вьетнамского народа и варварские бомбежки Ханоя. В те дни по всей стране проводилась Неделя солидарности с борьбой патриотов Вьетнама. Люди, расположившиеся на площадке, настороженно встретили студентов. Но когда им объяснили, зачем пришли студенты, они согласились поставить свои подписи: более или менее грамотные сами выводили свои фамилии, а те, кто не умел писать, просили других или просто макали в чернила указательный палец и ставили отпечаток под воззванием.

Неожиданно к студентам протиснулся пожилой бородач в расшитом золотыми нитями халате — то был, как выяснилось позже, учитель одного медресе. Не говоря ни слова, он вырвал лист с проставленными фамилиями из рук девушки и бросил его под ноги.

— Что вы делаете! — закричала девушка и наклонилась, чтобы поднять лист, нечаянно задев руку этого человека.

— Собачья дочь! — зло выкрикнул фанатик и полоснул ее по лицу ножом.

Это было настолько неожиданно, что люди на мгновение растерялись. Но вот шок прошел. Студенты схватили фанатика и выбили из его рук нож, повалили на землю. Тот стал кричать, призывая собравшихся на помощь. Вскоре подошла полицейская машина, и его втолкнули туда.

Весть о покушении на студентку в считанные часы облетела город. На следующий день ранним утром к парламенту двинулась студенческая демонстрация. Делегация вручила депутатам петицию, в которой выражалось требование осудить фанатика, а училище закрыть. Копию этой петиции они передали иностранным журналистам.

Позднее я узнал: медресе власти не закрыли — подобное требование в существующих условиях выполнить было невозможно. Что же касается фанатика, то суд над ним под давлением общественности состоялся. Адвокаты со стороны обвиняемого всячески пытались оправдать подзащитного, приводя следующие аргументы: подзащитный шел из мечети, находился под сильным впечатлением общения с богом и когда увидел, что женщина с обнаженным лицом пристает к уважаемым мужчинам, требуя, чтобы они подписали богохульную бумагу, то не выдержал.

Суд продолжался два дня. И вот решение. Учитывая, что девушка осталась жива и глаза ее не пострадали, суд счел возможным не лишать свободы обвиняемого, а ограничиться штрафом в две тысячи афгани.

Но вернемся на площадку.

Неподалеку от нее протекал арык. Часто можно было наблюдать такие сцены: в одном месте в арыке стирают белье, купаются, а в нескольких метрах ниже по течению взрослые и дети полощут рот, чистят зубы. В августе 1973 года здесь появились предупредительные надписи, призывавшие не пользоваться водой из арыка для питья. Сюда то и дело приезжали врачи, сотрудники санитарных служб и муниципалитета. Они читали лекции об основах гигиены и профилактики желудочных заболеваний. Здесь же произошел инцидент, о котором мне рассказали журналисты из газеты «Анис».

По решению кабульского муниципалитета в городе проводился санитарный день. В полдень сюда приехала санитарно-агитационная машина. Взобравшись на капот, врач Азиз начал проводить беседу. Он говорил, что в некоторых деревнях наблюдаются вспышки холеры, призывал людей не пить сырую воду, мыть овощи и фрукты обязательно кипяченой водой. Собравшиеся внимательно слушали. Вдруг, расталкивая людей, к машине подошли два бородача, муллы из ближайшей мечети. Они стащили вниз врача, отобрали микрофон.

— Правовверные, не слушайте шайтана, — обратился один из них к присутствующим. — Это коммунистическая пропаганда. Наша жизнь принадлежит Аллаху. Когда ему будет

удно, он ее и возьмет. Правоверному нечего бояться. Пейте воду, она течет по священной земле Афганистана, гоните прочь всех этих врачей, они обманщики, только деньги берут, и никого не вылечивают. Они предают ислам.

Толпа зашумела. Сопровождавшие врача сотрудники муниципалитета отключили микрофон, потянулись к мулле, чтобы снять его с машины. Тот вытащил пистолет, выстрелил вверх. К машине протиснулся полицейский, дернул за ногу муллу, тот свалился на землю. Но до серьезного столкновения дело не дошло. Среди толпы было несколько студентов. Они помогли полицейскому обезоружить муллу.

— Пожалее еще, шайтаны. Найдется на вас управа. Кровью ответите за это, — кричал мулла.

... В те годы ровно в полдень с вершины горы Шир-Дарваз, нависшей над старыми кварталами, раздавался выстрел из старинной пушки. Это было традицией, которая родилась в дни, когда Афганистан обрел независимость. Рассказывают, что по распоряжению Амануллы-хана эта пушка, использовавшаяся повстанцами в борьбе против английских захватчиков, была водружена на вершину горы.

Вспоминаю декабрь 1971 года. Студеный ветер гонит пыль по холодным улицам Кабула. Сбросили листву пирамидальные тополя. Вместе с нашим дипломатом Виктором Козыревым едем на вершину Шир-Дарваза. Я хочу познакомиться с Мухаммадом, канониром, который вот уже более трех десятков лет служит при этом орудии. Шурша по крышкам по разбитой каменной дороге, не спеша ползет вверх «Волга». Наконец перед нами небольшая площадка, прилепившаяся к скале. Ближе к краю, блестя на солнце медью, стоит орудие, обложено камнями.

Возле пушки мы видим самого канонира. На старике поношенная армейская шинель цвета хаки. Голова замотана коричневым шарфом, топорщится рыжая борода. На ногах стоптанные армейские ботинки. Старик не спеша заталкивает шомпол, который увидишь сегодня только в музее, ветошь и порох в жерло пушки. Появляется паренек в овчинном полушубке, неся на палке зажженную паклю.

Он передает ее старику. Канонир просит нас отойти в сторону, смотрит на ручные часы и подносит огонь к отверстию, прорезанному в стволе. Гремит выстрел, эхом отдаваясь в горах, в древних крепостных валах Бала-Хиссара на склонах гор. В воздухе повисает облако синего дыма. Старик и мальчуган опускаются на разложенный возле пушки коврик и начинают молиться.

Совершив намаз, старик спрашивает, кто мы такие, и

приглашает войти в дом. Впрочем, это сильно сказано. К скале прилепилась сложенная из камней сакля. Небольшой проем завешен овчинным пологом, служащим дверью. Степенно, сохраняя удивительное достоинство, столь свойственное афганцам, Мухаммад пропускает нас вперед.

Полутемное пространство освещено косыми лучами солнца, проникающими сквозь небольшое окно. Неприхотливая обстановка жилья старого канонира: ящик, служащий столом, несколько чурбаков — что-то вроде табуреток, топчан, на который брошено армейское одеяло. В углу керогаз, на нем булькает медный чайник. К потолку подвешена керосиновая лампа-молния.

— Давно я здесь живу, это мой дом, — спокойно, без тени жалобы говорит Мухаммад. — Правда, сейчас здесь бываю только днем. Неделю назад умер мой родственник и оставил мне комнату там, внизу, в городе. На зарплату от муниципалитета не проживешь. По вечерам помогаю хозяину одной чайханы. За это он меня кормит. Иногда немного денег дают иностранные туристы. Они фотографируют меня возле пушки или на скале с ружьем. Вот с этим, — добавляет Мухаммад, кивая на старинное, почти двухметровой длины ружье. Затем продолжает: — Вот накоплю немного денег и обязательно отдам в школу своего внука Ахмада. Ведь он сирота, и кроме меня помочь ему некому.

Канонир Мухаммад поведал печальную историю.

— Это было не так давно. Жил я тогда в кишлаке под Газни. Мой сын Касым возвратился из армии. К тому времени я накопил денег на калым и помог ему жениться на красивой девушке из соседнего кишлака. Зажили они на первых порах неплохо. Под Чирикаром купили дом и небольшой участок земли. Родился у них мальчик, вот этот самый Ахмад. Жили в мире и согласии, растили сына. Но вот приглянулась невестка местному хану.

Вызывает он к себе моего Касыма и говорит: мол, продай свою жену. Сын возмутился и набросился на хана. Но подбежали слуги, связали Касыма, избили и передали в полицию. Был суд, сына посадили в тюрьму, где вскоре он и скончался. Когда я обо всем этом узнал, то поехал, чтобы увезти невестку и внука. Приезжаю в деревню — и новое горе. Невестка покончила с собой. Оказывается, в тот самый день, когда моего сына передали в полицию, ханские слуги похитили невестку и увезли в дом хана, где над ней надругались. Женщина не перенесла позора. К хану меня не допустили. Пошел я к мулле, которого хорошо знал. Так вот, этот мулла стал убеждать меня, что гибель сына и невестки —

но воля Аллаха, наказание, дескать, за какие-то мои грехи. А какие там грехи? Ведь я честно жил, никого не обманывал.

Помолчав, Мухаммад добавляет:

— Я отомщу хану, убью его. Правда, я слышал, что хан уехал сейчас в Иран. Но все равно он будет убит. Если не сумею я, то это сделает мой внук.

— Да, — сказал сидевший на топчане паренек. — Я убью его.

— Я вас, кажется, расстроил своим рассказом, — продолжил Мухаммад. — Сейчас будем пить чай. Ахмад, принеси угощение.

Чай — это культ на Востоке, особенно в Афганистане, часть жизни людей, независимо от их достатка, социального положения. С чашки чая начинается знакомство. Вы пришли в учреждение — вам предлагают чашку чая. Вас пригласили в гости, и первым делом на столе появляется чай.

Летом, в жару, афганцы пьют «сабз» — зеленый чай, причем без сахара. Считается, что этот сорт чая утоляет жажду, придает силы. И в этом я убедился на собственном опыте. Бывало, в жаркий день едешь по дороге, горло пересохло, устал, тяжело двигаться. Но вот придорожная чайхана. Выпьешь пиал пять зеленого чая и снова чувствуешь себя бодрым, жажда утолена. В холодное время вам предложат черный чай, чтобы согреться.

Для Мухаммада мы были желанные гости. И хозяин старался показать свое истинно афганское гостеприимство, уважение к нам. В пузатый фарфоровый чайник старик бросил несколько щепоток черного чая, добавил лепестки засушенного цветка жасмина. Затем залил заварку струйкой кипятка. На несколько минут он прикрыл чайник подушкой, и чай был готов.

Внук извлек из тумбочки небольшие пиалы. На них толстым слоем лежала копоть. Канонир покачал головой, поплевал вовнутрь каждой пиалы, а затем протер их подолом шинели. Не спеша стал разливать чай. Как здесь принято, пиалы были наполнены только наполовину. Налить чай до краев считается неприличным, признаком дурного тона.

Старик потчует нас засахаренными орешками, инжиром, песченьем и кладет ложечкой сахар в наши пиалы. Верх гостеприимства. Ну как же после этого не отведать ароматного чая...

Разговор продолжается. Проводя почти все время здесь, на першине, возле своей пушки, Мухаммад в общем-то в курсе основных международных и внутренних событий. У него транзисторный приемник «Спидола», подарок наших специ-

алистов из Кабульского политехнического института, побывавших как-то на Шир-Дарвазе.

Старик кроме своего родного языка пушту владеет дари, что характерно для подавляющего большинства афганцев. Дари и пушту считаются официальными языками страны. На них издаются газеты, журналы и книги, ведется преподавание в школах. Страна двуязычная. Но старик к тому же понимает по-узбекски, регулярно слушает радиопередачи из Ташкента и Душанбе.

— Люблю, — говорит он, — песни, музыку, рассказы о том, что происходит в вашей стране. Очень хочется побывать у вас.

Чай выпит. Мухаммад предлагает покурить. Я не курю, отказываюсь. А он берет в руки чилим, или, как мы называем его, кальян. Это высокий глиняный сосуд. В верхней узкой части сквозь пробку из хлопка пропущены две тонкие металлические трубочки. На одну насажен небольшой фарфоровый стаканчик, в котором разжигается табак. Другая закреплена неподвижно. Вода в этот сосуд наливается с таким расчетом, чтобы ее уровень делил на две одинаковые части пространство между концами двух трубочек. При курении дым, проходя сквозь воду, очищается.

Старик усаживается на топчан, делает несколько затяжек, прикрывает от удовольствия глаза и продолжает рассказывать. Раньше ему довольно часто приходилось встречаться с советскими людьми. В двадцатых годах он служил в отряде, охранявшем наших специалистов, которые работали на установке телеграфных линий на севере страны. Одно время он сопровождал грузы, приходящие из Советского Союза.

— Как-то я заболел малярией, — вспоминает Мухаммад. — Русские специалисты поили хиной, лечили и кормили, относились как к равному. Я это навсегда запомнил и рассказываю всем.

Он вышел проводить нас, пожал руки, потом направился к пушке, чтобы прочистить ствол. Позднее от наших специалистов я узнал еще одну деталь, характеризующую этого старого канонира. На полпути к площадке, за каменной оградой находятся могилы советских граждан, скончавшихся в конце двадцатых годов. Каждый год 7 ноября, в день Великого Октября, на могилах появляется букет роз. Их приносит сюда старый канонир.

Через семь лет мне вновь довелось побывать на вершине Шир-Дарваза. Мухаммада уже не застал. Он скон-

человек буквально за несколько месяцев до Апрельской революции — поднимался с пачками пороха и ветоши для орудия, не выдержало сердце. Ахмада он все-таки «вынул из люди», дал ему школьное образование, и тот смог поступить в Кабульский политехнический институт.

...В Москве, в Государственном музее искусства народов Востока хранится написанный маслом портрет Владимира Ильича Ленина. Портрет подарил к столетию со дня рождения нашего вождя выдающийся живописец, писатель и композитор Абдул Гафур Брешна.

Интересен жизненный путь этого человека. Родился Абдул Гафур Брешна в Кабуле в апреле 1906 года в пристократической семье. Уже в школьные годы он заметно отличался от своих сверстников: серьезно увлеклся литературой и музыкой, пробовал себя в живописи, поражая специалистов мастерством. Он успешно завершил курс в лицее и в числе небольшой группы молодежи был направлен правительством Амануллы-хана на учебу в Германию. Занимался в художественных академиях Берлина и Мюнхена, затем изучал литографское дело в Лейпциге и Бремене.

Все свободное время Брешна проводил в библиотеках, где штудировал работы К. Маркса и Ф. Энгельса, много читал о революционных событиях в России. В его альбоме появились карандашные портреты Ленина, срисованные из газет и журналов.

Бурные политические события, происходившие в Германии, захватили и афганского юношу. Он посещает митинги и собрания, проводимые демократическими организациями, слушает страстные выступления вождя немецких коммунистов Эрнста Тельмана. Однажды в Берлине он становится свидетелем возмутительной сцены: подвыпившие фашиствующие молодчики избивают разносчика демократических газет. Все происходит на глазах полицейского, который, однако, делает вид, что ничего не видит. Не выдержав, молодой Брешна бросается к разносчику и помогает ему отбиться от хулиганов.

На другой день афганский юноша воспроизводит сцену нападения фашистов на молодого активиста компартии в карандашном наброске. И вскоре молодежная газета германской компартии печатает этот набросок. «Вот что несет фашизм людям» — гласила подпись под снимком. Тут же сообщается, что рисунок принадлежит карандашу афганского студента, специализирующегося в области живописи и литографии в Германии.

Так начинал свой творческий жизненный путь Абдул Гафур Брешна. На родину он возвращается в 1929 году через Советский Союз, решив задержаться в Москве всего на несколько дней. В день приезда в афганском представительстве проходит прием, и здесь он совершенно случайно знакомится с кинорежиссером Всеволодом Пудовкиным, который сразу же заинтересовался афганским юношей. Брешне предлагается принять участие в качестве консультанта в съемках нашумевшего потом фильма «Потомок Чингисхана», который на зарубежных экранах демонстрировался под названием «Буря над Азией».

Общение с выдающимся мастером советского киноискусства, встречи и беседы с другими деятелями культуры, посещение предприятий, вузов, вся атмосфера жизни столицы Страны Советов произвели на него неизгладимое впечатление. Полный творческих планов, стремления служить своему народу приезжает Брешна в Кабул. Вместе с такими известными деятелями культуры, как Гуль Пача Ульфат и Киямуддин Хадем, он участвует просветительском движении.

Лидеры этого движения считали, что ликвидировать отсталость страны и нищету народных масс можно путем просвещения, совершенствования личности. При всей наивности и ограниченности такого рода подхода просветительство в Афганистане было явлением прогрессивным. Оно способствовало пробуждению духовных сил народа и становлению национальной культуры. По инициативе афганских просветителей начали издаваться произведения русских и советских писателей. Афганский народ смог познакомиться с произведениями Л. Толстого, Пушкина, Чехова, Горького, Шолохова. И весьма примечательно — во всех прогрессивных начинаниях участвует Брешна. В эти годы он целиком отдает себя литературной деятельности, пишет статьи о персидской поэзии, сотрудничает на кабульском радио, готовит литературно-музыкальные композиции, пользующиеся большим успехом.

Однако истинное призвание Брешны — живопись, которой он посвящает свою жизнь. И не случайно, что вскоре он становится во главе кабульской Школы изобразительного и прикладного искусства. Впоследствии из стен этого учебного заведения вышла целая плеяда художников реалистического направления.

В конце тридцатых годов он, не прерывая творческой деятельности, возглавляет управление типографиями. На этом посту он многое сделал для развития типограф-

ского дела. Именно благодаря поддержке этого человека вышли произведения многих прогрессивных афганских писателей.

Затем несколько лет работы в Иране в качестве пресс-атташе посольства. Здесь он создает серию акварельных работ о жизни и быте иранского народа. Он пишет также книгу по истории гератской миниатюры, иллюстрируя ее собственными рисунками. Рукопись этой книги он направляет в Кабул через одного купца, приехавшего в Тегеран. Но где-то под Мешхедом этого купца ограбили разбойники, и рукопись пропала, так и не увидев свет. Записные книжки, карандашные и акварельные наброски будущих полотен, огромная справочная литература по искусству и культуре Востока — основное содержание багажа, с которым возвращается Брешна в Кабул.

Пятидесятые и шестидесятые годы — период его наиболее активного творчества и общественной деятельности. Тема жизни простых людей, их борьбы за лучшую долю, против дурмана предрассудков занимает видное место в творчестве художника. В эти же годы он создает серию новелл, в которых вскрывает причины страданий афганских труженников, особенно женщин. В ряде прогрессивных изданий Италии и Франции появляются его статьи, разоблачающие эксплуатацию крестьян помещиками и ростовщиками.

Правительство недоволено. Но заставить Брешну прекратить выступать на эти темы не так-то легко. Тогда ему предлагают заманчивый заказ: за большое вознаграждение создать серию портретов членов королевской семьи. Он отказывается.

Бывая в Кабуле, я виделся с ним урывками. Поездки по стране, разного рода общественные дела, к которым он подходил очень серьезно, отнимали у него все свободное время. Но однажды мне повезло. Было это весной 1972 года.

Абдул Гафур Брешна жил на тихой окраине в небольшом двухэтажном особняке, скрытом густой зеленью кипарисов и тополей. Одной стороной дом выходил к подошве горы, на вершине которой снег не таял даже в самые жаркие дни. Хозяин встретил нас у входа во дворик. Высокого роста, с посеребренными сединой волосами и удивительно гордой осанкой. Шея повязана шерстяным шарфом — простудился по дороге, возвращаясь из длительной поездки.

— Пока нам вскипятят чай, — сказал он, — я покажу мой дом, картины.

Все стены дома, начиная с коридора нижнего этажа и кончая мансардой на втором этаже, завешаны картинами. Это и полотна, написанные маслом, и акварели, и карандашные рисунки. Он водит по комнатам, рассказывает, как создавалась та или иная картина, останавливает внимание на работах, получивших известность не только в Афганистане, но и за рубежом. Это знаменитые «Жажда», «Спор поколений», «Раздумье», «Голодные дети», «Муллы и прихожане».

— Кое-кому эти полотна, — замечает Брешна, — очень уж не понравились. В прошлом году меня посетил сам наследный принц, считающийся в кругах дворцовой аристократии знатоком живописи. Так вот, его высочество, а он собирался на охоту, приглашал меня поехать с ним. «Я очень вас прошу, — сказал он, — запечатлеть меня на полотне с убитой дичью в руках. Заплачу любую цену, назначайте».

В том же ироническом тоне Брешна продолжал:

— Увидев, что я никак не реагирую на это предложение, его высочество не выдержал и заявил: «Бросьте вы марасть всяких там нищих, калек и слуг. Мы вами недовольны. Советую не ссориться». Сказав это, его высочество сел в «мерседес» и уехал. Очень хотят превратить меня в придворного художника, но этого никогда не будет.

Брешна подводит к картине, на которой изображен пузатый бородач-ростовщик. Тупое обрюзгшее лицо. Пальцы унизаны золотыми кольцами, драгоценными перстнями. Перед ним на коленях несколько крестьян в заплатанной одежде, босых. У них страдальческие утомленные лица, натруженные руки. Картина написана под впечатлением поездки в бадахшанские районы.

— Страну поразила засуха, — говорит Брешна. — В некоторых местах голод привел к массовой смертности. Простые люди бедствуют, голодают, а вот они, — он показал на ростовщика на полотне, — наживаются на страданиях народа и живут в свое удовольствие. Так долго продолжаться не может. В народе растет недовольство.

В небольшом зале, где хозяин обычно принимает гостей, нас ждет душистый зеленый чай. Разливая его, Брешна рассказывает о поездке в Западную Европу в прошлом году:

— В Ницце меня пригласили на выставку работ художников, увлекающихся всякого рода «измами». Я не противник свободы творчества. Но то, что я там увидел,

неумутительно. Бездарная мазня! Есть и такое: на деревянном кресте прибита картонная фигура Иисуса Христа с приклеенными рыжими волосами и бородой. Спрашиваю автора этого шедевра, средних лет англичанина, что это такое. В ответ слышу: «Сэр, не всем дано понять, что я хотел здесь передать». И смотрит он на меня с сожалением.

Чудовищно выглядела выставка художников в западно-германском городе Кассель. Представьте себе большой зал, стены, пол и потолок которого выкрашены в черный цвет. Входит очередная группа посетителей, и на экране, повешенном на одной из стен, вспыхивает изображение человека, сидящего в кресле. Руки и ноги перетянуты ремнями. К голове подведены электрические провода. Включается ток, и человек на экране начинает дергаться, лицо искажено болью, он душевиздирающе кричит. Признаюсь, мне стало не по себе, захотелось подышать свежим воздухом.

В другом зале на холсте крупным планом отпечатки босых ног человека и обезьяньих лап. Рядом раскрашенный всеми цветами радуги натуральный унитаз, на котором восседает макет человека с ослиной мордой. Временами свет в зале гаснет, прожекторы высвечивают картины и макеты. Все это сопровождается звериными рыками и истошными человеческими воплями.

Должен сказать, я не против поисков новых форм в живописи, я за разнообразие творческой манеры. Попытки перейти границы между различными видами искусства, совместить рисунок, проекцию, световые эффекты сами по себе интересны. Но то, что демонстрировалось на этой выставке, — дико и примитивно во всех отношениях. Убожество и нарочитое уродство, пещерное понимание искусства, даже если оно и преподносится под видом «искусства как средства информации». Это профанация искусства. Честно скажу, я расстроился. Не признаю такого рода выкрутасов. Для меня живопись — это Рембрандт, Боттичелли, это Серов, Репин, Лактионов, Дейнека. Подлинные шедевры надо смотреть в Лувре, Эрмитаже, Третьяковской галерее, Русском музее...

Речь заходит о планах художника. Брешна оживляется: — Хочу побывать на химическом комбинате под Мазари-Шарифом, сооруженном при содействии Советского Союза. Задумал создать серию портретов людей, руками которых построено предприятие. Там работает один интересный русский человек — Аркадий Рагозин, главный специалист. Под его руководством готовились квалифицированные кадры из афганцев. Видели бы вы, с каким уважением и любовью относятся к нему на предприятии.

Несколько часов провел я в доме афганского живописца. Он с неподдельной радостью и гордостью говорил, что осенью Общество советско-афганских культурных связей намерено устроить в Москве выставку его картин. «Это для меня большая честь, — подчеркивал художник. — Поверьте, я говорю искренне». Забегая вперед, скажу, что выставка картин Брешны состоялась. Она заслужила высокую оценку зрителей, нашей печати и критики.

У него были большие планы. Смерть застала его за работой над очередным полотном. Скончался он на 68-м году жизни. Официальная даудовская печать сообщила о смерти Брешны в небольшой заметке. Дауд, портрет которого тоже отказался написать этот выдающийся художник, мстил замалчиванием его памяти.

...Многие из родных думали, что Аслан Хайдарзад выберет карьеру чиновника. Учился он в аристократическом лицее Хабибия, выпускники которого, по установившейся традиции, поступали на государственную или военную службу.

Иначе будущее своего сына представляла мать, женщина образованная, передовых взглядов. Она видела, что карьера чиновника мало интересует сына. С детских лет Аслан увлекался рисованием и резьбой по металлу. Мать поддерживала это увлечение, которому он отдавал все свободное время. Потом его страстью стала скульптура. И это уже было серьезно. Но в те годы в Афганистане не было ни одного профессионального скульптора, и искусство ваяния ему пришлось постигать самостоятельно, по книгам и альбомам, которые дарила ему мать.

Однажды, на последнем курсе лицея, Аслан привез огромную глыбу мрамора. Во дворе был сооружен навес — своеобразная студия. Почти полгода каждый день до глубокой ночи оттуда доносились постукивание молоточка, скрежет инструмента, обрабатывающего камень.

Наконец Аслан пригласил родных и друзей по лицее. На небольшом деревянном помосте стояла метровой высоты фигура молодой девушки. Одной рукой она срывала паранджу. Красивое лицо, обращенное к солнцу, светилось горделивой улыбкой.

— Да это же наша Назима! — воскликнула мать.

Девушка, которую изваял в мраморе Аслан, существовала в действительности. Звали ее Назима. Она была в числе первой группы девушек-медиков, получивших дипломы врачей в Варшаве. По возвращении в Кабул Назима работала в государственном госпитале и часто выезжала со своими

коллегами проводить вакцинации среди населения отдаленных районов.

Работа нелегкая и опасная. Однажды фанатики из Газни совершили на нее покушение. В лицо девушке плеснули серной кислотой. К счастью, она вовремя отпрянула в сторону и жидкость ее не задела. Девушка приходилась дальней родственницей матери Аслана, часто бывала у них, много рассказывала о своей работе в госпитале.

В тот год в Кабуле проходила выставка прикладного искусства и ремесел. Друзья уговорили Аслана принять в ней участие. Выставленная им скульптура девушки была единственным экспонатом такого рода. Она привлекла внимание общественности не только мастерством исполнения, но и своей социальной направленностью. На молодого скульптора обрушились религиозные фанатики. Ведь ортодоксальный ислам запрещает изображать людей и животных.

Но жюри, в состав которого входили такие известные прогрессивные деятели культуры, как художники Абдул Гафур Брешна и Саид Машал, отметило его работу как лучшую и присудило почетный диплом. Молодым скульпторам заинтересовались. Брешна оказал ему поддержку. В 1957 году, после окончания лицея, Аслан — ему тогда исполнилось восемнадцать лет — уехал в Италию на учебу.

Жаркий август 1973 года. Я сижу в небольшой комнатке афганского скульптора на втором этаже. Из окна открывается вид на заснеженный склон горы, подступившей к самому дому. Стол и полки завалены карандашными эскизами, альбомами, в которых хранятся снимки его работ, вырезками из иностранных газет, журналов с критикой его произведений. На стене — бронзовая тарелка с изображением Бируни.

Аслан рассказывает о времени, проведенном в Италии. Там им создана серия скульптурных работ по афганским мотивам, получивших национальные и международные премии. Но почти все это пришлось продать. В авиационной катастрофе погиб отец — надо было содержать семью.

— Одно время, — говорит он, — я начал было увлекаться модернистскими течениями. Но вскоре понял, что это не мой стиль. Я, как и мой учитель Абдул Гафур Брешна, сторонник реалистического направления, люблю классику. Только работая в реалистической манере, я смогу показать жизнь моего народа, его стремление к миру и прогрессу, борьбу против всего, что тормозит движение Афганистана вперед.

Меня, как и многих моих друзей, волнует, что женщина в нашей стране все еще находится в угнетенном состоянии, она еще не заняла достойное место в общественной жизни. Если и есть какие-то сдвиги, то они ограничиваются, пожалуй, лишь Кабулом и Гератом. Религиозные фанатики все делают для того, чтобы не дать развиваться процессу эмансипации женщины. Они апеллируют и к патриархальным традициям, и к шариату, и к Корану. Судьбе нашей женщины не позавидуешь. Ее отдают, вернее сказать, продают замуж, не считаясь с ее желанием. От невыносимой работы дома и в поле она старится раньше времени.

Дичайший парадокс: поэты воспевают женщину в стихах, сравнивают ее с утренней росой, благоухающей розой или молодым месяцем. И в то же время мужчина в молитве благодарит Аллаха, что он не родился женщиной. По малейшему подозрению в неверности муж может забить жену до смерти, и это освящено традициями. Мужчине позволено все, женщине — ничего. Даже на том свете правоверному мусульманину дарованы все прелести райской жизни: вино, шашлык, наложницы. А женщине в лучшем случае уготован удел быть гурией, услаждать мужчину.

На этом же свете удел женщины — быть покорной женой, заниматься воспитанием детей. Ее лица не должен видеть посторонний мужчина. Я не сгущаю краски. Обязательное ношение паранджи отменено еще в годы монархии. Но немногие женщины решаются выйти на улицу без паранджи.

Вы просто не представляете себе, как возмутились мракобесы, когда узнали, что в Афганистан — это было еще в годы монархического правления — приезжала первая женщина-космонавт Валентина Терешкова. Фанатики называли ее шайтаном, осквернившим воздух, которым дышали правоверные. А афганские женщины восхищались Валентиной Терешковой, аплодировали ей, где бы она ни появлялась. Своим посещением нашей страны она вдохнула смелость в сердца сотен тысяч простых афганок. Эту женщину у нас в народе называют просто и коротко: Валя.

Беседа продолжается. Скульптор говорит, что фанатики идут на все, чтобы не допустить перемен в жизни общества. В 1970 году, когда прогрессивная общественность Афганистана отмечала столетие со дня рождения Ленина и повела кампанию за изживание темных обычаев и пред-

рассудков, реакция ответила террором. Беда также и в том, что ядом предрассудков прошлого заражены простые и честные крестьяне, ремесленники и рабочие.

У писателя Карима Мисака есть потрясающей силы небольшая новелла. В родовых схватках мучается женщина. Ее стоны беспокоят людей, живущих в соседних домах. Они приводят доктора и стучатся в дом, где стоит роженица. На стук выходит муж и, увидев, что врач — мужчина, наотрез отказывается от его услуг: он не позволит, чтобы к телу его жены прикасались руки мужчины. Когда же соседи попытались еще раз убедить крестьянина, что его жене необходима помощь врача, он взялся за топор. Наутро несчастная женщина скончалась.

Осуждение всего того, что оскорбляет достоинство женщины, — одна из ведущих тем творчества писателя Сиеда Хайра. Типичны и не потеряли социальной остроты его рассказы, где говорится о том, как престарелые боги берут себе в жены 12—14-летних девочек, воспользовавшись бедственным положением их родителей. Теперь понимаете, почему эти, да и другие прогрессивные писатели, поднимавшие такого рода темы, были в немилости. Фанатики не останавливаются ни перед чем, чтобы не допустить обновления жизни. Под Кандагаром они похитили трех девочек только за то, что те стали посещать школу. Судьи замяли дело.

Разговор заходит о дальнейших творческих планах самого скульптора.

— Они большие, — отвечает он. — Мечтаю со своими друзьями создать монументальный ансамбль, который рассказал бы о героическом прошлом моего народа, боровшегося за свободу и независимость.

Хозяин приглашает ознакомиться со своей студией. По скрипучей лестнице спускаемся на первый этаж. Большой зал. В углу несколько гранитных валунов, мешки с гипсом, железные конструкции. Возле окна помост, накрытый белым полотном. Скульптор осторожно снимает покрывало. Глазам предстает бюст Ленина, выполненный в гипсе.

Жизнь Аслана Хайдарзада оборвалась трагически. По доносу одного негодяя он был арестован аминовской охранкой в начале 1979 года. Во время допросов его сильно избили, и Хайдарзад скончался. Об этом мне рассказали советские коллеги, работавшие в Афганистане.

...Телетайпы иностранных информационных агентств передали 19 декабря 1977 года печальную весть: на 68-м году жизни скончался Гуль Пача Ульфат, известный афган-

ский поэт и писатель, крупный ученый и общественный деятель. Он происходил из рода сеидов — прямых потомков пророка Мухаммада. Родители мечтали, что их сын станет богословом, и дали ему традиционное образование. Однако Ульфат избрал другой путь — борьбу за нового человека и его духовное освобождение. Он писал, обращаясь к своему многострадальному народу:

Ужели ты веришь,
что множество ран
на теле народном
излечит Коран?

(Перевод Н. Дворянкова)

Слово «ульфа» означает «любовь». Под таким поэтическим псевдонимом Гуль Пача начал печататься накануне второй мировой войны. С годами его творчество и общественная позиция обрели гражданскую направленность.

Заслуженное признание и славу он снискал как поэт. Сборники «Слово сердца», «Избранные стихотворения», высоко ценимые в Афганистане и за рубежом, составляют его поэтическое наследие.

Проза Ульфата, как и поэзия, полна глубокого социального смысла, надежды на справедливое переустройство общества. Он внес большой вклад и в развитие гуманитарных наук. Об этом говорят созданные им произведения: «Орфография и стилистика», «Национальный герой Хушхаль-хан Хаттак», «Что писать, или Наука о письме», «Логика», переизданные после Апрельской революции.

Он явился одним из зачинателей прогрессивного движения «Пробудившаяся молодежь», проводил большую просветительскую работу, формировал общественное сознание афганского народа.

Несколько лет Ульфат возглавлял Академию пушту, был издателем газеты «Афган миллят». Он неоднократно избирался депутатом нижней палаты парламента. Находясь в рядах оппозиции, он выступал в парламенте с речами, обличавшими деспотические порядки, царившие в стране.

Литературная деятельность Ульфата отмечена несколькими национальными премиями. Он участник международных конгрессов востоковедов, проводившихся в Москве и Мюнхене. Борьбу за мир, за разрядку международной напряженности считал неотъемлемой частью своей деятельности. На эту тему не раз выступал в местной и иностранной прессе.

В 1957 году Ульфат стал одним из инициаторов созда-

ния афганского Общества культурных связей с СССР и был президентом этой организации до 1964 года. Он неоднократно приезжал в СССР, много и интересно писал о нашей стране, активно сотрудничал с советскими востоковедами, хорошо знал и высоко ценил таких наших литературоведов, как Н.А. Дворянков, А.С. Герасимова, Г.Ф. Гирс. Институт востоковедения Академии наук СССР Ульфат называл «родным домом».

С Гуль Пача Ульфатом мне довелось встретиться, к сожалению, всего один раз и беседовать недолго. Это было в конце августа 1973 года в Кабуле. В те дни столица готовилась отмечать тысячелетие со дня рождения выдающегося восточного мыслителя и философа Абу Рейхана Бируни. На торжества в Кабул ожидалась делегация из различных стран, в том числе и из Советского Союза. Общественные круги Афганистана стремились создать все условия, чтобы зарубежные гости могли в спокойной и деловой обстановке выступить с докладами и обменяться мнениями.

Встретился я с Ульфатом в холле отеля «Интерконтинентал», где только что состоялся брифинг, посвященный предстоящему празднованию юбилея Бируни. Ульфат был в хорошем настроении, говорил, что после юбилейных торжеств намеревается посетить Советский Союз, побывать в научно-исследовательских центрах Москвы, Ленинграда, Ташкента и Душанбе. Он подготовил новый сборник стихов и коротких рассказов, который собирался предложить советским издательствам.

— Думаю, не преувеличу, — говорил он, — если скажу, что юбилей Бируни — это праздник народов Афганистана, Ирана, советской Средней Азии. Это праздник и народов арабских стран, на языке которых Бируни создавал свои труды, народов Индии, которых он познакомил с арабской культурой и античной наукой. Бируни принадлежит всему человечеству.

Торжества, посвященные юбилею Бируни, стали крупным событием в культурной жизни Афганистана, нашли живой отклик в самых различных кругах общественности. Правда (это стало известно несколько позже), нашлись силы, которые все же пытались омрачить юбилей. Это были экстремисты из организации «Братья-мусульмане». В заключительный день торжеств они задумали провокацию, чреватую серьезными последствиями.

На шоссе, ведущем к отелю «Интерконтинентал», где проживали иностранные гости, застрял автобус на подъеме.

Полицейский, подъехавший, чтобы узнать, почему остановился автобус, увидел в нем около двух десятков бородачей. Из-под полы халатов у некоторых пассажиров виднелись приклады винтовок. В это же время к автобусу подъехал наряд жандармерии. Всем пассажирам предложено было покинуть автобус и сдать оружие. Те вначале пошумели, но не стали сопротивляться. Жандармы провели обыск автобуса, обнаружив там дымовые шашки и листовки. Всех «пассажиров» отвезли в главное управление безопасности и допросили. Состав преступления не нашли, пассажиры из винтовок не стреляли, листовок не разбрасывали, демонстрации не устраивали. И их отпустили, посоветовав больше не появляться вблизи отеля.

...Таков уж Кабул летом. Днем несусветная жара, а сгущаются сумерки — и ветры с окрестных гор приносят приятную прохладу. Июньский вечер 1967 года. Я сижу в небольшом саду, огороженном высоким дувалом. Керосиновая лампа на деревянном столбе бросает оранжевые блики на стену каменного дома, по которой протянулись плети плюща, на кусты роз и размашистую крону яблонь.

На овальном столике, вынесенном на лужайку, — пиалы с зеленым чаем, сочная курага, засахаренные орешки и домашнее печенье. Хозяин дома Абдул Хади Дави, откинувшись в плетеном кресле, неторопливо рассказывает о себе, о своей жизни. А ему — председателю сената, человеку, прожившему на свете более 70 лет, есть что вспомнить и рассказать.

А.Х. Дави не было и 18 лет, когда он примкнул к движению младоафганцев. Он организовывал собрания, готовил статьи для газеты «Сирадж-аль-ахбар», созданной в 1911 году известным просветителем и ученым Махмудом Тарзи. В этих` статьях Дави, как и другие активисты младоафганцев, призывал к борьбе за национальную независимость, за осуществление прогрессивных реформ, которые вывели бы страну из экономического и духовного застоя.

Известие об Октябрьской революции достигло и Кабула. Индийские политические эмигранты, проживавшие в Афганистане, передали в редакцию газеты первые декреты Советской власти. Махмуд Тарзи, вспоминает Дави, устроил совещание, на котором присутствовал ряд деятелей младоафганского движения. Излишне говорить, с каким воодушевлением они восприняли новость о том, что Россия избрала путь свободного развития.

— Если на первом этапе наше движение носило в основ-

ном просветительский характер, то теперь, под влиянием событий в России, оно все более стало принимать политическую направленность. Младоафганцы начали вести активную политическую агитацию, распространять прокламации, проводить собрания с требованием устранения эмира Хабибуллы. Мы популяризировали обращение Советского правительства ко всем трудящимся мусульманам. Через газету и прокламации сообщали, что Москва обращалась к афганскому правительству с предложением направить в Кабул дипломатическую миссию, но эмир Хабибулла, оглядывавшийся на Лондон, ответил отказом.

С приходом Амануллы-хана к власти Дави активно участвует в мероприятиях по осуществлению прогрессивных реформ. Он занимает пост министра торговли и немало делает для развития внешнеэкономических связей. Некоторое время он возглавляет нижнюю палату парламента. В последние месяцы правления Амануллы находится на дипломатической работе в Берлине.

В тридцатых годах он в опале у нового режима. Но в пятидесятых годах он вновь приглашается на работу в министерство иностранных дел, перемежая дипломатическую деятельность с парламентской и журналистской. Жизнь по-разному складывалась у этого много повидавшего на своем веку человека. Но всегда и при всех обстоятельствах он оставался другом Советского Союза.

Спрашиваю, довелось ли Дави бывать в нашей стране. Да, он посетил Москву осенью 1920 года, вскоре после того как в Кабуле был согласован советско-афганский договор о дружбе. С Лениным, к сожалению, встретиться не довелось. Но вот с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным встречался и брал у него интервью.

— Нарком, одетый в армейского покроя китель, пригласил меня в рабочий кабинет и уделил мне более двух часов. Это был щедрый подарок главы внешнеполитического ведомства, который работал, не зная отдыха. Чичерин произвел на меня неизгладимое впечатление своей энциклопедической образованностью, знанием иностранных языков, культурой и удивительной манерой выслушивать собеседника, убеждать его. Этот человек, о котором я знал, что он принадлежал к знатному дворянскому роду, сегодня беззаветно служил народу, не требуя для себя никаких благ и привилегий. стакан чая с сахарином и сухари — вот был завтрак члена правительства.

С первых же минут беседы стало ясно, что Чичерин хорошо знает обстановку в Афганистане, осведомлен и о

трудностях, которые испытывает Аманулла-хан в проведении реформ, о происках английской агентуры, стремящейся повредить добрососедским отношениям между обеими странами. Тем не менее он внимательно слушал меня, задавал попутно массу уточняющих вопросов и все это тщательно заносил в свой блокнот. Разговор он считал доверительным и к услугам стенографистки не прибегал.

Когда же я от имени М. Тарзи, нашего министра иностранных дел, поблагодарил советское руководство за помощь, которая оказывается стране, он заметил:

— Советско-афганское сотрудничество, полагаю, носит взаимный характер. Мы помогаем Афганистану и обезопасили его северные границы. Но справедливо и то, что Афганистан прикрывает нас от посягательств со стороны империалистов. Когда в прошлом году английские интервенты попытались оккупировать Советский Туркестан, война с Афганистаном их отвлекла. Сопротивление афганцев оказало Советской республике значительную услугу. Это мы помним. Ну а что касается происков басмачей, поддерживаемых Лондоном, думаю, если Кабул не будет стоять в стороне, то совместными усилиями и им нанесем поражение.

Вновь мне удалось встретиться с Чичериным в Генуе. Мой приезд туда совпал с только что окончившейся Генуэзской конференцией, где нарком возглавлял советскую делегацию. В том, что эта конференция прошла успешно для советской стороны, заслуга самого Чичерина. Газеты того времени отмечали поразительное умение наркома вести полемику, аргументированно, с достоинством защищать интересы своего государства. Его политические противники были слабее.

Я увидел Чичерина на вокзале, когда он собирался уезжать. Элегантный, в безукоризненно сшитом модном костюме, он прощался с провожавшими его, попутно отвечая на вопросы журналистов. Протиснулся к нему и я. Увидев меня, он весело улыбнулся, поднял левую руку, изобразив пальцами латинскую букву «V».

— Победа и правда на нашей стороне, большевиков. Успеха желаю и вам, афганцам, — сказал нарком.

Прошу Дави рассказать о наших представителях, с которыми он встречался в двадцатых годах в Кабуле, вспомнить тех, кто наиболее сильно запечатлелся в памяти.

— Из поколения дипломатов двадцатых годов мне особенно запомнился Федор Раскольников. Не могу не вспомнить и его супругу Ларису Рейснер, написавшую весьма

интересную книгу о нашей стране. Они очень много путешествовали по Афганистану, знали хорошо, что волнует наш народ. Друзей у них было много. Но было и немало врагов, которые ненавидели их за то, что они все делали, чтобы Афганистан развивался, чтобы ничто не омрачало отношений между обеими странами.

Двери дома Федора Раскольниковова всегда были открыты. У него собирались афганские политические и общественные деятели, писатели и бизнесмены. Частыми гостями у него были также приезжавшие в Кабул индийские патриоты. Накануне отъезда на родину Раскольниковова я был у него в гостях. Я отправлял с ним письмо Чичерину, в котором, поделившись последними афганскими новостями, писал о дружественных чувствах наших людей к родине Великого Октября. Спустя некоторое время я получил ответное письмо. И это письмо я сохранил.

...Последний раз я встретился с Дави через десять лет после того знаменательного разговора. Тот же сад, правда значительно разросшийся. Хозяин сильно постарел, но держался бодро.

Дави сказал, что на днях его приглашал к себе в гости Тараки, с которым у него давно сложились дружеские отношения. Генеральный секретарь ЦК НДПА интересовался его планами на будущее, предлагал участвовать в мероприятиях по обновлению жизни в Афганистане.

— Я принял это предложение. Апрельская революция отвечает надеждам и чаяниям афганцев. Думаю, как бы порадовались Тарзи и другие деятели младоафганского движения, доживи они до этих дней. И я верю, что Афганистан вырвется из вековой отсталости.

В заключение рассказа об этом афганском патриоте несколько слов о том, как сложилась его дальнейшая судьба. В дни, когда начался разгул аминовского беззакония, пакистанское посольство предложило ему тайно покинуть Кабул, обещая спокойную жизнь в Исламабаде, Карачи или любом другом городе. На это предложение, говорили мне друзья, он ответил отказом. После устранения Амина Дави участвовал в мероприятиях, проводимых народной властью: помогал организовывать кружки по ликвидации неграмотности, выступал с лекциями перед студентами и рабочими. В 1981 году, когда создавался Национальный отечественный фронт, он был избран членом исполнительного комитета этой массовой организации. Скончался Абдул Дави в 1982 году, работая над своими мемуарами.

Горы и люди

Там, где пролегали караванные тропы. Рукопожатие через Амударью. Многоликий Кандагар. Под голубым небом Герата. С открытым сердцем. «Ворота Искандера». «Заоблачный метрополитен». Сквозь раскаленные пески и барханы. Минареты и заводские трубы. В древнем Балхе. Бузкаши

Афганистан — страна пустынь и гор. Они занимают четыре пятых общей территории в 650 тысяч квадратных километров. Здесь сошлись величайшие горные системы Азии — Гиндукуш, Гималаи, Куньлунь, Каракорум и Памир. В какой бы географической точке страны вы ни находились, вас повсюду окружают горы. Белоснежные вершины чередуются с голубоватыми и серыми хребтами, и кажется, что им нет ни начала, ни конца.

Горы определяют не только облик страны и ее климат, но и образ жизни людей, их характер. На протяжении столетий горы были союзниками афганцев в борьбе против иноземных захватчиков. Но в наши дни они стали серьезной помехой на пути общения с внешним миром и экономического прогресса.

Соединить все части страны надежной и безотказно действующей системой дорог было мечтой многих поколений. И эта мечта стала претворяться в жизнь, когда Афганистан завоевал независимость. Караванные тропы, воспетые еще поэтами давних лет, уходят в прошлое. Рев автомобильных сирен разбудил безмолвие пустыни Регистан, горные отроги Гиндукуша, раздался на берегах Амударьи и Пянджа.

Особенности горного рельефа таковы, что он препятствует строительству железных дорог и судоходству. Поэтому ведущее место в перевозках грузов на дальние расстояния

и в обслуживании внешней и внутренней торговли сегодня прочно занял автотранспорт.

Вгляните на нынешнюю карту Афганистана. Все основные сельскохозяйственные и промышленные районы связаны автострадами. Около 1500 километров дорог (из имеющихся 2 тысяч), шоссе с асфальтобетонным покрытием построены при содействии СССР. Теперь можно выехать из Кабула в одном направлении, объехать страну по кольцу дорог и вернуться в столицу с другой стороны.

Мы продолжаем оказывать содействие Афганистану в сооружении автострад и мостов с учетом его экономических нужд. Благодаря этим дорогам страна получила выход через Иран и Советский Союз в государства Ближнего Востока и Европы, а через Пакистан — в Южную Азию. Для Афганистана, лишенного выхода к морю, эти дороги имеют жизненно важное значение.

В 1971 году в Кабуле было подписано соглашение об использовании афганских дорог для торговли между СССР и Пакистаном.

Своеобразно отметил в те дни открытие этого международного пути пешаварский бизнесмен Гул Мухаммад Хан. Он отправил за свой счет сто тысяч отборных апельсинов в подарок жителям Советского Узбекистана, наняв для этого три мощные машины. Апельсины были доставлены в Ташкент на пятый день. Раньше товары из Пакистана шли морем из Карачи в порты Черного моря или Советской Прибалтики, что занимало в лучшем случае до четырех недель.

Часто бывая в Пешаваре, Карачи и Лахоре, я видел различные грузы (станки, оборудование для нефтяной промышленности и др.), доставленные через Афганистан. Вспоминаю встречу с пешаварскими предпринимателями. Они говорили, что благодаря этим дорогам Пакистан экономит огромные суммы на перевозках.

...День 12 мая 1982 года надолго запомнится жителям узбекского города Термез и афганского поселка Хайратон. Они праздновали открытие 818-метрового моста для железнодорожного и автомобильного транспорта через Амударью. Мост сооружался при технико-экономическом содействии Советского Союза.

Амударья в этом районе никогда не замерзает. Испытанный прием промораживания шахт для установки опор, естественно, здесь не мог быть применен. Исключительно сложны были гидрогеологические и геологические условия, особенно в паводковый период. По нормативам на соору-

жение такого моста требуется не менее 55 месяцев. Однако он был построен в течение 30 месяцев. Одновременно в районе порта Хайратон был возведен громадный комплекс сооружений: первый в истории Афганистана железнодорожный вокзал, дизельные станции, склады, объекты, призванные обслуживать прием и обработку железнодорожных составов и автомобильных колонн. С учетом жаркого климата построены жилые дома.

В сооружении этого моста принимали участие самые различные советские предприятия. Курганский завод мостовых конструкций, горьковское и дмитровское предприятия по производству железобетонных конструкций. Цементные заводы Таджикистана и Узбекистана своевременно обеспечивали эту новостройку необходимой продукцией. Здесь под руководством советских специалистов работал многочисленный коллектив афганских строителей, овладевавших в ходе стройки различными профессиями.

Незадолго до торжественной церемонии сдачи в эксплуатацию моста под него спустился известный в нашей стране мостостроитель Рудольф Вохгельд. Первый пробный поезд должен пройти над головой руководителя стройки — такова давняя традиция у мостовиков. Украшенный кумачом лозунгов и транспарантов в честь советско-афганской дружбы эшелон со строителями проследовал на афганский берег.

А вскоре состоялась и сама торжественная церемония открытия. В ней приняли участие партийно-правительственные делегации обеих стран. Торжества начались в Термезе. Открыв мост, делегации вместе с почетными гостями и передовиками-строителями переехали в Хайратон. К собравшимся обратился глава афганского правительства Кештманд. Затем в основание первого высотного здания — будущего города Хайратон — была уложена металлическая капсула, внутри которой находилась записка, выбитая на бронзе, о знаменательном событии введения в строй моста.

...Память невольно возвращает меня к летним дням Кабула 1978 года. 11 июля в здании министерства планирования Афганистана, которое возглавлял тогда Кештманд, состоялось подписание контракта о сооружении этого моста. Вечером в мраморном зале представительства нашего ГКЭС состоялся прием, на который были приглашены и корреспонденты. Среди присутствовавших я увидел Кештманда, а также министра общественных работ Рафи. Сотрудники ГКЭС, наши дипломаты и афганские друзья провоз-

пешали тосты за советско-афганскую дружбу, за победу Апрельской революции, за тот день, когда будет построен мост и друзья обменяются рукопожатиями.

Я подошел к Кештманду, попросил его уделить мне несколько минут, чтобы задать ряд вопросов в связи с подписанием контракта. В зале было тесно и душно. Вышли в сад, примыкавший к зданию.

Министр сказал, что с вводом в действие этого моста коренным образом изменится перевозка внешнеторговых грузов, различного оборудования и материалов. На смену существующей системе транспортировки грузов баржами через Амударью с двумя перевалками придут современные средства транспорта. Это позволит значительно сократить сроки доставки грузов и стоимость их перевозок. За счет этого Афганистан сможет с большей отдачей использовать транспортные пути своей страны для транзитных перевозок грузов, идущих из Европы в Южную Азию и обратно. Это мост дружбы и мира в буквальном смысле слова.

Сегодня по афганским дорогам, которые стали важными участками международного транзита, идут автомашины, груженые удобрениями, металлом, горючим, станками, сухофруктами, рудой и кожами.

...У самого «южного полюса» нашей страны — Кушки — начинается и заканчивает свой путь в Кандагаре 679-километровая цементно-бетонная автострада. Она проходит через Герат, эту древнюю жемчужину восточной цивилизации, полукольцом охватывает территорию четырех провинций — Гератской, Фарахской, Гильмендской и Кандагарской. Затем эта автострада сливается с шоссе, идущим на Кабул и далее до Хайберского перевала на границе с Пакистаном.

Экономическое значение автострады Кушка — Герат — Кандагар, сооруженной при содействии нашей страны, трудно переоценить. В обоих направлениях мчатся по автостраде тяжелые автомашины. Мощные тягачи тянут до предела груженые прицепы. Дорога позволила в несколько раз увеличить скорость движения транспорта, резко сократила сроки перевозки грузов.

Я не раз бывал на этой дороге. Едешь на машине с большой скоростью и трудно даже представить себе, что совсем недавно ничего здесь не было. По сторонам мелькают песчаные барханы, каменистые склоны. В каждом километре трассы колоссальный труд советских специалистов и афганских строителей. То был настоящий штурм пустыни

и гор, длившийся пять лет. Для движения эта дорога открыта в 1965 году. Строили ее более 13 тысяч афганцев и 600 советских специалистов.

В Кандагаре, где разместилось управление одного из эксплуатационных участков этой дороги, афганцы рассказывали, как, несмотря на жару, превышавшую порой пятьдесят градусов, или холод с ветрами и пыльными бурями, люди строили эту дорогу, живя одним стремлением — как можно скорее открыть по ней движение.

Советские организации поставили современную дорожно-строительную технику. Укрощение природы вели 1700 самосвалов и 250 бульдозеров, скреперов и автокранов, 10 бетонных заводов-автоматов и столько же бетоноукладочных комплексов. За время строительства было перемещено более 10 миллионов кубометров земли и скальных пород. В основание автострады уложено свыше миллиона кубометров бетона. Сооружено около сотни мостов, виадуков и других дорожных объектов.

Нашим специалистам пришлось в ходе строительства срочно разработать специальный метод предохранения свежеложенного бетона от воздействия раскаленного ветра пустыни. Чтобы бетон быстро не засыхал, наши инженеры предложили укладывать его только ночью. Битумную пленку, которая наносится на поверхность, решили засыпать постоянно увлажняемым слоем песка. Воды требовалось очень много. А где ее возьмешь в пустыне? По рекомендации советских специалистов были пробурены сотни скважин, глубина иных достигала 280 метров.

В учебных центрах, созданных в Харабате и других местах, готовились афганские специалисты по сорока различным специальностям. Восемь тысяч афганцев — вчерашние крестьяне, а также солдаты трудовой армии, направленные на строительство дороги, обрели специальности водителей, монтажников, бетонщиков, механизаторов и слесарей — специальности, в которых остро нуждается Афганистан.

Я поинтересовался у афганцев, которые, как оказалось, в свое время участвовали в строительстве автострады, кого они запомнили из советских специалистов. Началось перечисление: Александр Каспаров, Парнаоз Кахидзе, Самуил Колдобский, Александр Наумов, Владимир Сердюк, Иван Буланов...

Перечислению имен не было конца. Вспомнили о том, как Самуил Колдобский проводил порой по четырнадцать часов на участках, наблюдая, как идет укладка бетона;

или как Парнаоз Кахидзе, человек уже немолодой, проведя весь день в жару на трассе, собирал поздно вечером представителей афганской администрации и советских инженеров, чтобы срочно решить какой-нибудь вопрос, связанный с ускорением тех или иных видов работ.

Не забыли и о том, как инженер Борис Косилко, рискуя жизнью, спас афганского шофера во время прорывавшегося из одного горного ущелья селя. Благодарный отец шофера после этого случая стал называть всех мальчиков, рождавшихся в его семье, Борисами.

Магистраль внесла крупные перемены и в жизнь самого Кандагара — второго по численности населения и значению города, который в XVIII веке, в период правления Ахмад-шаха Дуррани, был столицей Афганистана. Над зданиями высится огромный золоченый купол мавзолея этого правителя. В архитектуре мавзолея заметно влияние индийского мусульманского зодчества. Во многом его напоминает также гробница похороненного недалеко от города Мир Вайса, руководившего восстанием афганцев против иранских шахов в начале XVIII века.

Кандагар, население которого превышало полмиллиона человек, до наших дней остался одним из крупнейших политических, экономических и культурных центров страны. Город впечатляет своими памятниками мусульманского зодчества — мавзолеями, мечетями. На южной и восточной окраинах громоздятся остатки мощной глинобитной стены высотой 10 метров, которая когда-то окружала весь город. На узких улочках старых кварталов — домики из саманного кирпича с куполообразными крышами.

Славящиеся своим искусством ремесленники специализируются на изготовлении ружей, пистолетов, ножей и кинжалов, на чеканке по меди. Чтобы придать им товарный вид, поделки зарываются в землю, обливаются кислотами, дабы они немного заржавели и стали похожими на старинные.

Да, в этом обширном крае немало памятников старины, которые непременно хотят осмотреть туристы. Вот уже почти девять веков стоит знаменитая арка близ Лашкаргарха, гимн человеческому мастерству. Высота ее примерно 25 метров. Сооружена она из тонкого кирпича. Свод и боковые опоры отделаны голубой, оранжевой и фиолетовой плиткой. Конечно, время, ветры, насыщенные острыми песчинками, солнце не могли не сказаться на сохранности этого памятника. Но и сегодня он поражает воображение.

По дороге в Гиришк находится Чехель зина — «сорок ступеней». Крутая лестница, вырубленная в скальной породе, ведет вверх, в пещеру. Во всех исторических справочниках она известна как «Трон Бабура».

Несколько дальше, в поселке Мейванд, возвышается колонна. Она воздвигнута в ознаменование победы афганского народа в 1880 году над британскими войсками. В тот день, когда я побывал здесь, большая группа нищих и калек расположилась возле постаментов, выпрашивая милостыню у иностранцев. Было это незадолго до свержения монархии, в год засухи, когда голод пришел во многие афганские семьи. Полицейские, чтобы изолировать несчастных от общения с иностранцами, начали избивать нищих палками, пинать их ногами.

— Это же не афганцы, а хазарейцы и всякий там сброд, — заявил иностранцам старший полицейский.

Этой фразой полицейский невольно выразил настроения, которые господствовали тогда у представителей администрации, презрительно относившейся к этническим меньшинствам. В их глазах узбеки, хазарейцы и другие непустунские народности были людьми второго сорта.

С высоты птичьего полета Кандагар, раскинувшийся в долине реки Аргендаб, напоминает громадный зеленый остров в океане застывших песчаных волн. Город утопает в зелени, а его центральная улица похожа на аллею парка. Из-за забора прямо на улицу свешиваются ветви абрикосовых и яблоневых деревьев, виноградные лозы.

Вдоль дороги высятся горы огромных арбузов и дынь. Торговцы тут же при вас выжмут из граната тягучий алый сок. Есть такие сорта гранатов, каждый плод которых дает целый стакан сока. Кандагарские фрукты, выращенные на плантациях, раскинувшихся вдоль Аргендаба, который наполняет арыки близлежащих деревень, завоевали популярность далеко за пределами страны. Отсюда они на грузовиках, в специальных, хорошо проветриваемых ящиках доставляются, как правило в ночное время, в Чаман, пограничный пакистанский город, где перегружаются в вагоны-рефрижераторы и идут в Карачи и другие города. В некоторые пакистанские районы они доставляются машинами. Вечером их сняли с деревьев и кустов, а наутро они в Карачи. Перевалочных складов и хранилищ не существует. Товар прямо поступает на базар к торговцам.

Средневековую первозданность сохранил базар со своим караван-сараям, загонами для верблюдов и лошадей, куда ставят автомашины. Здесь, пожалуй, особенно ощущаешь

близость Пакистана и Индии в говоре людей, в их лицах и одежде. Из харчевен, которых здесь великое множество, поносится специфический запах карри — острой приправы, столь любимой жителями Южной Азии.

Город поражает обилием аптек и лавчонок, торгующих лекарствами, снадобьями, травами, мазями и другими фармакологическими средствами местного производства. Наш ученый Николай Иванович Вавилов, побывавший в свое время в Кандагаре, назвал его «городом аптекарей». Порой торговец — он же и врачеватель: он делает массаж, снимет радикулитные боли, используя ему одному известные мази, вылечит от головной боли и даже проведет сеанс иглоукалывания.

Кандагар и Газни, пожалуй, единственные города страны, где свободно продается мумиё, по внешнему виду напоминающее застывшую смолу. Слава о чудодейственных свойствах этого «эликсира жизни» достигла Европы в середине XV века. Восточная же медицина стала использовать мумиё более трех тысяч лет назад. Это лекарство рекомендовали такие авторитеты прошлого, как Бируни и Ибн Сина. Мумиё, утверждали они, помогает процессу сращивания костей после перелома, благотворно влияет на излечение полиомиелита, гастритно-язвенных явлений, туберкулеза, укрепляет сердечно-сосудистую систему. Разведенное с медом, в козьем молоке или в лимонном соке, мумиё применялось в прошлом воинами, чтобы ускорить процесс заживания ран от сабельных и кинжальных ударов.

...Вспоминаю один из приездов в Кандагар — весной 1972 года. Проходя по базару мимо одного строения, пропитанного едким запахом карболки и сточной канавы, я увидел в окне подвешенные на нитке связки человеческих зубов. То была зуболечебница. Зашел посмотреть. На табуретке корчился пациент, здоровенный мужчина. Врач, засунув ему в рот чуть ли не всю пятерню, изучал состояние зубов. Потом он взял щипцы, не имеющие никакого отношения к медицинским. Такими обычно из стен гвозди выдергивают. Врач вставил их в рот больному, немного пошевелил, а потом дернул на себя.

Пациент вскрикнул и свалился на пол, а доктор торжественно поднес к его глазам вырванный зуб. Подбородок у больного был весь в крови. Не спеша врач взял в руки кусок тряпки, смочил в темно-бурой жидкости и протер десны больному. Кровотечение остановилось. Больной вытащил из кожаного кошелька, прикре-

пленного на груди под рубашкой, 300 афгани и подал врачу, а затем пулей выскочил на улицу, держась за щеку.

В дверях показался очередной пациент.

— Да поможет Аллах, — сказал врач и полез в рот больному, даже не ополоснув водой руки.

А вот интересный спектакль, который не увидишь ни в одном театре. Под брезентовым навесом, поджав ноги, сидит на ковре гадалщик. Его голову покрывает темная чалма, вышитая серебристыми нитями. На шелковом халате прикреплены золотистые звездочки и лунные серпы. Рыжая, расчесанная на две части борода. Плутватые глаза буравят людей.

Перед гадалщиком несколько тазов с водой, пузырьки с какими-то жидкостями. Он, как я вскоре догадался, неплохо знаком с основами химии и проделывал опыты, какие обыкновенно показывали у нас в школах преподаватели на занятиях в химических кабинетах. В тазик он наливает из пузырька темно-бурую жидкость. Вода становится красной. Затем он возводит глаза кверху, что-то шепчет, наклоняется над тазиком и незаметно для окружающих из широкого рукава, где спрятан другой пузырек с жидкостью, вливает несколько капель в тазик. Потом резко отклоняется — вода в тазике приобретает прежний вид. Надо было видеть, какое изумление появлялось на лицах окружающих — кочевников и крестьян из окрестных деревень.

— Иди с миром, правоверный, — говорил он человеку. — Будут у тебя огорчения, но они пройдут. Сейчас иди молиться в мечеть. Смерть у тебя будет достойной. Аллах заберет тебя к себе, и ты будешь вечно счастлив.

К предсказателю подошла женщина, с головы до ног закутанная в коричневое покрывало. На лице паранджа. Возле нее топтались два малыша, подбородки и шеи которых покрыты нарывами. Она что-то тихо сказала гадалщику. Тот открыл банку, в которой была насыпана негашеная известь, зачерпнул оттуда столовой ложкой и бросил содержимое в тазик. Вода зашипела, помутнела. Предсказатель вытащил из кармана обыкновенную резиновую клизму, набрал в нее из тазика воды и стал брызгать ею на землю.

— Слушай, женщина, — начал он. — Остерегайся одной родственницы, которая не любит твоих детей. Эта родственница делает вид, что их любит. Но ты ее не бойся, а главное, не подавай виду. Луна, как ты знаешь, на исходе, появится новая луна, молодая, и глаз

той женщины не будет нагонять порчу на твоих детей. Эта женщина потеряет власть над твоими детьми и будет приносить только одни удачи вашей семье. Скажи мужу, пусть зарежет трех барашков, одного съедите сами, а двух пусть отнесет ко мне домой завтра утром, до восхода солнца. Поняла? Иди с миром, Аллах поможет тебе вылечить детей, если вы с мужем не грешны перед всевышним. Клади свои 100 афгани и не мешай другим общаться со мной.

Увидев меня, гадалщик измерил меня с ног до головы презрительным взглядом и на ломаном английском языке сказал:

— Не стой здесь, чужеземец. Ты не нашей веры. Глаз твой может навлечь порчу на скотину и болезни на правоверных. Уходи и не мешай людям общаться со мной.

Мой гид, чиновник, взял меня под руку, заметив, что действительно не стоит мешать этому шарлатану, тот может устроить скандал. Нам ничего не оставалось, как удалиться.

— Этот предсказатель, — говорил мне потом чиновник, — имеет свое дело и неплохо промышляет гаданием. Казалось бы, его занятие противоречит Корану. Ведь он вмешивается в дела божьи. Но муллы не протестуют. Он богатый человек. У него за городом двухэтажный дом с электричеством, большой персиковый и гранатовый сад, бахчи арбузов и дынь, где работают батраки. С некоторыми он расплачивается предсказаниями или же обыкновенными фокусами. У него три жены. Но все, что я сказал, пусть останется между нами. Он влиятелен, могу и я пострадать, а работу у нас найти очень трудно. Поймите меня правильно.

...Вместе с тем же чиновником я побывал и на местном шерстоткацком комбинате, который выпускает по английской технологии довольно высокого качества продукцию. Это частное предприятие, и владелец его, желая успешнее реализовать свой товар, который частично вывозился в Пакистан, ставил на нем штампель: «Чистая шерсть. Сделано в Англии».

Тягостное впечатление оставило посещение шерстомойки. Представьте себе громадный огороженный забором двор без единого куста зелени. На асфальте кипы шерсти. Женщины, сбросив чадру, перебирают грязную, свалявшуюся шерсть. Их более ста. Тут же дети. Те, что постарше, помогают, а малыши ползают по кипам шерсти.

— Это кочевники, остановившиеся табором неподалеку, — сказал подошедший к нам надсмотрщик. — Мужчины помогают убирать урожай нашим фермерам, а женщины пришли сюда на заработки. Обратите внимание, до чего они дикие: женщины при виде нас даже не прикрыли свои лица. Попирают обычай, вот судьба и наказывает их бедностью.

Я спросил, сколько получают работницы. Надсмотрщик, сделав вид, что не расслышал вопроса, продолжал:

— Расплачиваемся с ними каждый день после окончания работы. Но деньги у них тут же отбирают мужья или родители. А питьевую воду мы даем им бесплатно.

Вдруг, спохватившись, он глянул на свои ручные часы:

— Извините, время намаза!

Надсмотрщику принесли красный коврик, постелили в тени под навесом. Он начал истово молиться, повернувшись, как положено, лицом в сторону Мекки. А женщины между тем продолжали свою работу, теребили скатанные пасмы шерсти. В 1978 году это предприятие было национализировано.

...Забегая несколько вперед, хочу вот о чем рассказать. Осенью 1978 года мне вновь довелось побывать в этом городе. С двигателем самолета, на котором я направлялся в Иран из Кабула, что-то случилось, и он приземлился в Кандагаре. Пробыл я в нем два дня. Всех пассажиров отвезли в гостиницу. Я же направился к зданию, где разместились губернские учреждения, провинциальный комитет НДПА и служба безопасности провинции.

Руководителей провинции не оказалось на месте, офицер, дежуривший в здании, сказал, что все выехали на подавление мятежников, перешедших границу. Это было первое вооруженное нападение с территории Пакистана. В провинции уже начали осуществляться первые мероприятия по проведению земельной реформы.

— На провинцию Кандагар, — сказал офицер, — приходится более четырехсот километров границы, которая с нашей стороны еще плохо защищена. Вот противники это и используют. По сути дела, это необъявленная война, которая причинит еще немало бед и страданий афганскому народу.

Да, собеседник не сгущал краски. Действительно, последние месяцы 1978 года и весь 1979 год характеризовались нарастанием активности контрреволюционных сил. Мятежники сожгли здание управления сельского хозяйства, пытались захватить аэропорт, помещения провинциального коми-

года НДПА, взорвали электростанцию и водопровод. Таким путем им удалось парализовать деловую активность многих районов провинции и запугать население.

Серьезные испытания выпали на долю этого города и всей провинции. В тяжелое время, когда надо было мобилизовать население на отпор силам контрреволюции, Амин обрушил репрессии на активистов НДПА и руководителей Кандагара. Воспользовавшись этим, мятежники нанесли серьезный ущерб городу и провинции.

Немало усилий пришлось приложить новому руководству, пришедшему к власти после свержения Амина, чтобы нормализовать обстановку. Большую роль сыграл в этом губернатор М. Абьяни. Он выпускник Кабульского университета. В качестве инженера работал в Кандагаре с 1971 года на сооружении промышленных объектов. После устранения Амина он стал губернатором этой провинции. Новые руководители сумели довести до широких масс истинный смысл политики НДПА. Их авторитет был поддержан решительными действиями подразделений афганской армии, молодежных отрядов защитников революции, очистивших улицы города и разгромивших базы мятежников в окрестностях Кандагара.

Налаживая хозяйственную жизнь, Абьяни, ставший также секретарем провинциального комитета НДПА, выдвинул на руководящие должности людей, преданных делу революции. По его предложению директором национализированного шерстоткацкого комбината стал мастер этого предприятия И. Каргар, в прошлом подпольщик. Под его руководством комбинат начал наращивать производственные мощности и приносить государству прибыль. СССР оказал помощь этому предприятию, поставив нужное оборудование.

...Но вернемся к весенним дням 1973 года. Утром покидаем Кандагар с таким расчетом, чтобы засветло добраться до Герата. Серая лента шоссе потянулась вдоль аккуратно возделанных полей и садов. Постепенно пейзаж изменился, мы проезжали безжизненные каменистые степи, переходящие на горизонте в горные отроги. То была знаменитая Дашти-марго — пустыня Смерти, не раз описанная в путеводителях и произведениях афганских и иностранных авторов.

До сооружения автострады здесь пролежала ухабистая ирраванная дорога, по которой с трудом передвигались машины, доставлявшие нефть, рис, соль и другие товары из Ирана. Без запаса воды люди не решались двинуться

в путь. Пыльные бури грозили смертью путешественникам. А сейчас несешься по автостраде со скоростью километров сто в час и даже не представляешь себе тех тягот и страхов, которые выпадали на долю былых путников.

— Посмотрите! — восклицает шофер, притормаживая машину. — Это же мираж!

Я впервые сталкиваюсь с таким явлением, хотя не раз пересекал эти пустынные места. В добела раскаленном воздухе вижу где-то впереди накатывающиеся на песчаный пляж волны. Они светло-синие и даже переливаются на солнце всеми цветами радуги. Немного в стороне пальмы. Не верится, протираю глаза — та же картина. Делаю несколько фотоснимков. Проявив позже, я не обнаружу на них ничего из увиденного. Полюбовавшись, трогаемся дальше. И вдруг видение пропадает. Впереди лишь серая лента асфальта, залитая солнцем. «В наших местах миражи довольно часто бывают, — замечает водитель. — Я однажды видел огромное озеро, по берегу которого ходили слоны».

Наша «Волга» то и дело обгоняет местные автобусы и грузовики. Борта и кузова ярко размалеваны. Каких только картин не увидишь на них. Лев, раздирающий кошулю, плавающие лебеди, индийские красавицы, орлы и фантастические сады. Шоферская кабина, в которой сидит не менее трех человек, украшена, как новогодняя елка, серебристой бахромой, куколками. С ветрового стекла смотрят цветные снимки блондинок из иностранных журналов.

Непременный атрибут каждой машины — человек в обтрепанной одежде, прилепившийся где-то позади кузова на приступочке. Это — килинар, помощник шофера, порой мальчуган. Его мечта — стать водителем. Круг обязанностей у него обширный. Он сторожит, моет и убирает машину, загружает ее, если работает на грузовой. Собирает пассажиров, если это пассажирская. Днем и ночью, в жару и в стужу он при машине. В поездке килинар всегда позади кузова. Машина поднимается в гору — он бежит за ней с чурбаном в руках, чтобы вовремя подложить его под колеса, если откажут тормоза. А тормоза на афганских машинах часто в неисправном состоянии. Не позавидуешь судьбе килинара. Сколько их срывается в пропасть, получает увечья, гибнет, когда машину заносит в горах на поворотах, когда она резко тормозит.

Вот наконец перевал Черв. Здесь царит прохлада. Сабур-

он, владелец небольшой чайханы, приютившейся в роще под скалой, приглашает отдохнуть. Он подает курагу и кислое молоко, пышные ячменные лепешки.

Я строил эту дорогу, — гордо говорит он, — работал с русскими более трех лет, у меня было немало друзей. Правда, они давно возвратились на родину, но я их всех помню. Вы случайно не знаете, как живут Гриша и Николай?..

Снова в путь. Дорога пошла вниз, и вскоре вдоль нее потянулись низкорослые, не более пяти метров высотой деревья с довольно жесткой на вид темно-зеленой кроной. Деревья, не образуя ни зарослей, ни густых рощ, протянулись почти до кромки надвигающейся пустыни. Это приметное на вид дерево, растущее в предгорьях, мне приходилось видеть на плантациях под Мазари-Шарифом, Саманганом и Желалабадом, в Бадахшане и Нуристане. Это — фисташка, дерево удивительное.

Оно интересно тем, что исключительно живуче в условиях безводья. Вместе с тем оно и водосос, расходующий за летний сезон примерно 20 тонн воды. Но откуда же берет это дерево воду, каким образом? Оказывается, дерево имеет два яруса корневой системы, которые трудятся поочередно, в зависимости от сезона. Верхний потребляет воду весной и зимой, а нижний обеспечивает дерево влагой осенью и летом. Корни этого дерева уходят на глубину до 10 метров, а в стороны — свыше 20 метров. Эта особенность и позволяет фисташке обеспечивать себя водой в достаточном количестве. Дерево является и надежным средством против оползней, смещения пород в предгорьях, что, кстати, используется дорожниками. Они стараются не вырубать эти деревья, растущие вдоль трассы, если, конечно, своей корневой системой они не вредят покрытию.

Ядро ореха афганцы используют в пищу в сыром и жареном виде, в кондитерской промышленности. Фисташка, кроме того, дает ценную смолу и древесину для мебельщиков, дубильные вещества для кожевенников и танин для фармацевтов. Дерево долговечно — живет до 300 лет, а то и дольше. Оно более живуче, чем саксаул, который, казалось бы, побил все рекорды неприхотливости.

Горы остались позади. Вновь стало жарко. По сторонам пошли, словно оплавленные, разбросанные по пустыне серые валуны. В машину врывается поднятая ветром песчаная пыль. Выставишь руку — в нее вонзаются горячие песчинки.

На горизонте замаячили каменные строения, обрамленные зеленью деревьев. Мы подъезжаем к городу, которого до недавнего времени не было на географической карте. Это Фарах-Руд, небольшой городок с современной архитектуры зданиями. Путника ждет здесь большая комфортабельная гостиница, плавательный бассейн, наполняемый родниковой водой из глубоководного колодца. Тут же станция технического обслуживания автомобилей и бензозаправочная колонка. Немного в стороне несколько мотелей, где всегда многолюдно.

Земли вокруг города пустынные и бесплодны. Им нужна вода. Предания свидетельствуют, что еще сравнительно недавно это был цветущий край с широко разветвленной оросительной системой. Крестьяне выращивали пшеницу и рис, разводили сады и бахчи. Край славился ситцевыми тканями с устойчивыми красками, коврами и гончарными изделиями. Нашествие орд Чингисхана, сопровождавшееся разрушением водоемов, плотин, каналов, уничтожением домов и садов, массовыми убийствами жителей, превратило край в мертвую зону, которую поглотила пустыня, засыпав его песком. Правительство революционного Афганистана разработало долгосрочную программу возрождения края, которая предполагает сооружение плотин, орошение засушливых земель водами реки Герируд.

...Еще задолго до Герата на горизонте в синей дымке возникают минареты. Поднимаемся на поросшую соснами, пирамидальными тополями и кипарисами возвышенность, чтобы полюбоваться панорамой этого древнего, легендарного города. К нему ведет дорога, прячущаяся под кронами громадных деревьев.

Это действительно город-сад, раскинувшийся в центре плодородной долины Герируда. Здесь всегда тепло, зима мягкая, лишь в декабре по ночам на короткое время арыки подернутся тонкой ледяной коркой, которая с первыми же лучами солнца растает. И пожалуй, в выращивании фруктов и ягод он обогнал Кандагар. Особенно много здесь винограда. Лозы его увили дома, дувалы, беседки при чайханах. Изюм из этого винограда — один из лучших в мире.

Главная улица пересекает город с запада на восток. На ее перекрестках полицейские, взобравшись на деревянные тумбы, пытаются регулировать движение. Куда там! Автомашины и верблюды, ишаки и лошади, велосипедисты — все торопятся, словно на пожар, не обращая никакого внимания на регулировщика, создавая пробки и заторы.

Посмотрит регулировщик на весь этот транспорт, плюнет по шлесту и направится в чайхану пить чай, а заторы и пробки, глядишь, сами рассосутся. Улица похожа на большой сквер. Вдоль нее высажены тысячи кустов благоухающих роз. Здесь немало особняков европейского типа.

Но вот свернешь с главной улицы и кажется, что перевернешься в далекое прошлое. Хаотичное нагромождение жалких домишек, мечетей, крохотные улочки и тупики, где не разъедутся две арбы, ослики, дремлющие у глиняных дураков. Возле чайханы на топчанах, укрытых потертыми коврами, под виноградными лозами дремлют посетители, от которых не в состоянии прервать даже вьющийся над ними рой зеленых мух.

Вот навстречу идут две женщины, плотно закрыв лица шарфами. Увидев мужчин, они прижимаются к забору. Разговаривать с ними нельзя — неприлично. Заблудился в лабиринте улочек — спроси мужчину, детей, но только не женщину. Иначе могут быть неприятности.

Здесь всегда было сильно влияние мусульманских богоугодников. Традиции шариата соблюдаются строго. Рассказывают, что захотели как-то японские журналисты взять интервью у женщин, подошли к ним, спросили, а те, не поняв, в чем дело, подняли крик. Из домов выбежали люди, разбили фотоаппараты, досталось и журналистам. И если бы не подоспели полицейские, исход мог быть и похуже.

Почти все, что производится и выращивается в Афганистане, а также ввозится в страну, вы увидите на большом старом рынке. Без провожатого здесь можно заблудиться в лабиринте улочек, где сплошь стоят лавочки. Отдельный ряд занимают торговцы ювелирными изделиями. Тут же мастера, склонившись над столиками, выносят на перстни имена заказчиков или изречения из Корана. В витринах, которые на ночь закрываются металлическими ставнями, под толстыми стеклами лежат дымчатые топазы, александриты и аметисты, сапфиры и лазуриты. Если на них не падает солнечный свет, то они подсвечиваются электрическими лампочками. Услужливый хозяин лавочки не торопится отпустить покупателя, предлагая кальян, чашечку чая, засахаренные орешки с изюмом.

Идем дальше. По соседству продаются пицали, сабли, щиты и пики, ковры и каракулевые шкурки. Стоит немного приостановиться, как владелец пытается затащить вас внутрь. Иногда можно увидеть разбросанные на улице ковры. Сотни ног топчут их, мнут колесами арб и теле-

жек. Не беда, если ишак или лошадь сделают то, за что бранят малых детишек их мамы. От всего этого багровая ткань ковра становится более яркой. Ковры ручной работы, их краски и рисунки сохраняются сотни лет.

Службы здравоохранения, взявшиеся наладить элементарную чистоту и санитарию в мясных, овощных и фруктовых рядах еще в дни даудовского режима, встречали ожесточенное сопротивление со стороны торговцев. «Наши отцы, деды и прадеды так испокон веков торговали, а почему мы должны торговать иначе? Если боишься заболеть, то чаще молись, и все будет в порядке» — так заявили купцы репортеру газеты «Анис», приехавшему на базар Герата вместе с комиссией из санитарного надзора.

Подходим к мечети Масджиди джама. Это уникальное произведение средневекового зодчества времен правления Тимуридов. Мечеть разрушалась. Ее восстановили, но в ходе реставрационных работ были внесены существенные изменения в орнамент. Наряду с характерной вязью изречений из Корана на арабском языке появились надписи на языке пушту. Сделано это было в последние годы монархии, которая активно проводила политику, направленную на пуштунизацию этого края, уродуя даже памятники прошлого. Брешна, Дави и другие прогрессивные деятели культуры осудили такого рода политику, которая не способствовала укреплению национально-этнического единства в стране.

В северной части Герата скромная усыпальница Абу Исмаила Ансари, поэта и богослова, широко почитаемого на Востоке. А от строений мусульманского университета Мусалла осталось лишь несколько полуразрушенных зданий.

Герат действительно музей под открытым небом. К северо-западу от ансамбля Мусалла — усыпальница Абдуррахмана Нураддина ибн Ахмада. Он известен миру под литературным псевдонимом Джамии. Выдающийся классик таджикской и персидской литературы был сыном верховного судьи и впоследствии стал во главе общины дервишей Герата.

Излишне говорить, что эпоха, в которую жил и творил Джамии, отмечена крупными политическими потрясениями и распрями правителей. Обширное государство, созданное Тимуром, распалось. Непрерывные междоусобицы сводили на нет усилия тех, кто добивался сохранения государства Тимуридов, сопровождалась разорением крестьянских хозяйств. Джамии в своих произведениях выступает против войн и нашествий, насилий и несправедливости. Он говорит о страданиях, выпавших на долю тружеников, гневно

исуждает феодалов и правителей, всех, кто проводит жизнь в лени и разврате.

В Герате покоится прах еще одного великого человека — Алишера Навои, основоположника узбекской литературы. Он родился 9 февраля 1441 года в этом городе. Алишер был еще мальчиком, когда его семья вынуждена была покинуть Герат, где разгорелась кровавая распря из-за трона. Колыбелью его первых произведений стал Самарканд. Он писал по-персидски и по-староузбекски.

Когда многолетняя междоусобица затихла и власть в Хорасане взял Султан Хусейн, друг детства будущего поэта, то Алишера Навои пригласили в Герат. Вскоре он был назначен визирем. Заняв этот высокий пост, пользуясь расположением правителя, Навои уделял много внимания развитию этого края. Он строил школы, дороги, больницы, оросительные каналы, оказывал большую поддержку поэтам, ученым, живописцам, стремился облегчить участь ремесленников и крестьян.

В конце концов все это вызвало недовольство знати. Начались интриги и травля. Поэт покинул двор и посвятил себя литературе. Он оставил богатейшее творческое наследие. Это знаменитая «Пятерица» («Хамсе»), «Сокровищница мыслей», множество научных и исторических сочинений. В те далекие времена основным языком поэзии в этой части света считался классический персидский язык. Не отрицая его значения, поэт боролся за утверждение узбекского языка.

Славу Герату принесли и живописные миниатюры. Они создавались на слоновой кости или на специально выделанных шелковых полотнах. Крупнейшим мастером миниатюры был Камалуддин Бехзад — основатель целой школы художников. Он родился в 1455 году, был другом Алишера Навои и почитателем его поэзии. Будущий художник учился у Миракка Наккаша, возглавлявшего в Герате дворцовую мастерскую по изготовлению рукописных книг. Миниатюры Бехзада отличаются тонкостью рисунка, мастерством отделки каждой детали, необычными цветовыми сочетаниями. Творчество этого выдающегося художника оказало сильное влияние на искусство миниатюры Ирана, Индии, Средней Азии.

Однако войны и кровавые распри, раздиравшие страну, привели к тому, что искусство миниатюры, впрочем как и ремесла, забылось. В XX веке продолжателем бехзидовской миниатюры стал Саид Машал. Используя свое

положение (в дни королевского правления он был сенатором), Саид Машал добился создания в Герате школы миниатюрной живописи и каллиграфии, в которую отобрал большую группу талантливых юношей.

Художник примкнул к той части интеллигенции, которая на первых порах поддержала режим Дауда, надеясь на глубокие перемены в жизни афганского общества. Впоследствии Машал разочаровался в политике даудовской администрации и не раз заявлял об этом в разговорах с иностранными журналистами.

Познакомился я с ним в 1973 году. Он повел меня в студию, где занимаются его ученики. Взору предстали мастерски выполненные копии бехмадовских миниатюр, навеянных стихами Омара Хайяма и Алишера Навои. Склонившись над столиками, ученики старательно наносили рисунки на небольшие, размером в школьную тетрадь, куски шелковой материи. Мельчайшие детали отрабатывались кисточкой, состоящей всего из одного волоска.

Студийцы создали также серию миниатюр, которые отражают сегодняшний день страны, его проблемы. Интересна композиция «Женщина, прогоняющая ростовщика», работа «Лицо молодой девушки, обращенное к солнцу». До мельчайших деталей выписаны миниатюры «Нищий возле мечети» и «Афганская студентка». Работы созданы в традиционной бехмадовской манере.

Машал рассказал, что любовь к искусству миниатюры ему привили отец и дед, тоже художники, занимавшиеся инкрустацией и резьбой по дереву. Спрашиваю, доводилось ли художнику посещать Советский Союз.

— Да, — отвечает он. — Навсегда останутся в памяти встречи с советскими деятелями искусства. Третьяковская галерея в Москве, ленинградский Эрмитаж, где собраны величайшие творения русских, советских и иностранных художников, — это свидетельство того, что советская власть все делает для сохранения художественного наследия, без чего немыслимо воспитание человека в духе гуманизма и патриотизма. Мы завидуем советским художникам, которым созданы все условия для настоящей творческой работы. Мечтаю о том дне, когда это станет возможным и в нашей стране.

После Апрельской революции народная власть взяла на государственный бюджет эту студию, ее учащиеся стали получать стипендию. Доброе имя Машала, которое на первых порах опорочили аминовские приспешники, объявив его «американским агентом», а его произведения «отрыж-

вой феодализма», восстановлено. Произведения Машала и его последователей хранятся в музеях Кабула и Герата.

Нелегкая судьба выпала на долю Герата в дни аминовского режима. В начале 1979 года Амин снял с административных постов Гератской провинции большую группу честных руководящих деятелей. Они были объявлены «идейно переродившимися фракционерами». Почти одновременно был оголен командный состав гарнизона города. Офицеров вызвали в Кабул якобы на совещание, где часть их престовали и бросили в тюрьму. Эта акция была предпринята в тот самый момент, когда реакционные силы готовили мятеж, о чем, кстати, служба безопасности информировала Кабул.

И лишь после устранения Амина титаническую работу по нормализации обстановки и налаживанию экономической жизни проделали люди, направленные сюда ЦК НДПА. Многие из них прибыли в Герат прямо из тюремных камер.

Об одном из таких людей — губернаторе провинции А. Абови — следует сказать несколько слов. Впервые он стал губернатором провинции еще в 1964 году. Тогда 32-летнего энергичного доцента Кабульского университета, назначил на этот ответственный пост король Захир-шах, рассчитывая сделать его преданным монархии человеком. Но Абови не оправдал надежд правителя. Он начал защищать интересы крестьян, рабочих и мелких арендаторов, пытался бороться с коррупцией и даже одобрил первомайскую демонстрацию в городе. Не прошло и года, как Абови лишился поста, возвратился в Кабул, где долго не мог устроиться на службу.

Пришедший в 1973 году к власти Дауд вновь послал Абови в Герат на должность губернатора провинции. И снова начинаются конфликты с местной знатью. Дауд не поддерживает его усилий по борьбе с неграмотностью и искоренению коррупции. Увидев, что на поддержку рассчитывать не приходится, что Дауд не собирается проводить обещанную земельную реформу, Абови подает в отставку. После Апрельской революции он некоторое время работает в министерстве сельского хозяйства, участвует в разработке проекта земельной реформы. В декабре 1978 года он арестовывается «как примазавшийся к партии феодал».

На второй день после падения режима Амина Абови был освобожден и вскоре направлен губернатором провинции в Балх. Он много сделал для нормализации эконо-

номической жизни, постоянно держа в центре внимания работу завода азотно-туковых удобрений и газовых нефтепромыслов.

Примерно через год, когда жизнь этого обширного края возвратилась в нормальное русло, он по решению ЦК НДПА был назначен губернатором провинции Герат. Здесь в полную меру развернулись его организаторские способности, проявилась его решимость претворения в жизнь планов социально-экономического и культурного развития края.

Гератская провинция, где проживает около миллиона человек, — крупнейший сельскохозяйственный район страны. Здесь, как и в Кандагарской провинции, выращиваются гранаты, персики, вишни, сливы, виноград. Из муки пшеницы сорта «шанеязи» и «зафарани» выпекаются вкусные лепешки, в которые добавляется кунжут.

Молодой агроном Мухаммад Наим, убитый мятежниками в 1980 году, возглавлял в 70-е годы гератскую сортоиспытательную станцию, которая проводила плодотворные опыты по районированию различных сортов пшеницы. Станция снабжала фермерские хозяйства провинции высокоурожайными семенами. Агроном учился в Киеве, и полученные знания с успехом применял здесь, на станции.

Не менее известна в провинции и ветеринарно-диагностическая станция, где с конца 60-х годов работают советские специалисты. Задача этого учреждения — подготовка местных кадров и профилактические мероприятия с целью предотвратить опасные заболевания скота.

Ежегодно силами этого коллектива осуществлялись прививки в среднем 200 тысячам голов скота. В зоне действия станции не было эпидемий. В 1972 и 1978 годах, например, персоналу этой станции удалось быстро ликвидировать в двух стойбищах кочевников, пришедших из Ирана, очаги такого опасного заболевания, как сап. Между тем хорошо известно, что в 20—30-х годах в этих местах от подобных заболеваний ежегодно погибало до 30 процентов скота.

С развитием экономики город Герат и провинция начали всерьез ощущать нехватку электроэнергии. Все больше требовалось воды предприятиям, населению, полям и плантациям. Проведенные в некоторых местах исследования показали, что провинция располагает значительными запасами грунтовых вод. Советские специалисты помогли обнаружить барит — довольно ценное сырье, которое идет на нужды химической промышленности, используется на буровых работах.

...Существует давняя легенда о том, что Александр Ма-

индонский рассек мечом отрог Гиндукуша, преграждавший путь его войскам в Индию. Поэт Николай Тихонов, обращаясь к афганскому другу, писал в стихотворении «Ворота Искандера»:

Помни, друг, у тебя мы
не сеяли ужас.
Помни, мир мы приносим
в твой дом.
Слово дружбы — оно рассекает
не хуже
Все преграды, и с ним
мы идем!

Слова нашего поэта невольно вспоминаются, когда едешь на север через Гиндукуш.

Кабул позади. Выбравшись из шумных пригородов, шоссе устремляется на север. — ему предстоит пересечь кабульскую долину, спиралью подняться в горы и, пронзив отроги Гиндукуша, спуститься вниз, закончив свой 400-километровый бег в порту Ширхан на левом берегу Нижнего Инджа, у самой советской границы.

В одном дорожном справочнике, выпущенном афганским издательством, приводятся интересные и поучительные сведения. Говорится, что в соответствии с соглашениями, заключенными с Советским Союзом, вся магистраль сдана в эксплуатацию в ноябре 1966 года. Автодорога Кабул — порт Ширхан состоит, собственно, из трех основных участков. Участок длиной 78 километров, ведущий от Кабула до Джебель-ус-Сираджа, поселка, расположенного на южных отрогах Гиндукуша, вступил в действие в сентябре 1965 года. От этого поселка, прорезав Гиндукуш, идет, заканчиваясь в небольшом городке Доши, второй участок магистрали, называемый Салангской дорогой, протяженностью 108 километров. Этот участок вступил в строй в сентябре 1964 года. Третий участок, протяженностью 214 километров от Доши до порта Ширхан, сдан в эксплуатацию в ноябре 1966 года.

Мой давний друг, корреспондент «Известий» Владимир Никаряков, неоднократно бывавший на этой трассе в дни ее сооружения, писал, что только на последнем отрезке этой магистрали (Доши—порт Ширхан) строителям пришлось переместить более миллиона кубометров грунта, построить и реконструировать 16 мостов, уложить в покрытие 360 тысяч тонн черной смеси. Здесь работало свыше пятисот дорожно-строительных механизмов и различных машин.

По сторонам, куда ни глянь, — сады, виноградники, поля, засеянные пшеницей или рисом. Воздух здесь настолько чист, что даже не чувствуется запаха выхлопных газов от автомашин, несущихся в обоих направлениях. А машин здесь великое множество. Ведь по этому пути идет поток основных грузов, следующих в Кабул, а также на юг страны.

Неожиданно пейзаж меняется. Потянулись каменистые, выжженные беспощадным солнцем пространства, где не видать даже традиционной верблюжьей колючки. Затем надвигаются горы, становится прохладнее, слышно, как где-то в стороне ревет, низвергая в ущелье свои воды, горная река. Появились первые железобетонные крытые галереи и виадуки. Началась знаменитая Салангская горная дорога, наиболее сложный участок всей магистрали.

Автострада ползет все выше и выше, и вот наконец показывается ниша туннеля, уходящего в толщу скал. Мемориальная доска, прибитая над входом, гласит, что Салангская дорога сооружалась при участии советских специалистов. Венцом этой дороги, конечно, стал туннель, пробитый на высоте около 3500 метров и длиной почти 2700 метров. Значение этого туннеля с горным участком дороги трудно переоценить. Раньше на путь от Кабула до порта Ширхан и с ответвлением от него в районе Доши до Шибергана уходило до десяти дней. Сегодня, чтобы достигнуть в дневное время любого из этих пунктов, нужно потратить не более восьми—десяти часов.

До прокладки туннеля движение через Гиндукуш прерывалось в ненастное время года. Северные и южные провинции оказывались изолированными друг от друга на полгода.

Жестокая зима с трескучими морозами и сильными ветрами, снежные лавины, сметавшие все на своем пути, делали Гиндукуш непроходимым. Да и весной и летом было не легче: снежные обвалы и оползни земельных пород, грозные сели и камнепады то и дело выводили из строя дорогу гравийного покрытия, на которой с трудом могли разминуться два грузовика. Падение в пропасть автомашин с людьми и грузами было обычным явлением на Саланге. «Дорога смерти», «тропа дьявола», «шоссе, проклятое Аллахом» — как только ни называли этот путь через Гиндукуш.

На Салангской дороге, как, впрочем, и на всей огромной трассе от Кабула до порта Ширхан, работает группа наших специалистов, оказывающих содействие в ее эксплуа-

нии. В крошечном горном поселке Хафтонур я познакомился с инженером Михаилом Жарковым, которому в свое время довелось работать на сооружении этой дороги. Любуясь величественными заснеженными пиками Гиндукуша, он вспоминал:

Салангская дорога нелегко досталась. Более четырех миллионов кубометров скальной породы пришлось взорвать, чтобы пробиться через горы и покорить Гиндукуш. «Злобный метрополитен» строили в невыносимо тяжелых климатических условиях. Более или менее сносная погода бывает здесь лишь летом. А в остальное время — свирепые ледяные ветры и снежные заносы.

Быстрой расчистке высокогорной дороги способствуют инженерные сооружения, воздвигнутые на лавиноопасных и заносимых снегом местах. Только снегозащитных галерей здесь построено общей протяженностью около 5,5 километра. Прекрасно показала себя наша советская техника, овладеть которой мы помогли многим афганцам. Несколько сот афганцев получили здесь специальности бетонщиков, монтажников, проходчиков, маркшейдеров. Часть их оставили на работах по эксплуатации трассы, а часть направили на другие объекты, которые сооружались афганскими властями. В начале работ нашим инженерам и техникам нередко приходилось объясняться с афганцами преимущественно жестами, но к завершению строительства они уже сносно говорили на дари или пушту. Многие афганцы неплохо говорили по-русски.

Помнится, — продолжал М. Жарков, — западные специалисты, с которыми мы довольно часто соприкасались по работе, настойчиво твердили, что построить Салангскую дорогу за намеченный срок не удастся. Потребуется, мол, лет десять—пятнадцать. Ну, милостиво соглашались они, если и удастся построить, то туннель и его подъезды не выдержат испытания временем. Их прогнозы не оправдались. Дорога отличная, действует бесперебойно, став образцом строительства такого рода пути в сложных горных условиях.

Сооружение всего комплекса Салангской магистрали, и затем ее эксплуатация связаны с именем одного крупного афганского строителя-дорожника, полковника Абдуррашида Савдари. Скончался он летом 1977 года от острого сердечного приступа, сопровождавшегося к тому же кровоизлиянием в мозг. Жалею, что мне, не раз бывавшему на Салангской дороге, не удалось с ним встретиться. И не потому, что он был недоступен для иностранных

журналистов, а просто потому, что все время наши пути расходились.

О нем поведали мне наши работники во время одной из поездок по этой магистрали. В годы сооружения дороги полковник, по натуре человек энергичный, деловой и независимый, все делал для того, чтобы дорожное строительство шло четко по графику. Сам работал по многу часов, того же требовал и от своих подчиненных. Он был беспощаден к тем афганским служащим и чиновникам, которые плохо работали, норовили нажиться разными путями и средствами. Эта категория афганского персонала его ненавидела. Нашим людям работать с ним было легко. Вопросы он решал грамотно, оперативно, без бюрократических затяжек.

По окончании строительства Салангской магистрали правительства Афганистана и СССР большую группу афганцев и советских специалистов наградили орденами и медалями. Полковник Савдари удостоился советского ордена Трудового Красного Знамени. Он принадлежал к той части офицерства, которая выступала за перемены в Афганистане. С режимом Дауда Савдари не сработался. Преследуя взяточников и ленивых чиновников, он уволил родственника вице-президента республики. Этот человек, ведавший делами, связанными со снабжением техникой и материалами, был уличен в воровстве. Он бездельничал, иногда по нескольку дней не появлялся на Салангской магистрали, мешал работать.

В защиту уволенного чиновника выступили влиятельные люди из даудовского окружения. Полковника вызвал к себе сам Дауд и сказал ему, что он «зарывается». Дауд предложил немедленно восстановить чиновника на работе и принести ему извинения. Савдари возразил, что чиновника следует отдать под суд. Ведь тот уличен в воровстве дорожной техники и нескольких тонн цемента.

— Полковник, — резко заметил Дауд, — я не верю, что этот чиновник занимался воровством. Пройдите к моему адъютанту и подайте рапорт об отставке.

На этом конфликт не закончился. Вскоре полковник был вызван в контрразведку. Ему было предъявлено обвинение в том, что он «не обеспечивает нормальную деятельность стратегической магистрали». Проходит еще какое-то время, и полковника вызывают в прокуратуру: оскорбительные дознания, настойчивые требования, чтобы он признался в том, что является «агентом одной великой соседней державы» и... «берет взятки». Савдари, дважды перенесший

инфаркт, третьего приступа, осложненного инсультом, не выдержал.

Но вернемся к нашему разговору с инженером Жарковым. Рассказывая о том, как сооружалась Салангская дорога, он вспоминал имена многих афганцев и советских специалистов, которые покоряли Гиндукуш, строили галереи и мосты, асфальтировали полотно, ночами бились над тем, как эффективнее провести в жизнь то или иное инженерное решение, боролись с сюрпризами стихии.

Очень хорошо отзывался он о своем коллеге, инженере Юрии Модебадзе, который тоже участвовал в строительстве этой дороги, а позднее помогал афганским дорожникам поддерживать ее в надлежащем состоянии. Мне удалось познакомиться с этим человеком, для которого работа всегда стояла на первом плане. Веселый и энергичный, он не терпел нытиков, всегда у него были шутка или анекдот на любой случай жизни. Сколько я с ним ни говорил, сколько ни говорил, но когда речь заходила о нем самом, когда я хотел узнать о его работе, то он всегда отделивался от разговора.

— Ничего особенного, — говорил он. — Обыкновенная работа: бывает иногда и жарко и холодно, трудновато и немного опасно.

Между прочим (это я узнал от его товарищей), с Юрием Модебадзе был случай, который чуть не стоил ему жизни. На Саланге установилась зима. Стояли крепкие морозы, дни безветренные. Автомашины в считанные минуты проскакивали туннель, скрипя тормозами, неслись по горной дороге, огражденной в опасных местах железобетонными барьерами или столбами. Инспектируя на «газике» один из участков дороги, инженер обратил внимание, что снежная вершина возвышавшейся неподалеку горы вдруг пришла в движение. Снежный покров начал сползать и двинулся вниз по склону. Опасного ничего не было. Он шел по направлению к защитной галерее. Тонны снега обрушились на железобетонную крышу, завалив частично один из выходов из галереи, где предусмотрительные водители уже остановили свои машины.

Для бульдозериста работы на несколько минут — и дорога вновь открыта для движения. Модебадзе находился по эту сторону галереи, выход из которой был наполовину завален снегом. Бульдозер же стоял метрах в ста по другую сторону, и при нем должен был всегда находиться дежурный афганский водитель. Прошло некоторое время, а бульдозер не появлялся. Инженер, человек беспо-

койного характера, не выдержал и решил пешком преодолеть несколько метров глубокого снега, войти в галерею и узнать, почему так долго нет бульдозера.

Модебадзе стал пробираться через снежный вал и вдруг почувствовал, что снежный пласт пришел в движение, начал сползать вниз, к пропасти. Снег потянул и инженера, который упал и вместе с валом сполз с дороги, скользя по отполированному ледяному склону к пропасти, до которой оставались считанные метры, а там — верная гибель. Инженер делал отчаянные усилия, пытаясь тормозить руками и ногами. Неожиданно его развернуло и бросило на гранитный выступ, торчавший на самом краю пропасти.

Обхватив камень обеими руками, он продержался до тех пор, пока снежная лавина, промчавшись над головой, не исчезла внизу. Афганские водители помогли ему подняться на дорогу. Управлять «газиком» Модебадзе не мог. Минуты, пережитые над пропастью, дали о себе знать: дрожали руки, наступила общая слабость. Афганцы довели его до поселка, где жили наши дорожники. Инженер, не помня себя, дошел до кровати и, не раздеваясь, уснул. Утром встал вместе со всеми и вновь выехал на трассу.

В представительстве ГКЭС в Кабуле мне показали справку о трассе Пули-Хумри — Мазари-Шариф — Шибрган, построенной при техническом содействии нашей страны. На двух страничках, отпечатанных на пишущей машинке, уместился колоссальный труд людей, построивших трассу протяженностью 330 километров. Эта дорога соединила южные, в основном сельскохозяйственные районы страны с наиболее развитыми в промышленном отношении и богатыми природными ресурсами районами Северного Афганистана и обеспечила выход их к пограничным с Советским Союзом речным портам.

Строительство началось в конце 1964 года. В марте 1970 года вступил в строй участок дороги от Пули-Хумри до Мазари-Шарифа протяженностью 190 километров с подъездом к городу Саманган. Вскоре движение открылось по всей магистрали.

Я часто бывал на трассе в дни ее сооружения, посылал репортажи в «Правду», познакомился со многими нашими специалистами, избравшими профессию дорожника-строителя.

Впервые мне довелось побывать здесь летом 1967 года. Небольшой городок Пули-Хумри утопал в зелени. Монотонно шумел водосброс плотины, питающей водой элек-

станции. Поселок, где жили наши люди, напоминал сад. Журчат арыки, благоухают клумбы с цветами. Загорелые ребяташки возятся с собаками, жены наших специалистов, пристроившись на закрытых верандах, вяжут кофточки короткая время. В воздухе пахнет жареными пирожками — Слава Мындык, ленинградский повар, готовит ужин.

Вот-вот приедут ребята с трассы и устроят серьезный разговор и борщу, и котлетам, и пирожкам, — смеется повар, помогая мне устроиться в гостинице для приезжих.

Во дворе раздаются скрип тормозов, громкие голоса, смех — возвратились наши специалисты. Спустя несколько минут со словами: «А где здесь корреспондент?» — в номере появляются два дюжих молодца и буквально волокут в столовую — небольшую, побеленную на украинский манер комнату. На столах традиционный кизилковый лимонот.

Знакомлюсь и беседую с нашими специалистами, задаю вопросы, заносю ответы в блокнот, — кто знает, представится ли еще такой удачный случай. Ведь завтра многие переселяются в Саманган. Фронт работ уходит все дальше, навстречу им двигаются из Мазари-Шарифа строители другого участка дороги.

Беседую с людьми. Вот инженер Владимир Мигаль, кислянин, приехал сюда вместе с изыскателями задолго до начала строительства. Каждый километр будущей дороги проезжен и исхожен пешком. На родине сооружал автоброду Ростов — Орджоникидзе, работал под Куйбышевом, когда строилась знаменитая наша ГЭС на Волге.

— Трудность у нас одна, — говорит он, — не хватает местных квалифицированных рабочих. Делаем то, что и на других наших объектах, — готовим кадры на месте. Сегодня выпал свободный вечер, а так обычно в это время преподаем на курсах, учим афганцев. Если не подготовим нужные кадры, это отразится на темпах строительства.

Мирза Гильманов, родом из Уфы, инженер-механик автомобильных мастерских. В его обязанности входит оказание помощи в подготовке водителей и механизаторов.

— Создали школу, — говорит он, — отобрали туда афганцев, интересующихся техникой. Занимаемся с ними без отрыва от производства, по вечерам и выходным. По окончании курса занятий — экзамен с выдачей диплома. Первая группа выпускников уже управляет машинами. Ашрий нет, за техникой следят. Решить проблемы нехват-

ки такого рода кадров помогло и то, что к нам пришло немало афганцев, трудившихся ранее на сооружении магистрали Кушка — Герат — Кандагар и Салангского туннеля. Выяснилось, что многие из них вполне квалифицированные водители и механики.

Московский механик Николай Лобас работает на заводе железобетонных конструкций. За его плечами участие в сооружении Салангской магистрали, там он работал на монтаже галерей. Награжден орденом Знак Почета. Он рассказывает:

— Несколько дней назад я беседовал в Кабуле с американскими инженерами, работающими где-то на юге страны. Так вот, они утверждали, что афганец в силу своей отсталости и прирожденной лени не способен к овладению сложной техникой. Обучение их прямо на объекте, как это делаем мы, — пустая трата времени. К тому же афганец вероломен и неблагодарен. Я, конечно, не мог согласиться с ним. Афганец тянется к знаниям, к овладению профессией, и если ему помогаешь, оказываешь элементарное внимание, то благодарность его безмерна. Я доволен, что работаю здесь.

Инженер Владимир Холщевников замещает главного специалиста Вячеслава Каминского, выехавшего на несколько дней по делам в Мазари-Шариф. Почти половину своей жизни — сейчас ему за пятьдесят — провел на дорожном строительстве в Сибири и Казахстане. Человек с большим производственным опытом. Все время на колесах.

— Иногда встретишь своих друзей юности: один в министерстве, другой в научно-исследовательском институте, третий, как говорят, «перешел на оседлость». Всегда дома, с семьей, захотел — пошел в театр или на концерт. Станет даже немного завидно. А потом подумаешь и скажешь себе, что моя жизнь все же лучше и интереснее. Мы с женой привыкли к переменам. Построишь одну дорогу — переезжаешь на сооружение другой. Тот, кто заражен вирусом дорожного строительства, ни за что не изменит своей профессии. Многие из моих коллег, ушедшие на пенсию, скучают по работе, даже заболевают от тоски.

Ранним утром, еще до восхода солнца, Владимир Холщевников забрал меня с собой на трассу. Примерно 40 километров дороги уже заасфальтировано, дальше полотно в щебне и гальке, а затем обрывается, переходя в барханную пустыню. Ревут бульдозеры и самосвалы, из-за гор доносятся глухие взрывы — там рвут породу для будущей дороги. Жара вступает в свои права.

Инженер говорит, что впереди непочатый край работы. Придется соорудить мосты и отводы для селевых потоков, которые после прошедшего в горах дождя обрушились в долину, заваливая мелкие речушки. Этой весной селевой поток снес кишлак, уничтожил крестьянские поля и сады.

— Может быть, я немного романтик, — продолжает инженер. — Но когда вы на легковой машине через несколько лет поедете по этой дороге, проносясь по мостам, через горные перевалы, то вспомните этот день. Вспомните это раскаленное солнце — через два-три часа уже невозможно будет работать в песках. Вспомните эти дали, горы, подернутые синей дымкой, — их еще придется штурмовать. Но этот верблюжий караван, передвигающийся по старинной караванной тропе. Только местные жители, привыкшие к жаре, могут переносить такие горячие пески, которые нагреваются до пятидесяти градусов...

Недалеко от Самангана, возле вагончиков строителей видим «газик» главного специалиста Вячеслава Каминского. Он беседует с Владимиром Холщевниковым, предлагает мне перейти в его машину, чтобы вместе добраться до Пули-Хумри. Но мне нужно побывать еще в самом Самангане, поэтому отказываюсь.

— Вечером увидимся, — бросает он. — Супруга обещала настоящую окрошку с квасом. Приглашаю, не задерживайтесь. Через два дня я повезу вас и в Мазари-Шариф, и в Шиберган, все покажу и расскажу.

Но поездка с ним не получилась. Возвращаясь, Вячеслав Каминский, желая дать небольшой отдых своему афганскому шоферу, взял у него руль — инженер не первый год водил машину. Но случилось непредвиденное: на отрезке пути, там, где дорога пересекала гряду невысоких гор и проходила по краю обрыва, машину вдруг просило к скале и руль на какое-то мгновение был выбит из рук. «Газик» развернуло, и он устремился вниз по крутому склону. Видимо, от сильного удара дверцы распахнулись, инженер и водитель вылетели из машины и кубарем покатались вниз, но застряли в кустах. Люди остались живы, получив небольшие травмы. Машина же была искорежена до неузнаваемости. Через неделю оба пострадавших поднялись с постели.

Жизнь наших людей, оторванных от родины, от семьи, от привычного быта, от многолетних сложившихся коллективов, далеко не легкая. Они скучают по театру и концертам, свежему кинофильму и книжной новинке. Га-

зеты приходят сюда с опозданием, письма от родных и знакомых — тоже. Может быть, именно поэтому здесь, впрочем, как и на других новостройках, люди увлекаются художественной самодеятельностью.

Вячеслав Каминский, рижанин, руководитель группы наших специалистов на этом объекте — прирожденный музыкант, увлечение которого — рояль и скрипка. По его инициативе создан оркестр. Играющие в оркестре, возвратившись с трассы и отдохнув немного, шли на репетицию.

На вечерах, посвященных празднованию Первого мая, Великого Октября и другим знаменательным датам, небольшой зал клуба дорожников в Пули-Хумри всегда переполнен. Послушать и посмотреть выступление самодеятельных артистов приходят и афганцы.

...Подполковник Назим-хан отвечал за строительство этой дороги. Встреча состоялась в управлении стройки, расположенном на самом выезде из Пули-Хумри. Только что состоялось оперативное совещание совместно с нашими специалистами, на котором обсуждались график работ и ряд текущих вопросов.

— Значение автострады, — говорил Назим-хан, — трудно переоценить. Она не только оживит районы вдоль всей трассы, но и позволит быстро перевозить удобрения химического комбината, сооружаемого под Мазари-Шарифом, в те места, где в них есть необходимость. Она даст толчок и дальнейшему экономическому развитию северных районов, где открыты крупные месторождения газа, запасы которого оцениваются более чем в 100 миллиардов кубометров. Там ведутся поиски нефти.

Прошу Назим-хана немного рассказать о себе.

— Начну с того, — говорит он, — что я вот уже более десяти лет работаю вместе с советскими людьми. И честно скажу: это лучшие годы моей жизни, позволившие мне понять вашу страну и народ, изжить разного рода предубеждения. Мои первые контакты начались в Термезе, где я представлял министерство общественных работ и принимал грузы из СССР. Поездка в Москву, Ташкент и Новосибирск окончательно меня убедила в том, что самым верным другом для Афганистана является Советский Союз.

Беседу прерывает телефонный звонок. На проводе Кабул. Подполковника, как выясняется по его ответам, спрашивают, какой объем работ проделан за минувшие сутки, интересуются наличием свободного транспорта и горючего. Четко и лаконично ответив на вопросы, Назим-хан продолжает:

Здесь, на стройке, между афганскими строителями и советскими специалистами на всех уровнях сложились по-настоящему деловые, товарищеские отношения. А это помогает преодолевать трудности, которые чинят нам природа и бюрократы из правительственного аппарата, да и недруги тоже.

Признаться, я несколько удивлен откровенностью собеседника.

Да, да, — повторяет он, — правительственные бюрократы чиновники. По нерасторопности, а может быть и сознательно, ими сплошь и рядом задерживаются поставки материалов для стройки и финансирование. Бюрократизм, ворюжество и лень — закоренелые болезни многих афганских чиновников. Я очень благодарен советским коллегам, которые болеют за стройку, вкладывают в нее всю душу.

Через год с небольшим подполковник будет отозван в Генеральный штаб. На посту начальника управления строительства этой дороги его заменит, продолжая добрые традиции, майор Вахаб-хан. В дни Апрельской революции эти офицеры поддержали восставших, встали на сторону революционной власти.

Громадным авторитетом у афганцев пользовался Александр Каспаров, бакинец, который после отъезда на родину Каминского возглавил группу наших специалистов. Это был дисциплинированный инженер, энергичный организатор, владевший к тому же свободно дари, который выучил во время своей первой командировки, работая на строительстве автомагистрали Кушка — Герат — Кандагар. Знания языка как необходимого условия для контактов с афганским персоналом и успешного осуществления строительных работ он требовал и от своих подчиненных.

Каспарову и его коллегам пришлось решать немало сложных задач. Это строительство technically сложного участка пути через перевал Рабатак, расположенный на высоте примерно тысячи метров, штурм гранитного ущелья Саят и поворение песков на трассе от Мазари-Шарифа до Шибергана. К великой радости жителей Мазари-Шарифа дорожники за счет сэкономленных материалов и сырья заасфальтировали главные улицы их города.

Гот, кто бывал раньше в Мазари-Шарифе, где песок, поднятый в воздух сильным ветром, мог часами висеть над домами, поймет, что значат эти 15 километров асфальтового покрытия. Ведущий промышленный центр Северного Афганистана стал чище, приобрел черты современного города, особенно после сооружения в нем ряда промышленных и гражданских объектов. Корреспондент «Известий» Ашраф

Ахмедзянов, побывавший в Мазари-Шарифе на торжественной церемонии по поводу первого выпуска студентов горно-нефтяного политехникума, сооруженного при содействии СССР, говорил мне после, что власти, высказывая благодарность за это учебное заведение, добрым словом поминали и дорожников.

С этой трассой у меня связано немало интересных встреч и бесед. В жаркие августовские дни 1970 года я побывал на одном из последних участков трассы, уже подходившей к Шибергану. Под обжигающими лучами солнца дорожники заливали полотно асфальтом, от которого несло жаром, как от раскаленной печи. Людям не до разговоров. Они встревожены, на исходе вода, столь необходимая для полива земельного полотна, для асфальтового завода.

Мне рассказали, что Каспаров с афганцами, отвечающими за стройку, объезжал окрестные крестьянские хозяйства, уговаривал земледельцев поделиться драгоценной влагой. К вечеру он появился довольный: крестьяне согласились выделить стройке часть воды. Действительно, в тот же вечер на трассу стали поступать цистерны с водой.

На следующий день шиберганские власти устраивали — не помню, по какому случаю, — прием. Кроме дорожников они пригласили наших нефтяников, работающих на буровых в этих местах, специалистов с газопромислов, в том числе людей с трассы трубопровода, по которому часть природного газа подается в оплату кредитов и поставок в республики советской Средней Азии.

Здесь я познакомился с двумя инженерами. Один — афганец Мамад Тутахель, неплохо говорящий по-русски, но с украинским акцентом. Учился он, оказывается, в Киеве. Сейчас он — начальник изыскательской партии, работающей на трассе будущей дороги от Шибергана до Герата, которая должна замкнуть кольцо современных автострад.

Его помощник Александр Бучкин, выпускник МГУ, с бородой под кубинского повстанца — главный геолог экспедиции. В тот вечер Бучкин много рассказывал о работе экспедиции, о своих товарищах, которых беспокойная профессия забрасывает в самые различные районы земного шара. Поздно вечером он со своим афганским другом уехал на базу, чтобы завтра с утра, пока солнце не вступило в свои права, выйти на трассу.

Вспоминаю эту встречу еще и вот почему. Работая над рукописью этой книги, я увидел в одном из номеров «Комсомольской правды» репортаж о наших специалистах, находившихся на землях освобожденного Лаоса. В репортаже

вспоминался и мой давний знакомый Александр Бучкин, который теперь вместе со своими товарищами трудился в этой стране.

Вспомнилась еще одна встреча. Во время разговора с Валибханом, начальником управления строительства дороги, к нам подошел молодо выглядевший человек в длинном, до колен, темном кителе, застегнутом на все пуговицы. На голове красовался каракулевый «пирожок». Окладистая, выкрашенная басмой рыжая борода. То был мулла одной из мечетей, присланный сюда после окончания мазари-шарифской духовной академии Асадия.

— Наш мулла, — обращаясь ко мне, заметил майор, — человек прогрессивных взглядов. Он, можно сказать, идет в ногу со временем. Убеждал богатых землевладельцев поделиться водой. Этот мулла, например, говорил своей пастве, что Коран не запрещает женщине держать лицо открытым на людях. Он призывал родителей, у кого есть такая возможность, отдавать детей в школу, в том числе и девочек.

Я же благодарен этому человеку за то, что он помог мне осмотреть соборную мечеть в Мазари-Шарифе, где, по преданию, покоится прах четвертого халифа — Али.

— Соборная мечеть — это прекрасное произведение мусульманского зодчества средних веков, — говорил он. — Я вас провожу. При входе в мечеть надо снять ботинки и ни в коем случае не брать с собой фотоаппарат.

Мечеть Али интересна изумительной отделкой порталов, купола, минаретов глазурированной мозаикой бирюзового и голубого цветов. Во дворе мечети глубокий колодец — убедительное свидетельство наличия больших запасов грунтовых вод в этих местах. Над мечетью кружатся стаи голубей, которых подкармливают прихожане и служители, считающие, что эти голуби священные и приносят удачу правоверным.

...Мне часто доводилось бывать в Мазари-Шарифе и Шибрге. В старых путеводителях эти места называются центрами каракулеводства, ковроткачества и разных ремесел. Однако настоящую известность этим местам принес природный газ, обнаруженный советскими и афганскими геологами.

С начала шестидесятых годов ведется добыча газа в районе Ходжа-Гугердак. Из скважин, пробуренных на большие глубины, газ после очистки направляется в газопроводы. Один из них, проложенный через пески и горные массивы, идет в сторону советской границы, а затем в районы советской Средней Азии. Другой газопровод, протяженностью более 90 километров, идет в город Мазари-Шариф, на комбинат по производству азотно-туковых удобрений.

В мае 1982 года вступило в строй еще одно крупное газовое месторождение — Джаркудак, находящийся примерно в 20 километрах от Шибергана. Первая строительная бригада прибыла в район Джаркудак в конце июня 1977 года. Стояла невыносимая жара — столбик термометра прочно стоял на отметке 50 градусов. Началось освоение района. Особенность этой стройки заключается в том, что это был первый объект, спроектированный советскими специалистами и построенный «под ключ». В ходе строительства было подготовлено 500 афганских специалистов по 20 различным специальностям. В итоге руководство основными производственными процессами по добыче и транспортировке газа осуществляется теперь афганским персоналом.

Благодаря Джаркудакскому промыслу добыча газа удвоилась. Постепенно растущие доходы от экспорта газа в СССР позволяют Афганистану погашать советские кредиты, полученные на сооружение дорог, промышленных предприятий и ирригационных объектов. Прирост добычи газа открыл новые возможности для использования его внутри страны, в том числе и на бытовые нужды.

Здесь хорошо помнят имена тех, кто своим трудом и творческой инициативой способствовал успешному завершению строительства газопромысла. Это генеральный директор стройки Александр Ушаков, руководитель бригады глубокого бурения Анатолий Криушкин, бульдозерист Алексей Уткин и десятки других специалистов. Невзирая на попытки контрреволюционных банд затормозить сооружение газопровода, они все сделали, чтобы объект вступил в строй вовремя.

...Первенец отечественной химии — комбинат по производству азотных удобрений бросается в глаза сразу же, как выезжаешь из Мазари-Шарифа. На фоне темно-коричневых гор видны громады цехов, переплетения стальных труб, мощные цистерны, опоры линий электропередач. К предприятию, озаренному с наступлением темноты электрическими огнями, тянутся грузовые автомашины.

Последний раз мне довелось побывать здесь в начале августа 1978 года. Руководитель группы советских специалистов, трудившихся на этом объекте, Владимир Ижко познакомил меня с директором комбината афганцем Ясином Сиддыки, выпускником Московского химико-технологического института имени Менделеева.

Афганцы гордятся своим детищем, вступившим в строй в начале семидесятых годов. Комбинат снабжает сельское хозяйство ценными химическими удобрениями. Предприятие

ежегодно производит свыше 100 тысяч тонн карбамида — наиболее экономичного удобрения, а также значительные партии жидкого аммиака, азота и кислорода. Продукция комбината позволила сократить импорт химических удобрений из других стран, расширить экспортную номенклатуру товаров и увеличить валютные поступления, которые будут способствовать дальнейшему развитию афганской экономики.

Почти шесть тысяч человек, в основном крестьян-бедняков из окрестных районов, обрели постоянную работу, получив различные специальности. На здешних курсах, которые ведут советские специалисты, обучается более шестисот афганских рабочих и служащих. «У нас, — говорит директор, — большие планы развития производства, и мы рады, что советские специалисты живут нашими интересами, отдают все силы и знания афганским коллегам».

Вопрос о строительстве комбината возник после того, как в начале шестидесятых годов усилиями советских и афганских геологов в районе Шибергана были открыты крупные запасы природного газа. По просьбе тогдашнего правительства советские организации разработали проект этого предприятия и помогли его построить.

Поскольку в районе строительства не было источников энергии, решено соорудить при комбинате тепловую электростанцию с использованием газа как топлива. Эта станция не только дала энергию предприятию, но и осветила Мазари-Шариф и Балх. Раньше они снабжались в небольшом количестве энергией мелких станций, работавших на дизелях.

Приезжая в Мазари-Шариф, я всегда старался не упустить возможности побывать на строящемся тогда комбинате, поговорить с нашими людьми. Группу советских специалистов возглавлял Аркадий Рагозин, опытный инженер-строитель, имевший почетное звание заслуженного строителя РСФСР. Несмотря на возраст — ему тогда уже было за шестьдесят, — он всегда выглядел бодрым, не знающим усталости человеком. А если и случалось сердечное недомогание, то никогда не показывал виду, что ему нездоровится. С утра до глубокого вечера он или на стройке, или по делам в порту на Амударье, куда прибыло оборудование, которое нужно срочно вывезти и поставить под монтаж. Единственное, на что он иногда сетовал, — что к нему нерегулярно поступают журналы, рассказывающие о новинках и технических достижениях в той области строительства, в которой он работает. О себе он не любил распространяться, зато всегда охотно говорил о своих коллегах по работе.

Он был беспокойный человек. Все его трогало и волновало.

При его участии созданы были курсы не только для строителей и монтажников, но и для тех, кто должен был после пуска предприятия обслуживать это сложное производство.

Это предприятие подает пример в труде и дисциплине. Довольно сильные партийная и профсоюзная организации стали опорой провинциального комитета НДПА. И не случайно контрреволюционеры неоднократно пытались устраивать диверсии на этом заводе, совершали покушения на его активистов. В мае 1983 года бандиты напали на школу, где учились дети рабочих и служащих этого предприятия. На глазах школьников они убили двух учителей, плеснули в лицо кислотой одной девочке, мать которой была членом комитета НДПА города Мазари-Шариф.

...Неподалеку от Мазари-Шарифа находится город, о котором мы знаем еще по школьным учебникам. Это легендарный Балх — «мать городов мира». Предание гласит, что за много веков до нашей эры в этом городе со своими проповедями выступал легендарный Заратуштра (Зороастр), основоположник религии огнепоклонников. Незначительные общины огнепоклонников сохранились сегодня в Индии, Иране и Пакистане.

Город был завоеван войсками Александра Македонского. После смерти полководца Балх стал столицей образовавшегося в этой части мира Греко-Бактрийского царства, в которое входили земли нынешнего Северного Афганистана, южных районов Таджикистана и Узбекистана. За тридевять земель от сказочной Эллады в этих краях более двух тысяч лет назад говорили и одевались по-гречески, читали Гомера и Эсхила, строили дома в стиле, характерном для эллинов. Но Греко-Бактрийское государство пало под ударами кочевников, оставив о себе память в виде развалин дворцов и артезианских колодцев, засыпанных песками.

В VII веке нашей эры Балх был завоеван арабами. Но проходят годы, и руками трудолюбивых людей, селившихся здесь, он поднимается из руин. Балх — это родина отца знаменитого врача и ученого прошлого Ибн Сины (Авиценны). В этом городе родился Джелалуддин Руми — поэт и мыслитель, покинувший вместе с семьей город незадолго до вторжения в него орд Чингисхана. Впоследствии он поселился в турецкой Конии. От величественных дворцов и крепостных стен остались развалины, разъедаемые песчаными бурями и палящим солнцем. Шедевр мусульманского зодчества XV века мечеть-мавзолей Ходжа Абу Наср Парси сохранился неплохо. Этот памятник прошлого интересен колоннами портала и бирюзового цвета ребристым куполом.

Сейчас Балх — центр провинции одноименного названия, на полях которого руками крестьян выращиваются хлопчатник и зерно, овощи и фрукты. Продукт животноводства — каракуль, ставший важной статьей получения валюты. Каракулевые шкурки идут на аукционы Западной Европы.

В заготовительной фирме я видел чудо-шкурки самых различных оттенков: золотистые, платиновые, янтарные, серебристые и сиреневые. Представитель фирмы говорил мне, что афганские каракулеводы, используя опыт советских коллег, в частности туркменских селекционеров, вывели ягнят с новой расцветкой шкурок.

— Мы с интересом, — сказал он, — следим за опытами, которые проводятся в туркменском племенном хозяйстве «Галимарджан». Наши люди, побывавшие на Чарджоуском каракулевом заводе, где сортируются и обрабатываются шкурки, видели такие сорта, которых у нас еще нет.

Перемены в городе начались с вводом в строй в Мазари-Шарифе комбината химических удобрений. Здесь живет много рабочих, занятых на этом предприятии. Каждое утро в Балх прибывают заводские автобусы, чтобы отвезти людей на работу. В городе построено несколько начальных и средних школ, три больницы.

С Балхом у меня связано одно интересное воспоминание. Бывая в этих краях, я довольно часто слышал о спортивных состязаниях бузкаши, ставших традиционными особенно в северных районах Афганистана. Бузкаши, или козподраание, проводится, как правило, по какому-нибудь торжественному поводу. Это может быть национальный или религиозный праздник, свадьба в знатных семьях. Сколько путешествовал по северным районам, а вот посмотреть состязание не доводилось. Но однажды, осенью 1973 года, все таки повезло. Остановившись в Балхе на ночь, я собирался утром поехать к буровикам. Однако мой давний знакомый Хасан Асадулла, заведующий канцелярией губернатора, уговорил меня задержаться.

— Завтра, — сказал он, — намечается состязание бузкаши, соберется много народа. В провинции неплохой урожай хлопчатника и пшеницы. Губернатор доволен.

Ранним утром Хасан повез меня за город. Километрах в пяти в лощине среди деревьев находилась большая площадка. С одной стороны стояли ряды скамеек, над которыми колыхались парусиновые тенты. Землю устилали паласы. Тут же стояли столики с горками фруктов и кипящими медными самоварами. На противоположной стороне поля собрались пришедшие на праздник жители окрестных мест.

Меня провели на места для почетных гостей, где сидели человек двадцать наших специалистов с комбината химических удобрений и нефтяников. Вскоре появились представители местных властей — губернатор с группой чиновников, полицейское начальство и несколько армейских офицеров. За ними шествовали местные помещики и купцы, одетые в цветастые халаты или в сшитые по последней моде европейские костюмы. Почти у всех пальцы унизаны перстнями с драгоценными камнями, оправленными в золото.

Запомнилась одна чета. Расплывшийся мужчина в неопрятном поношенном костюме с огромной золотой цепью, болтавшейся на груди. Он все время ел фрукты, отирая сок с губ. Мужчина приходился дальним родственником бухарскому эмиру, бежавшему в 1920 году из советской Средней Азии. Он был с женой — англичанкой. Холеная леди держалась независимо, громко разговаривала, курила и жестикулировала. Почему-то в голову пришла мысль — спросить, сколько у этого человека жен. Хасан улыбнулся:

— Насколько я знаю, у него еще есть две жены-афганки, молодые женщины, но в обществе он с ними не показывается. Для этого у него есть англичанка. Живет он в основном в Кабуле, занимая огромный двухэтажный особняк, состоит пайщиком ряда акционерных компаний. Режим Дауда его устраивает, так как мероприятия властей не затронули его коммерческих интересов. Местные муллы в общем-то недовольны, что у него жена иностранка. Но он умеет вовремя дать бакшиш, и к нему никаких претензий.

Над полем раздался протяжный звук рожка. В центр поля, отмеченного белым кругом, ворвался всадник, волоча за собой тушку козла. По обе стороны метрах в пятидесяти от центра за расставленными зелеными флажками выстроились другие всадники. Левая группа была одета в длинные синие рубахи, правая — в ярко-оранжевые. Фигуры всадников казались неестественно широкими. Под верхней одеждой у них — толстенные пуловеры, чтобы предохранить себя от увечий во время столкновений.

Лошади, словно чувствуя предстоящую схватку, не стояли на месте, они перебирали тонкими ногами, на которых в зависимости от принадлежности к команде были повязаны синие или оранжевые ленты. Зрители замерли.

Сидевший неподалеку от меня корреспондент французского журнала «Пари-матч» поднял было киноаппарат с телеобъективом, но его попросили убрать камеру. Съемка, сказали ему, может принести несчастье. К тому же на трибунах сидели афганки, и многие из них отбросили чадру.

Гарцуя на белом в серых яблоках коне, к трибуне подъехал всадник, словно сошедший с бехзадовской миниатюры. На голове красовался расшитый золотом красный тюрбан. Зеленая с золотыми нитями рубаха перепоясана кумачовым поясом. Высокое кожаное седло отделано серебром. На боку всадника — старинный пистолет, ручка которого украшена перламутром.

Всадник ловко соскочил с седла, наклонил голову и почтительно приблизился к губернатору. Тот небрежно подал ему руку. Всадник поцеловал ее, приложил к своему лбу, а потом к сердцу, поклонился публике, сидевшей на почетных местах. Затем, пятясь, отошел немного назад и взял в руки пистолет.

Раздался оглушительный выстрел, сопровождаемый облаком синего дыма. И сразу с криком обе группы всадников, выметнув шлейф пыли, ринулись к центру, где лежала козлиная туша. Задача заключалась в том, чтобы первым схватить тушу, возвратиться на прежнюю позицию, а затем, не отдавая ее сопернику, вернуться и бросить ее в тот же круг. При этом тушу нельзя перебрасывать через седло, нести ее над головой, а нужно, схватив рукой, прижать голенью ноги к боку лошади. Для этого требуется сила, ловкость, умение крепко держаться в седле.

Победа присуждается той команде, которая наибольшее число раз забросит тушу в центр круга. Состязание рассчитано на пять—семь таймов, каждый из которых занимает не более десяти минут. Допускаются перерывы, во время которых люди приводят в порядок свою одежду, сбрую лошади или меняют тушу, если она разорвана.

Всадник, получивший травму, заменяется запасным игроком. Правила допускают замену лошади, если она получила ушибы, но в таком случае команда противника тоже имеет право поменять одну из своих лошадей на свежую.

Надо было видеть и слышать, как болельщики переживали за свои команды. Кто-то стучал в барабан, кто-то свистел. Анлодисменты смешивались с ржанием разгоряченных лошадей, криками всадников. Над полем клубами поднималась темно-желтая пыль. Состязания продолжались часа полтора. В конце всадники, спешившись и склонив головы, подошли к трибуне, где сидел губернатор, стали целовать его руки. Затем по знаку губернатора англичанка начала раздавать победителям призы. Это были деньги в конвертах.

Достояние народа

Файзабадский калейдоскоп. Лазуриты Бадахшана. Этот загадочный край Нуристан. Самобытное искусство. Каменные великаны Бамиана. Лабиринты подземного города. Трагедия Хадды. Ковры и хлопок. Дильберджинское городище. Сотрудничают ученые

Чиновник королевского министерства информации, туризма и культуры Азиз-хан — сама любезность: подливает чай в маленький стаканчик, участливо спрашивает, не продувает ли холодным воздухом, гонимым монотонно гудящим кондиционером, хорошо ли я устроился в гостинице. На вопрос, когда же я получу разрешение на поездку в районы Бадахшана, отвечает уклончиво. Не надо, мол, торопиться, в тех районах все еще не ликвидированы последствия холеры. Власти не смогут создать нормальных условий для поездок по этому краю.

Однако я настаиваю, прошу помочь мне поехать в Бадахшан, готов ждать столько, сколько надо. Чиновник снимает трубку, долго разговаривает с кем-то по телефону. Наконец произносит:

— Приходите завтра за письмом к бадахшанским властям. Вам разрешено посетить этот край. Единственная просьба: не вступать самому в контакт с населением. Вам выделяют человека, который организует встречи, поездки. И еще одна просьба — не пользуйтесь фотоаппаратом. Нет, это не запрет, это всего лишь просьба. Там не любят иностранцев, которые фотографируют. Люди там отсталые, верят в разные приметы.

Позади долгие, утомительные часы тряски на «газике» по горным кручам, и мы, наконец, к вечеру по пыльной улице, вдоль которой протянулись глиняные дувалы, въезжаем в Файзабад, центр Бадахшанского края, где проживают в основном таджики. Босоногие ребятишки гонят стадо коз и ишаков на водопой к реке Кокча, которая протекает по окраи-

но города. За ними тянутся водоносы, закинув за плечи пустые бурдюки. В нагретом воздухе плывут усиленные динамиками шумные голоса муэдзинов, призывающих людей к вечерней молитве.

Догоняем упитанного пожилого человека в цветастом ватном халате, едущего верхом на мохнатом ослике. Он ожесточенно колотит его задниками сапог. Позади него семят облакиваемые пылью три женщины. Трудно определить их возраст. Лица закрыты плотной сеткой с прорезями для глаз. Седок чем-то недоволен, то и дело поворачивается к женщинам, зло что-то выговаривает им.

Проезжаем мимо мечети, сложенной из розоватого кирпича. Двери распахнуты настежь. У порога рядами выставлены топтанные мужские сапоги и туфли. Внутри видны колени-преклоненные молящиеся. Тут же, возле входа в мечеть, сидит старец — одной руки нет. Перед ним кувшин с водой. Это для омовения правоверных перед намазом.

— Это бывший басмач, пришел с вашей стороны, — говорит сопровождающий меня переводчик, кивая в сторону, где находится граница. — Давно это было — году в тридцатом. Человек двадцать, остатки разгромленного отряда, бежали сюда. Среди них было много раненых. Одни вскоре скончались — никто их здесь не лечил, другие выжили. Выжил и этот старик. Он безродный и никому сейчас не нужен. А тогда он терроризировал население, грабил и убивал людей.

Давно хочется пить, и мы останавливаемся возле чайханы. На зеленую лужайку, прилегающую к покосившемуся домику, вынесены обшарпанные диваны и топчаны. Десяток мужчин, расстегнув ватные халаты, пьют из маленьких пиал чай. Возле них суетится мальчуган лет десяти, разносящий сладости.

Над всем этим — рой мух. Они облепили бараньи туши, повешенные на крюках, уселись на кучу мусора. А рядом, как ни в чем не бывало, посетители распивают свой зеленый чай и ведут долгий и неторопливый разговор.

Увидев, что машина остановилась, все поворачиваются в нашу сторону. Из домика выскакивает сам хозяин, небольшого роста толстый таджик. Переводчик, почтительно с ним поздоровавшись, говорит, что нам хочется выпить чаю.

О восточное гостеприимство! К нам тянутся руки посетителей с пиалами. Не раздумывая, осушаю одну за другой. Посетители удовлетворенно кивают головами, смотрят, как мы пьем чай.

— Отдохните немного, — приглашает хозяин. — Вы наши дорогие гости.

Переводчик советует задержаться хотя бы на несколько минут, чтобы не обидеть присутствующих. Нам освобождают топчан. На столике появляются яблоки и абрикосы, грозди винограда. Мальчуган приносит кувшин с водой. Один из посетителей отбирает у него сосуд и сам ополаскивает фрукты: он осторожно берет каждое яблоко, каждый абрикос и вытирает их подолом своего засаленного халата.

— Попробуйте, — говорит он. — В наших краях они самые вкусные.

Переводчик рассказывает, кто я такой, зачем сюда приехал. Хозяин и посетители, выслушав его краткое объяснение, говорят, чтобы я чувствовал себя как дома, и предлагают даже остановиться здесь на ночлег. Но нас ждет заказанный номер в гостинице, и, поблагодарив всех, мы едем дальше.

Проезжаем базар, где торговцы уже зажгли керосиновые лампы. Вскоре оказываемся перед воротами гостиницы. Она в глубине заросшего парка, откуда веет прохладой и ароматом цветов и трав.

Хозяин гостиницы, работавший в свое время несколько лет с нашими изыскателями, неплохо объясняется по-русски. Мне дают довольно уютный номер, окнами в сад, откуда несется треск цикад, заглушающий временами журчание протекающего недалеко арыка. Во всю стену висит громадный портрет короля, изрядно попорченный мухами. Портрет — непрменный атрибут всех учреждений и лавок, свидетельство верноподданности. Вывесить его легко, а вот снять, даже если он по каким-то причинам испортился, — дело нешуточное. Кто знает, как может истолковать этот шаг полиция.

— В этом номере, — с уважительными нотками в голосе сообщает владелец, — несколько дней жил русский врач. Он оперировал нашего судью. Очень хороший доктор. Он осмотрел детей в городе и не взял за это денег.

Мне рассказывали потом, что этот доктор, прикомандированный к нашим специалистам, работающим в этих краях, был срочно вызван, когда у судьи ночью произошел острый приступ аппендицита. Есть и местный врач, но состоятельные люди ему не доверяют. Операции, проводимые им, нередко заканчивались смертельным исходом или большими осложнениями для больного. Да ведь это и немудрено. По профессии он фельдшер, но решил стать хирургом. Ни опыта, ни настоящего операционного инструмента нет, но зато деньги берет большие. «Кому Аллах предписал жить, тот выживет, чем бы он ни заболел. А кому суждено покинуть этот беспокойный мир, тот уйдет», — обычно успокаивал он пришедшего к нему на прием пациента.

Стучится хозяин гостиницы и приглашает на ужин. Спускаемся в небольшой холл, где стены отделаны ореховым деревом. Переводчик представляет мне широкоплечего человека в модном европейском костюме, назвав его Махмуд-ханом, помощником губернатора.

— Я буду помогать вам в работе, постараюсь сделать все, чтобы у вас осталось приятное воспоминание о днях, проведенных в этом крае, — говорит он.

На столе отменный плов, бараньи ножки, маринованный чеснок, сдобные лепешки. Официант приносит бутылку охлажденной «Столичной». Признаться, я несколько удивлен появлением бутылки здесь, где в общем-то довольно строго соблюдается мусульманский запрет на спиртное. Шутя спрашиваю, а не побьют ли нас камнями за это.

— Что вы, — отвечает Махмуд-хан, — ведь это же не вино, а водка. Коран, как известно, запрещает потребление спиртного, изготовленного из винограда. А водка — пшеничный продукт. Об этом даже упомянуто на этикетке по-английски, чтобы на этот счет не было никакого сомнения.

Как часто подобный аргумент мне приходилось слышать и в Афганистане, и в Пакистане, и в Иране от мусульман, когда на столе появлялась бутылка водки! Можно, оказывается, не навлекая на себя кары небесной, прикладываться к чарке.

— Водку пить не грех, наш уважаемый Махмуд-хан прав, — тут же добавляет переводчик.

Хозяин гостиницы сам приносит четыре стопки, не забыв и себя, потом подходит к стоящему в углу на столике громкому приемнику (производства сороковых годов), крутит ручку. Комната наполняется музыкой. Передается концерт из Душанбе.

— Душанбе хорошо слышен, — говорит Махмуд-хан. — Наши таджики не пропускают ни одной передачи. Живо интересуются тем, что делается на той стороне. Я сам на днях слушал передачу о Нурекской гидроэлектростанции. Какая же это будет махина! Сколько энергии получают там, за рекой, люди! Просто не верится!

Потом добавляет:

Нашему губернатору не нравится, что люди слушают советские передачи. Но запретить невозможно. Муллы тоже разводят руками: ничего, мол, не поделаешь. Они сами, кстати, слушают эти передачи, хотя прихожан и убеждают не делать этого.

Сам Махмуд-хан здесь недавно — всего четыре месяца, как приехал из Кабула, получив назначение на должность

помощника губернатора. Занимается в основном делами, связанными с развитием туризма в Бадахшанском крае. Признается, что дела идут неважно. Нет приличных отелей, плохие дороги, никто пока не задумывается об издании туристических справочников. Нужны большие вложения.

Собеседник говорит, что Файзабад в переводе означает «Город, осчастливленный благодатью». Видимо, это название получил он за красоту здешних мест, которые славятся фруктовыми садами и неповторимыми горными пейзажами, но главное — запасами ценного поделочного камня — лазурита. О нем, кстати, упоминает в своих записках знаменитый итальянский путешественник Марко Поло.

Файзабад, основанный в середине XVII века, вел активную торговлю с такими известными торговыми центрами, как Пешавар, Яркенд и Кашгар. При эмире Абдуррахмане, этом жестоком правителе XIX века, отсюда совершались набеги на районы памирских таджиков. До сих пор сохранились каменные с зарешеченными окнами строения, где содержались невольники, которых потом продавали в арабские страны и в Южную Азию.

— Это прошлое, — замечает Махмуд-хан, — а сегодня Файзабад — центр края, у которого большое будущее. Здесь база геологов, отряды которых работают во многих районах. Большие надежды возлагаются на оросительную систему в долине реки Кокча.

Собеседник говорит о том, что в двадцатых годах это места посетил выдающийся советский ученый Николай Иванович Вавилов, исколесивший весь Афганистан в поисках центров происхождения культурных растений. В сопровождении всего лишь нескольких афганских солдат и проводников он совершил трудный и опасный путь, которым не ходил еще ни один иностранец. Ученый перевалил Гиндукуш и прошел неизвестными тропами без карт нынешний Нуристан. Это более пяти тысяч километров горных дорог, знойных пустынь. Это пять месяцев жары и холода, пыльных бурь. Опасности поджидали на каждом шагу. Вавилов собрал большой научный материал, открыл новые группы пшениц, выяснил происхождение ржи из сорняков.

— Говорю это потому, — замечает Махмуд-хан, — что мой брат в прошлом году уехал в Советский Союз и учится сейчас в Воронеже, станет агрономом. Для него советский ученый — идеал исследователя и человека. Я тоже читал о нем, восхищаюсь его мужеством.

В разговор вступает хозяин гостиницы. Его мечта — сделать своего сына врачом. Хорошо бы, конечно, ему полу-

чить образование в СССР. Ох, если бы сын стал таким же специалистом, как тот русский доктор.

На следующий день Махмуд-хан пришел за мной пораньше.

Познакомлю вас, — сказал он, — с одним гранильщиком камней. Очень искусный мастер, ему около семидесяти. Но зрение великолепное, а главное — руки. Не успеет прикоснуться к камню, как тот превращается в драгоценность. Пойдемте, не пожалеете.

Вначале мы поехали в полицейское управление. Там в нашу машину сел сержант с металлической коробкой, в которой лежали необработанные камни лазурита. Мне объяснили, что по существующему закону залежи этого камня являются собственностью государства. Добыча его частным образом, без ведома властей, запрещена. Минерал каждое утро доставляется мастеру на дом, а вечером готовая продукция и остатки сырья забираются властями. Таков порядок, которого придерживаются все гранильщики.

— Впрочем, — замечает Махмуд-хан, — этот закон нередко нарушается. Есть люди, которые тайком добывают этот драгоценный минерал, а потом где-то его гранят или тайком через контрабандистов сбывают за границу, на Запад. Законы шконами, а жизнь жизнью.

В лавках чуть не все торгуют драгоценными камнями — в обработанном виде и натуральном. Никто не спрашивает у торговца, каким образом камни очутились у него. Торговцы всегда докажут, что товар приобретен ими законно, если, конечно, кому-то придет в голову проверить лавки.

Самый сильный аргумент у торговца — бакшиш, перед которым редко кто устоит. Бакшиш — это взятка, подкуп и откуп. Как таран, бакшиш открывал двери в учреждения, помогал продвигаться по служебной лестнице, оформлять выгодные сделки.

Бакшиш может даваться деньгами, в форме движимой и недвижимой собственности. Это может быть лошадь или барашек. Таможенник, скажем, просматривая багаж приехавшего из-за рубежа афганца, не имеющего дипломатического иммунитета, мог, указав на понравившуюся ему вещь, сказать: «бакшиш» — и она немедленно становилась его собственностью. Спорить было невозможно, тем более уличить таможенника во взяточничестве — вся таможенная служба стала бы на защиту своего коллеги. И тогда нещадчивому пассажиру несдобровать.

Неудивительно, что чиновники, занявшие ту или иную должность, в течение сравнительно короткого времени обогатились — они становились собственниками домов, земель,

делали вклады в иностранные, предпочтительно швейцарские банки. Газеты приводили потрясающие примеры. Так, один чиновник, имевший отношение к выдаче лицензий на импорт тракторов из-за рубежа, заработал на бакшишах только за четыре года сумму поистине астрономическую: при его скудном жалованье за эти деньги ему нужно было бы работать не меньше 250 лет!

Но я несколько отвлекся. Подъезжаем к мастерской — типичный афганский глинобитный домик, лишь с зарешеченными окнами, выходящими во двор. Загоняя двух здоровенных овчарок в конуры, суетится старик. Стеганый полосатый халат, на голове тубетейка.

Здороваемся. Мастер предлагает отведать по чашке зеленого чая. Охотно пьем — нельзя отказать, обидится старик. Потом ведет к себе в мастерскую, небольшую комнатушку, куда проникает дневной свет из зарешеченного окошка.

Мастер выбирает из коробки небольшой камешек. Внешне он невзрачен. Увидишь такой, валяющийся на дороге, и не обратишь внимания. На изломе проступают тоненькие фиолетовые жилки. Сквозь увеличительное стекло мастер внимательно рассматривает камешек, удовлетворенно кивает головой. Теперь можно начать его гранить и шлифовать. Чтобы этот камень засиял, стал драгоценностью, надо над ним покорпеть целый день. Работа кропотливая.

В углу шлифовальный станок — довольно простое приспособление, состоящее из вала, укрепленного с помощью двух подшипников, махового колеса с одной стороны и шлифовального камня — с другой. Старик нажимает на педаль и, уже не обращая на нас никакого внимания, приступает к обработке минерала.

Вечером вновь приезжаем к мастеру. Старик открывает небольшую коробку — в ней лазуритовый кулон, напоминающий каплю длиной сантиметра в три. В таинственной синеве проступают, словно веселые искорки, золотистые вкрапления.

Интересуюсь, сколько мастер получит за работу. Тот отвечает, что заплатят примерно пятьдесят афгани — это немногим больше одного доллара.

— А какова примерно цена этого изделия в ювелирной лавке?

— Не менее полутора тысяч афгани, если, конечно, его оправить в серебро. А в золоте еще дороже.

— А сколько получил старатель, обнаруживший минерал?

— Пять афгани за корзинку, не больше.

Чувствуется, что Махмуд-хану не нравится этот разговор в присутствии полицейского сержанта. Он смотрит на свои часы.

— Нас ждет на ужин заместитель губернатора, человек довольно пунктуальный, — говорит он. — Надо торопиться.

Славящийся на весь мир афганский лазурит имеет самые различные оттенки — от индиго до светло-голубого. В древние времена он ценился дороже золота, бирюзы. «Небесным камнем» называли его, знаком «божественного происхождения». Считается, что добыча лазурита в Бадахшанском крае началась еще пять тысяч лет назад. Месторождения, расположенные в труднодоступном ущелье Сарысанг, тянущемся на десятки километров вдоль высоченных горных кряжей, дают высшие сорта лазурита. Зороастрийские жрецы придавали ему магическое значение. Буддийские монахи украшали лазуритом статуи Будды в храмах. Бадахшанский край славится также и аметистами, известными в Афганистане под названием «Лал-е-Бадахшан». Лазурит и аметист популярны в народе, и упоминание о них можно встретить в стихах поэтов Ирана и Афганистана. С давних пор ювелиры изготавливали из лазурита, размельченного в порошок, ультрамариновые краски. Они не блекнут, столетиями сохраняют цвет и свежесть.

В годы монархии добыча и реализация лазурита были монополией королевской семьи, получавшей огромные деньги.

В июне 1978 года газета «Кабул таймс» сообщила, что в доме некоего Файзуллы, проживавшего в Файзабаде, родственника бывшего губернатора провинции, служба безопасности обнаружила в обработанном виде 108 килограммов лазуритовых камней. Они были упакованы в коробки, на которых значилось: «Гончарные и бронзовые сувениры». Месяц спустя пастух в одной из заброшенных пещер под городом обнаружил около тонны лазуритовых камней в неотшлифованном виде. О своей находке он сообщил властям.

Революционное правительство Афганистана установило контроль над добычей и реализацией драгоценных камней, придавая большое значение развитию их добычи и обработки. Сбыт изделий из них не только дает прибыль государству, но, что не менее важно, позволяет увеличить занятость населения. Однако ряд месторождений лазурита и других драгоценных и полудрагоценных камней оказались в зоне действия контрреволюционных сил, добыча и обработка их резко упали.

...Вернемся в Файзабад. В соответствии с программой,

подсказанной сотрудниками министерства информации, предстояли еще поездки в долину реки Кокча, где велась добыча золота и лазурита, посещение под Файзабадом железорудного месторождения и одной деревни, славящейся производством ручных ковров. Но всему этому не суждено было осуществиться.

Приезжает ко мне в гостиницу Махмуд-хан. Вижу, он немного расстроен, держится скованно. Спрашиваю, может быть, что-нибудь стряслось дома.

— Нет, — отвечает он. — Губернатор провинции потребовал, чтобы советский корреспондент возвратился в Кабул, так как у него нет специального разрешения службы безопасности на пребывание в этих краях.

У меня было официальное письмо из министерства информации, в котором все местные власти приглашались оказывать содействие в передвижении и работе. Я отдал его Махмуд-хану. Через час он вернулся и сказал, что это письмо недействительно, ибо на нем нет подписи представителя службы безопасности. Губернатор приносит глубочайшие извинения за причиняемое мне беспокойство, выражает надежду, что это не отразится на отношениях между обеими странами, и надеется, что я не буду в обиде на местные власти.

Не скрою, мне было жалко прерывать поездку по этому краю. Но ничего не оставалось, как покинуть Файзабад. Вечером власти города дали прощальный обед в мою честь, на котором много говорилось о необходимости развития афгано-советских отношений. Многие рекомендовали воспользоваться советом губернатора, взять в Кабуле разрешение от службы безопасности и вернуться сюда опять. Все это, мол, небольшие формальности. Меня здесь будут рады видеть вдвойне. Во время обеда лишь Махмуд-хан не проронил ни слова.

На следующее утро, прощаясь со мной, он негромко сказал:

— Отъезд ваш не случаен. В местах, где мы должны были побывать, произошли антиправительственные выступления. Они без излишнего шума подавлены. Власти не хотят, чтобы об этом стало известно в зарубежной печати. Все очень просто. Но то, что я сообщил, пусть останется между нами.

Приехав в Кабул, я все же зашел в министерство информации и, как ни в чем не бывало, рассказал, что по распоряжению губернатора мне пришлось прервать интересную поездку.

— Ох уж эта наша всемогущая служба безопасности, — кричал чиновник, драматично воздев руки кверху. — Примите и наши искренние сожаления. Но раз так случилось, не спорчайтесь, поедете туда в другой раз. Для того чтобы избежать неприятности, я приглашаю вас в Каргу, на озеро. Там великолепный ресторан. Угостим таким шашлыком, что век не забудете.

... Нуристан, край высоких гор, низвергающихся водопадов, цветущих долин и непроходимых лесов, овеян легендами. «Затерянная страна», «Загадочная страна», «Сказочная страна» — как только ни называют туристические путеводители этот край, расположенный на юго-востоке Афганистана.

Попасть туда не так-то легко. Цепь обледенелых вершин Центрального Гиндукуша отгородила Нуристан от остальной части страны. Лишь весной и летом сюда можно добраться по караванным тропам и ненадежным шоссейным дорогам, которые с наступлением осенней непогоды заваливают снегом и каменные осыпи.

В планах правительства страны — соединить Нуристан с другими районами надежной автодорожной связью, которая действовала бы в любое время года, независимо от капризов природы.

Край этот нередко называют «Кладовая Афганистана». Да, недра его богаты полезными ископаемыми. Тут есть серебро, золото и рубины, бокситы и медная руда. Богат он и лесом. Склоны и долины покрыты дубами, кедрами, орешником. Справочники не преувеличивают, когда отмечают, что здесь сосредоточены почти все лесные запасы страны. А горные реки таят в себе неисчислимы ресурсы электроэнергии.

Считается, что в этом крае проживает более полумиллиона человек. По внешнему виду нуристанцы заметно отличаются от основной массы афганцев. В большинстве своем это светлые шатены с голубыми глазами. У них крупные заостренные черты лица, тонкие прямые носы, гордая посадка головы. Держатся они с чувством собственного достоинства, неторопливы в движениях.

Точное происхождение населяющих Нуристан нескольких небольших народов, говорящих на дардских языках (входящих в индоевропейскую семью языков), не установлено. Сами же они считают себя потомками воинов Александра Македонского, совершавшего походы в Индию через Афганистан. Полководец, гласит версия, оставлял на пути следования охранные гарнизоны, солдаты которых после его смерти не смогли вернуться на родину и поселились на юж-

ных отрогах Гиндукуша вплоть до Свата и Читрала, пограничных районов нынешнего Пакистана. Пакистанские ученые, с которыми мне приходилось встречаться в Карачи, Лахоре и Пешаваре, отстаивают эту версию.

На протяжении многих веков горы помогали нуристанцам отбиваться от набегов Чингисхана и Тимура, войск Бабура и афганских эмиров. Нуристанцы отважные воины. В десять лет мальчики уже метко стреляют из лука и ружья, ловко владеют саблей и пикой, прочно держатся в седле. Несмываемым позором считаются трусость и малодушие. Воин должен сражаться до последних сил, умереть, но не сдаться в плен. Большим почетом пользуются воины, проявившие себя в бою.

К пленным отношение нуристанцев было в общем гуманное. Их использовали на полевых работах, строительстве арыков и мостов. С годами они ассимилировались с местным населением, обретали те же права, что и нуристанцы.

По мнению афганских и других исследователей, пленники дали толчок развитию таких отраслей, как плотницкое и гончарное дело, чеканка по металлу. В Нуристане издавна почиталась художественная резьба по дереву. В Кабульском историческом музее я видел выточенные из дерева почти в натуральную величину фигуры всадника, девушки, несущей кувшин на голове, мальчика, играющего с собакой.

Кафиристан — «Страна неверных» — так афганские завоеватели еще в конце XIX века называли этот край, жители которого поклонялись идолам, солнцу и ветрам. Силой оружия эмиру Абдуррахману в конце XIX века удалось сломить сопротивление мужественных горцев, а затем обратить их в ислам. После этого край стал называться Нуристаном — «Страной света».

Стремясь упрочить свою власть в этих местах, Абдуррахман стал привлекать на военную и государственную службу выходцев из родовитых нуристанских семей. Юношей брали служить в гвардию эмира, которая была привилегированной частью армии.

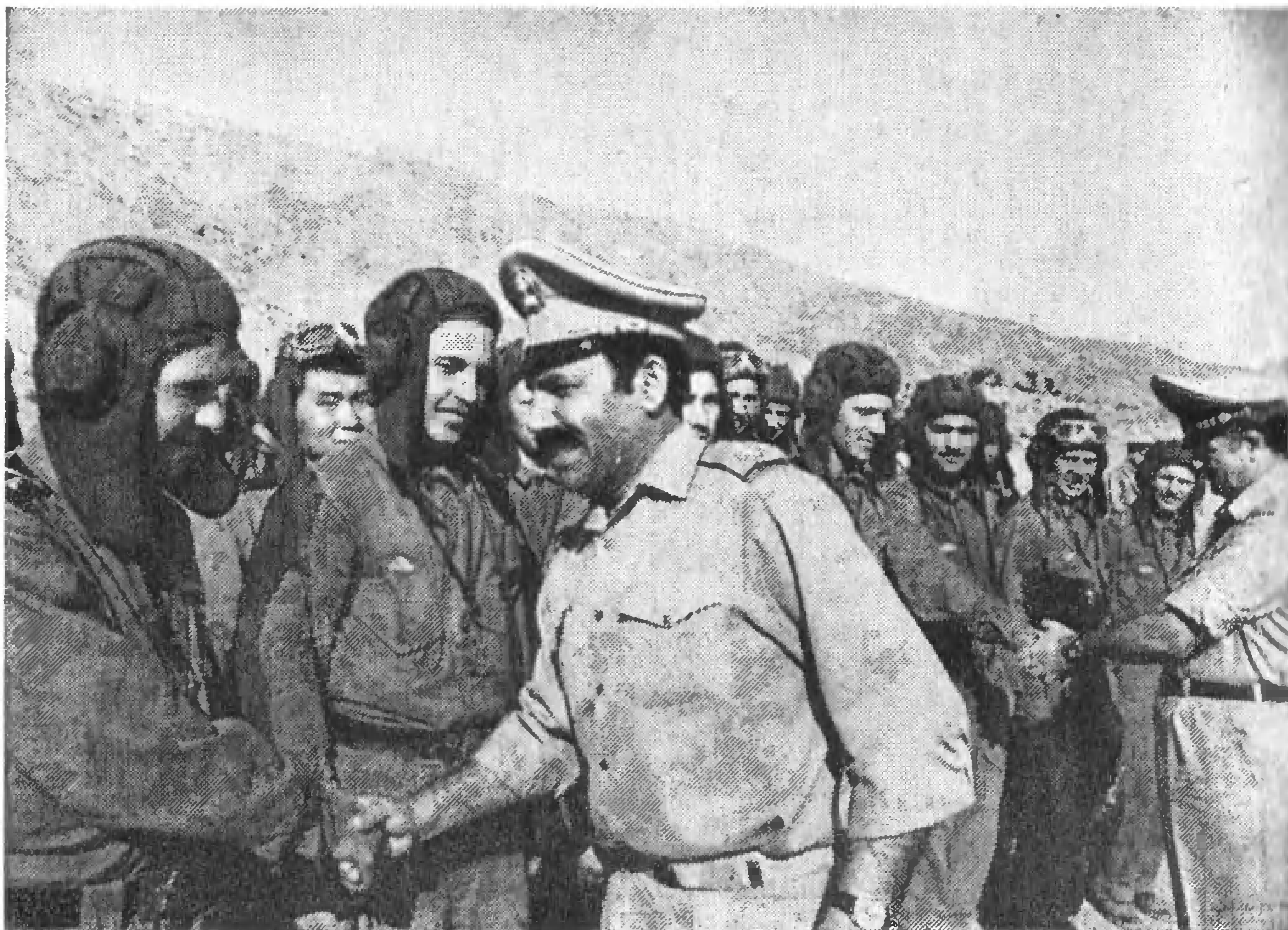
Приняв ислам, нуристанцы все же сохранили многие свои обычаи, традиции и обряды. Женщины не закрывают лицо чадрой. Ранние браки, считающиеся нормальным явлением среди других народностей страны, у них не поощряются. Девушка вступает в брак не ранее 20 лет, а мужчина — 25. Решение о браке принимается при условии обоюдного согласия молодых. Свадьбы, как правило, играют осенью, когда собран урожай. Приглашенные состязаются в игре на барабане и щипковых инструментах, слагают куплеты в честь

Афганская мадонна

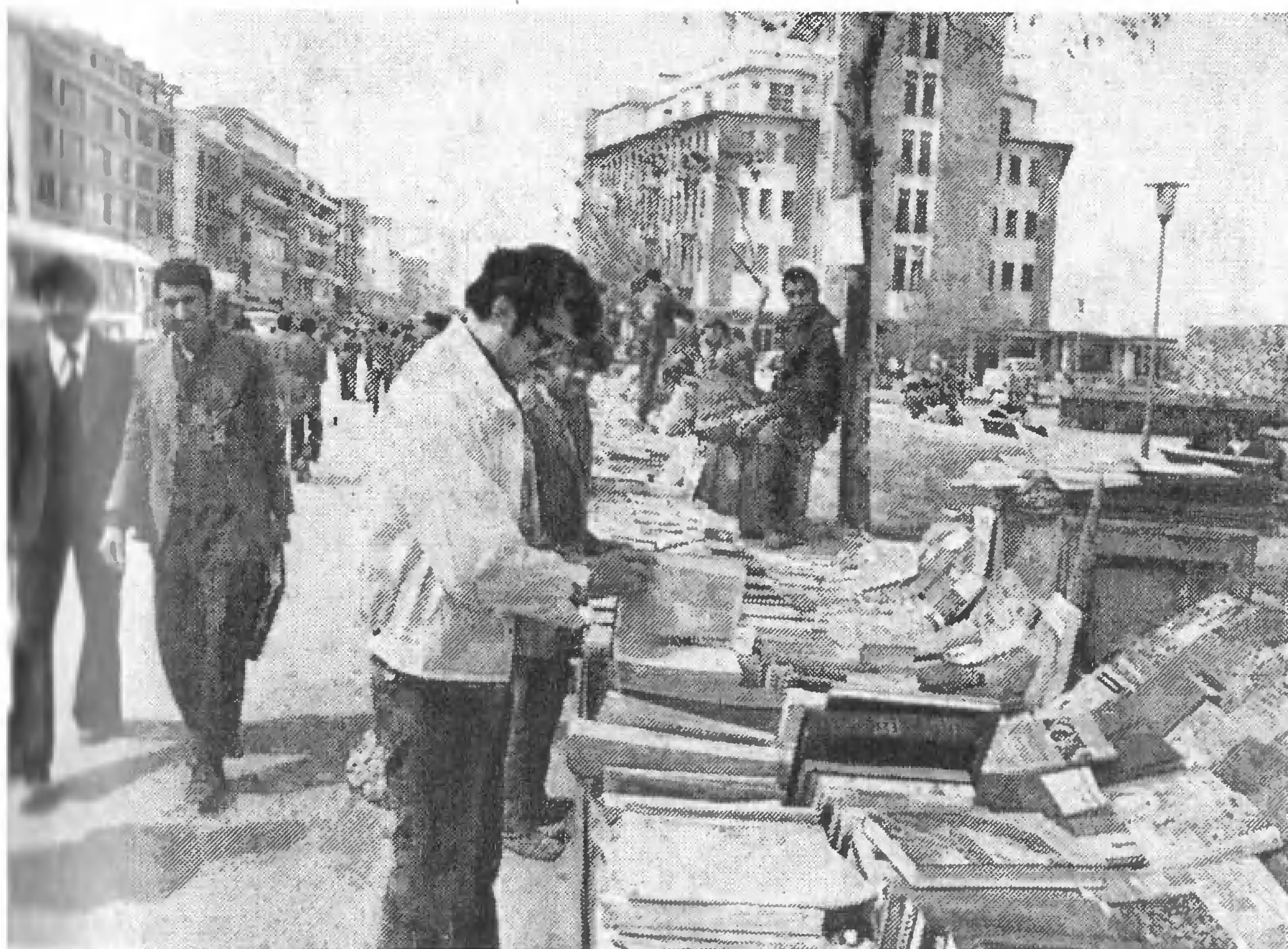

Проводы советских воинов-интернационалистов

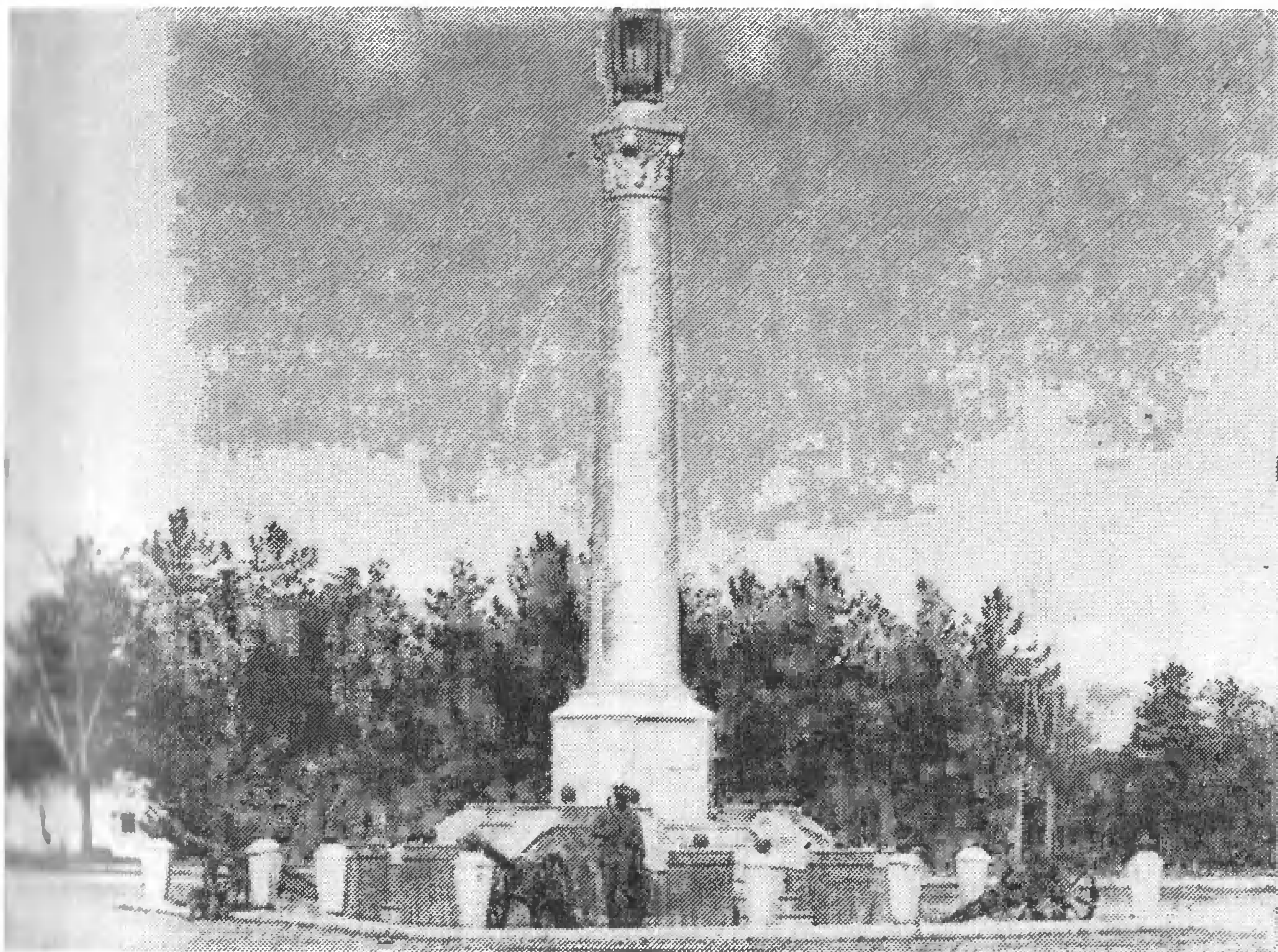
Мечеть Шахе-дошамшире в Кабуле

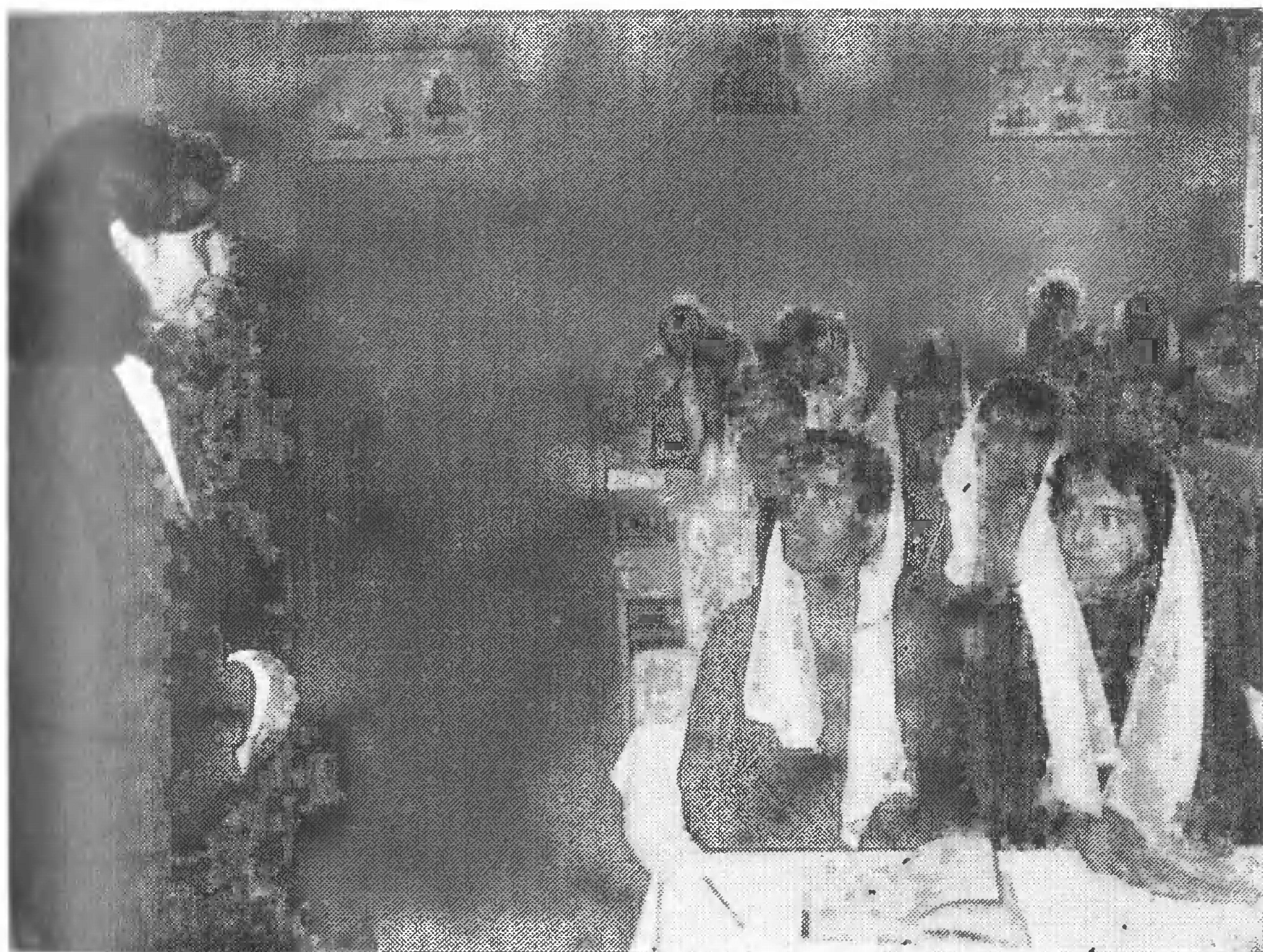
На книжном развале можно найти и новинки,
и бумажнистические издания

В механическом цехе Домостроительного комбината. Кабул

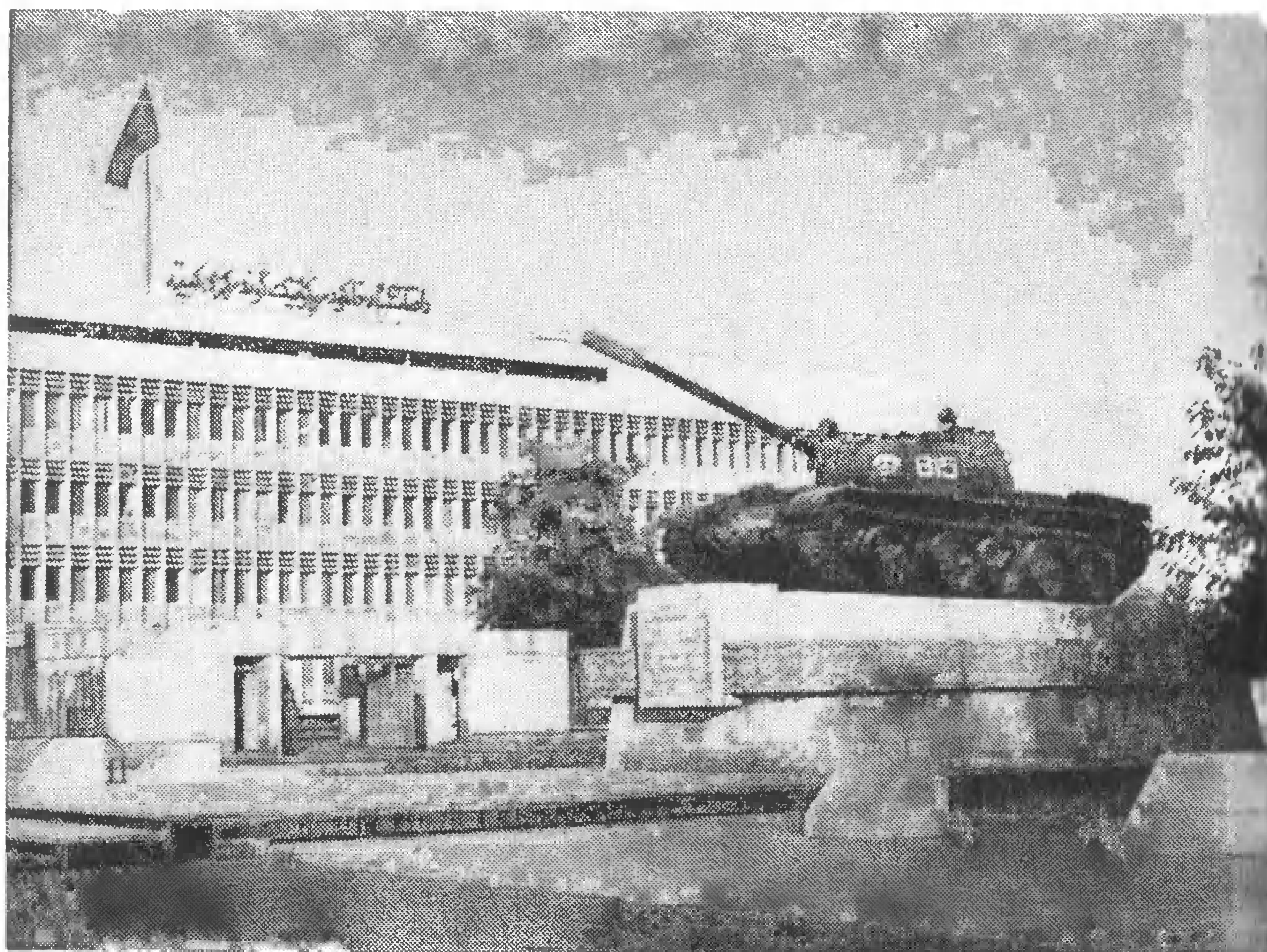
Колонна независимости, воздвигнутая в ознаменование победы над английскими войсками в 1919 году. Кабул

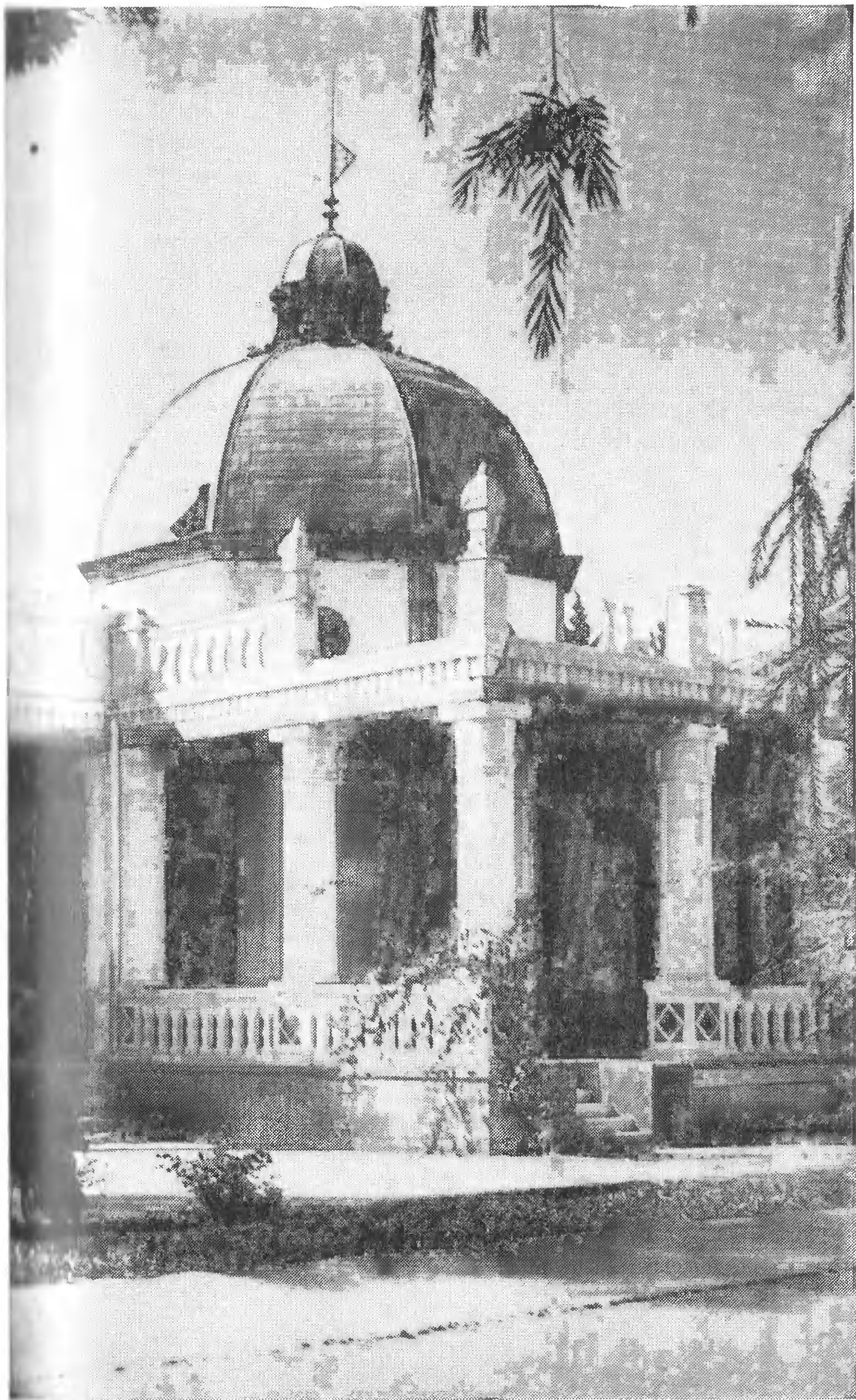
На занятиях в женском лицее

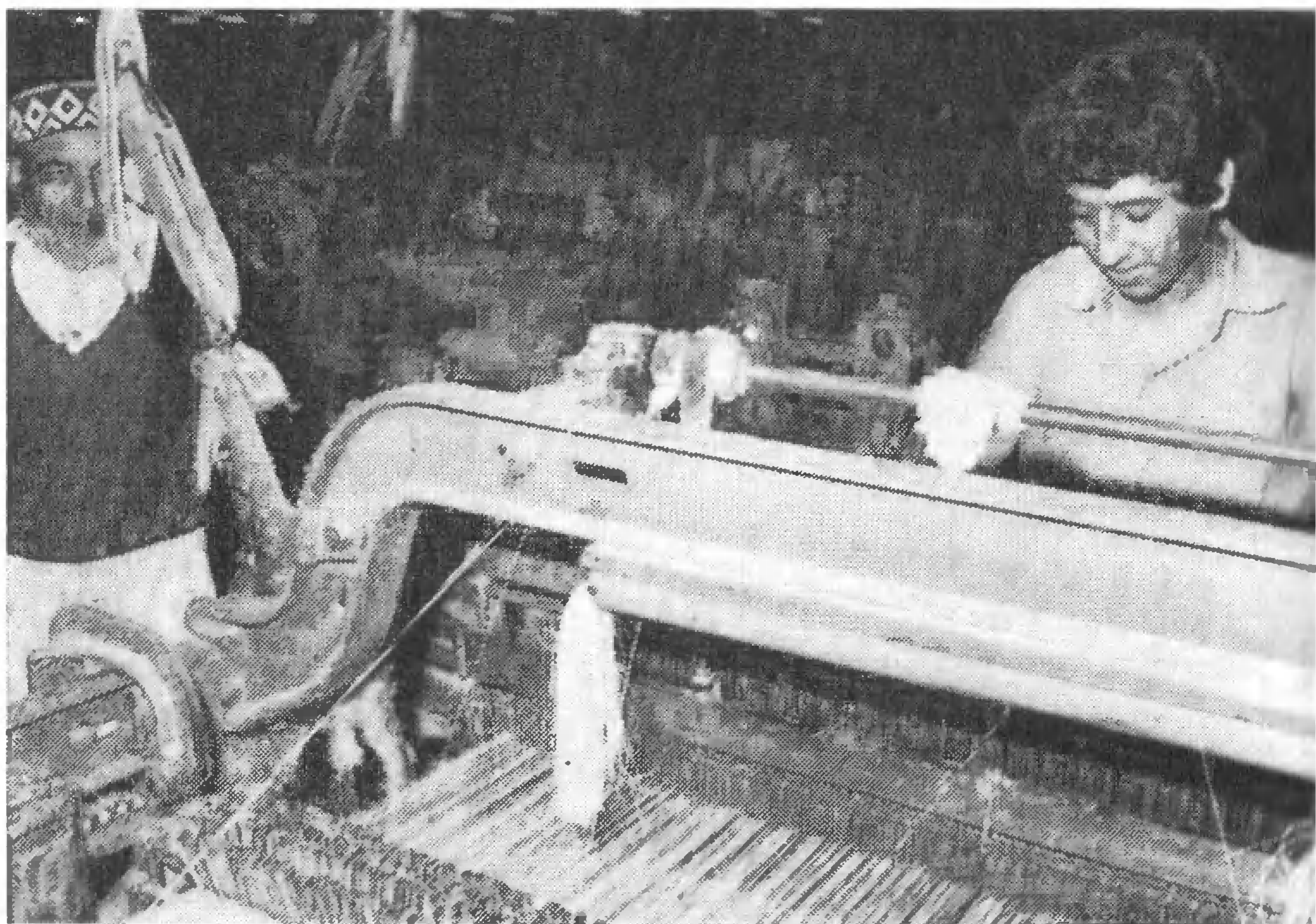
В читальном зале Кабульского университета

Танк — память Апрельской революции. Кабул

Мавзолей Амануиллы-хана Джелалабад

На текстильной фабрике. Кабул

Бродячий музыкант

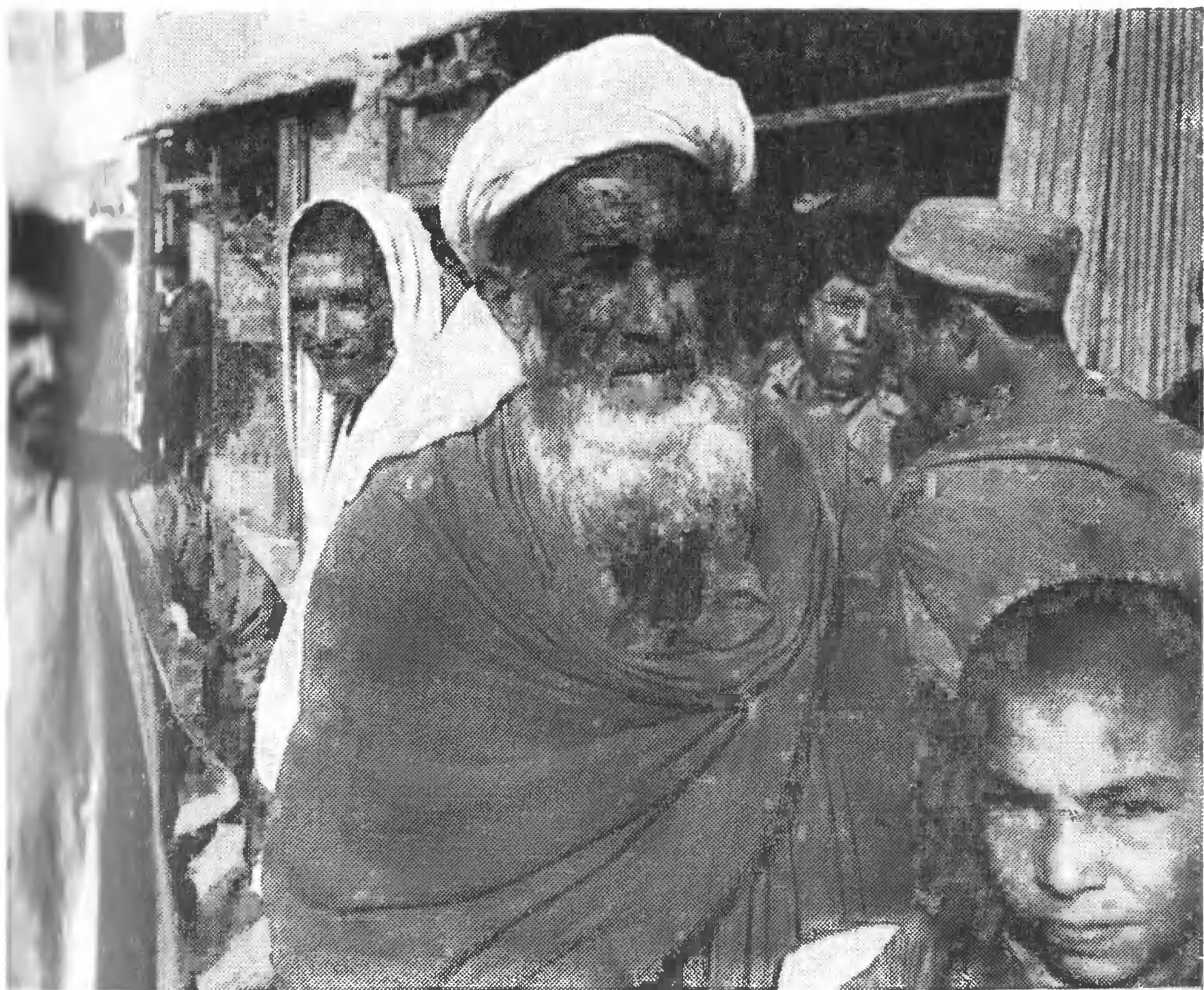
Машинный фотограф

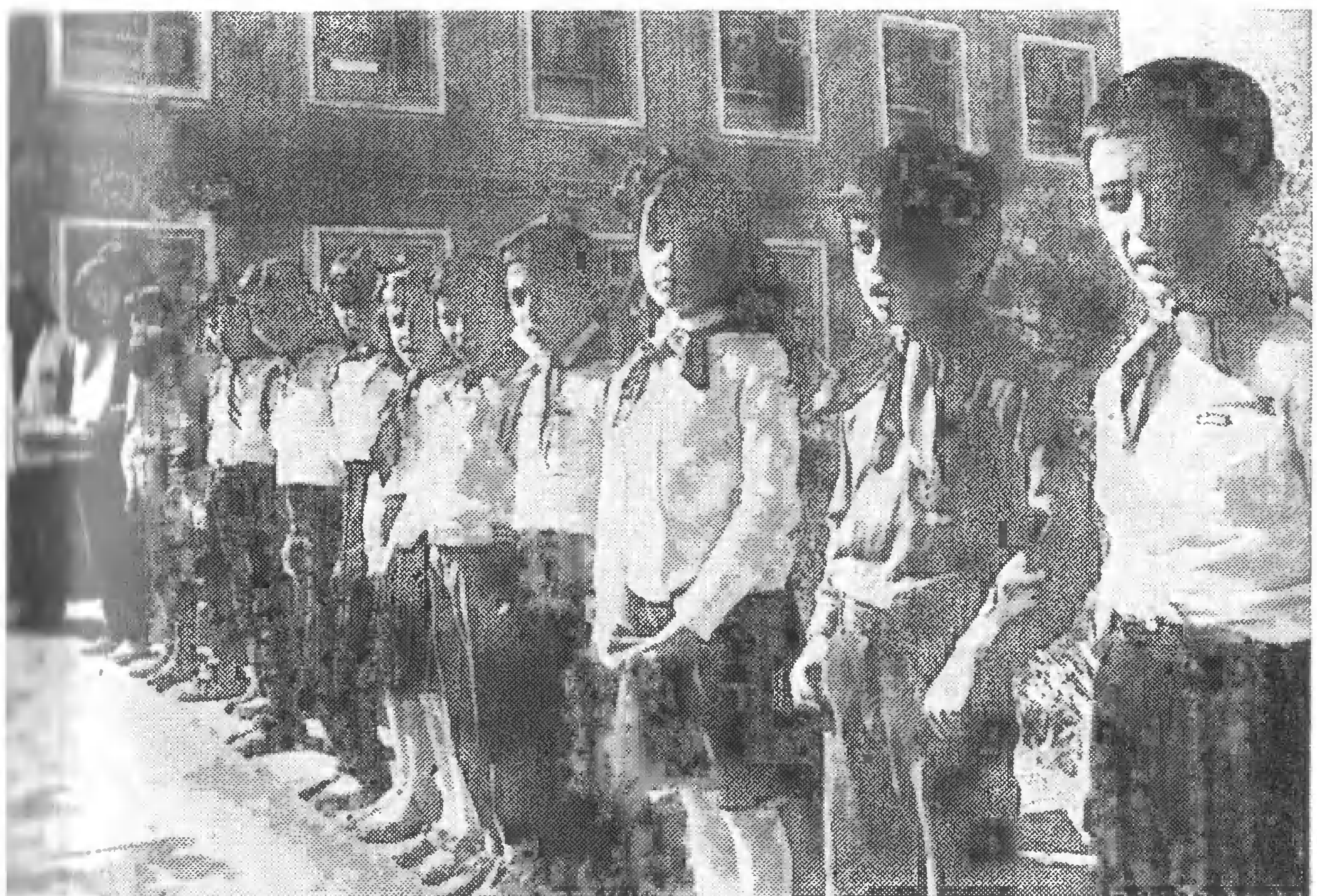
В город, на базар

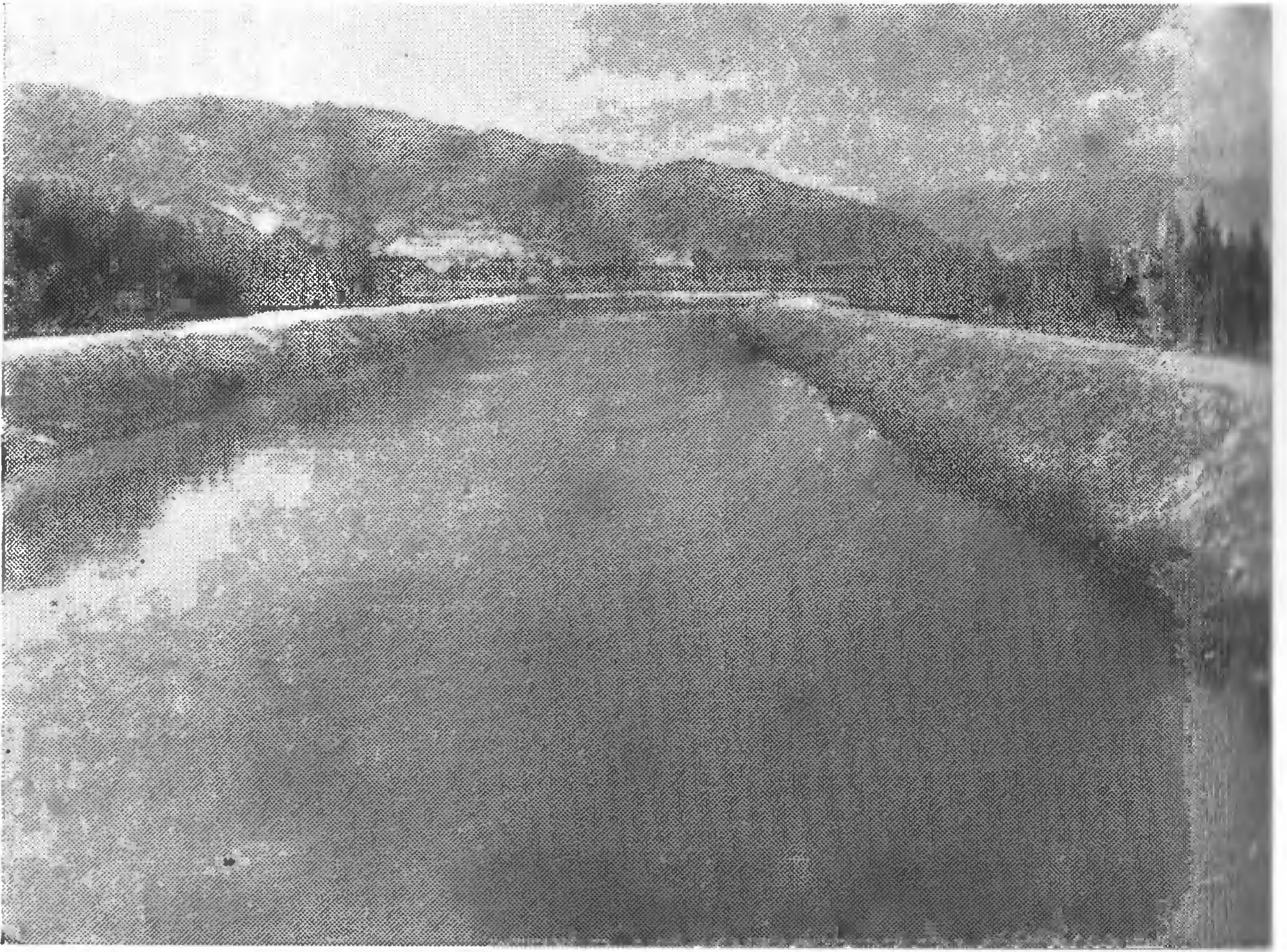
Этот мастер делает барабаны,
без которых не обходится ни одно торжество

Старейшина племени африди

Будущее страны

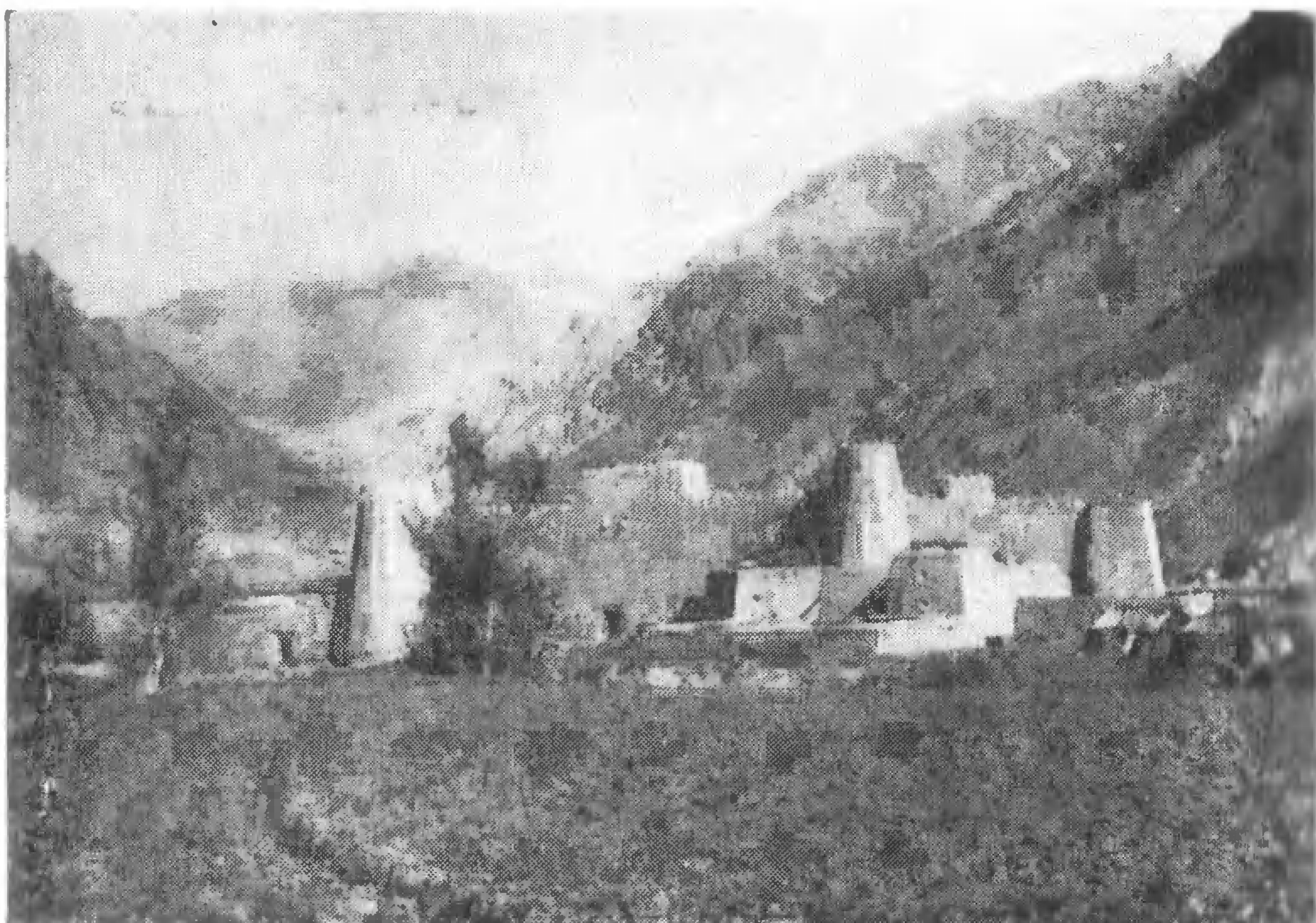
Один из участков Джелалабадской оросительной системы.
Раньше здесь была пустыня

Врачи Национального госпиталя. Кабул

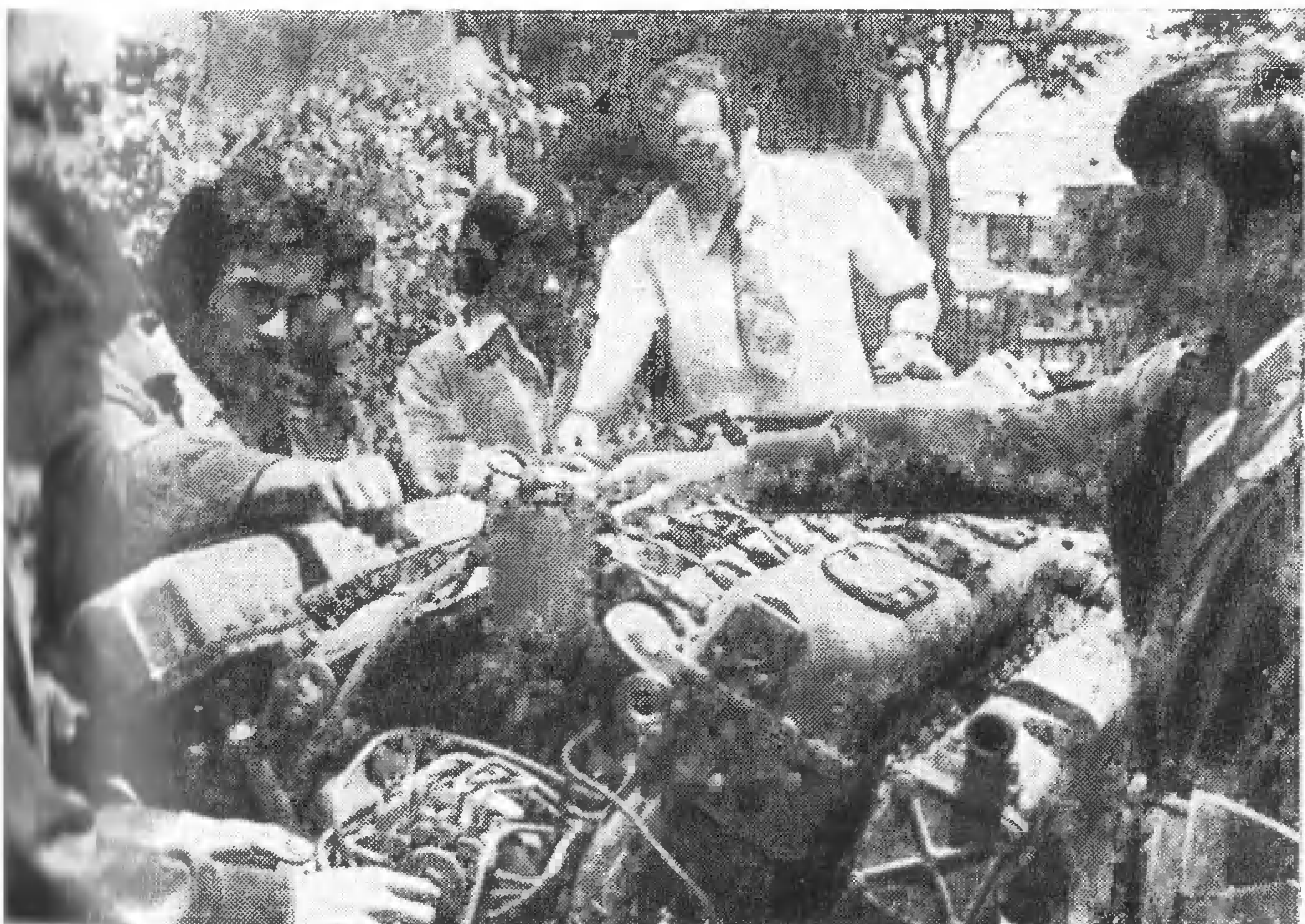
Солдат революции

Дом-крепость состоятельного землевладельца.
Нангархарская провинция

И такой вид транспорта можно увидеть в столице

Советский специалист обучает механизаторов
машинно-тракторной станции в районе Балха

Студентки Кабульского политехнического института

Чеканщик по меди

новобрачных. Жених должен показать свое умение в каком-нибудь виде сельскохозяйственных работ, а невеста — в конроткачестве.

Традиционного калыма — выкупа за невесту — не существует. Молодые обмениваются лишь подарками, которые призваны прежде всего демонстрировать любовь и уважение, верность обеих сторон супружеским узам. По договоренности, расходы на свадьбу делят поровну родители и родственники молодых.

Жена имеет право на развод. Избивать жену всегда считалось недостойным поступком для мужчины. Если случалось, что муж убивал свою жену, то он с позором изгонялся из селения. По решению старейшин он мог быть приговорен и к смерти. Этот приговор исполнялся родственниками со стороны мужа, чтобы не допустить возможности возникновения кровной мести. Если причиной распада семьи был муж, то дети оставались у матери. Разведенная женщина могла второй раз выйти замуж, но только не в своей деревне.

Кровная месть у нуристанцев не носит обычно столь тяжкого характера, как в других районах Афганистана. При желании виновник убийства или другого тяжкого преступления может откупиться. Но такой проступок, как надругательство над женщиной или убийство малолетнего ребенка, мог быть смыт только кровью.

Мне рассказывали такой случай, происшедший еще в дни монархического правления. Один джелалабадский торговец изнасиловал нуристанскую девушку. Отец пострадавшей с помощью своих друзей и знакомых, тоже нуристанцев, поймал торговца и увез его в горы. Там его казнили. Это не вызвало возмущения в городе. Люди рассуждали примерно так: наказание заслуженное, урок и другим.

...Побывать в одной из типичных нуристанских деревень мне помог случай. Прилетев в августе 1970 года в Кабул, я пошел в министерство информации и в разговоре посетовал на то, что сколько ни приезжаю в Афганистан, в Нуристане не доводилось побывать. Чиновник, разговаривавший со мной, неожиданно сказал, что через несколько дней в одну нуристанскую деревню вертолетом направляется группа афганцев по делам, связанным с размещением там заказа на большую партию резных сувенирных изделий. Он предложил присоединиться, посоветовал своевременно выехать в Джелалабад.

Ранним утром вертолет поднялся с джелалабадского аэродрома и взял курс на восток. Внизу поплыли плантации

Нангархарского ирригационного комплекса, фруктовые сады. Вскоре все это сменилось песчаными барханами, вертолет стал углубляться в каменные ущелья. Внизу катились воды бурных речушек.

Полет был не из легких, но пилот Акбар, выпускник одного из советских авиационных училищ, с идеальной точностью вел машину. Временами на пути вставала скала, и тогда, отвернув от нее, вертолет шел по каменному коридору, ширина которого иногда не превышала 30—40 метров. Как на экране мелькали то водопады, то зеленые пастбища с пасущимися на них отарами овец, то сосновый бор, поднимавшийся почти до заснеженных вершин. И совершенно изумительное зрелище открылось перед глазами, когда вертолет, выскочив из каменного мешка, завис над громадной чашей долины.

Поля террасами поднимались по склонам, переходя в лесные заросли. В трех местах этой чаши, словно птичьи гнезда, приютились деревушки. В каждой из них не более тридцати строений. К одной из них, той, которая находилась в глубине долины, направился вертолет, вспугнув стадо коров. Через несколько минут вертолет коснулся зеленой площадки. К машине, размахивая руками, бежала ватага ребят.

Мы вышли из кабины, поеживаясь от свежего ветра, дувшего с гор. Подбежавшая детвора сообщила нам, что за ними идет сам староста со своими помощниками. Действительно, через несколько минут из тополиной рощи, примыкавшей к площадке, показался величественного вида бородатый старик, опирающийся на массивную палку.

На голове старосты красовалась суконная, напоминающая блин шапочка. Поверх серой домотканой рубахи, спускавшейся ниже колен, была наброшена дубленая, вышитая бисером куртка без рукавов. На левом боку болтался большой пистолет в кобуре. Темные шаровары, сужавшиеся книзу, заправлены в мягкие коричневые полусапожки. Примерно так же были одеты и сопровождавшие его люди, в основном пожилого возраста. Они почтительно встали позади старосты, прижав руки к груди.

— С приездом, уважаемые гости, почувствуйте себя как дома, — сказал староста.

Подойдя ко мне, он спросил у моих спутников, из какой я страны. Те ответили.

— Я не раз бывал в Джелалабаде и встречался с русскими инженерами, которые работают на электростанции, — заметил он. — Это очень хорошие люди.

Он повернулся к своим сопровождающим и слегка хлопнул в ладоши. Шеренга расступилась, из нее вышли два человека. В руках одного был поднос с высокими глиняными кружками, другой держал большой кувшин, напоминавший древнегреческую амфору. Не спеша, он стал разливать по кружкам густой красноватый напиток, источавший смешанный запах виноградного сока и меда.

Это было обыкновенное легкое терпкое виноградное вино. По Корану, употребление спиртного, произведенного из виноградной лозы, грех. Здесь же, в нуристанских деревнях, где вино производится веками, пить вино не считается грехом, без него не обходился ни один праздник. Зимой, когда наступают холода, вино подается лишь мужчинам после работы. До наступления совершеннолетия юношам вино пить запрещено.

Староста проявлял к нам все новые знаки внимания. По его жесту сопровождающие подали паланкины. То были несколько плетеных стульев, к ножкам которых, как лыжи, были прикреплены перекладины. Я, естественно, отказался от такого средства передвижения, сославшись, чтобы не обидеть старосту, на то, что в мои годы надо ходить больше пешком. То же самое сделали и мои спутники.

Наконец мы тронулись в путь. Впереди шел староста, за ним — мы, а следом — все остальные. Миновали рощу и вышли к бурной реке, через которую был переброшен мост из нескольких положенных в ряд толстых бревен, опирающихся на выступы двух скал. С одной стороны шли поручни. Сооружение было надежное, приспособленное для проезда лошадей в упряжке. Староста гордился мостом, построенным жителями всех трех деревень долины.

— Теперь, — сказал он, — можно быстрее добраться до Джелалабада.

— Сколько же сейчас уходит на дорогу? — задал я вопрос.

— Шесть дней, — последовал ответ, — если ехать лошадьми или ослами. Обычно же наши люди идут через перевал в другую долину, из которой есть дорога на Джелалабад. Летом по ней ходят грузовики. Но чтобы добраться до этой дороги, надо потратить не менее трех дней.

Все же эта деревня считается одной из наиболее доступных благодаря вертолету, который летит до города примерно час. А сколько нужно потратить времени, чтобы добраться до глубинных районов, закрытых высокими горами, куда не может долететь вертолет!

Войдя в деревню, а эта была цепь домов, подковой выгнувшаяся вдоль пологих гор, на склонах которых терра-

сами расположились поля, виноградники и фруктовые сады, я не увидел традиционных глиняных дувалов. На единственную улицу лицевой стороной выходили дома с окнами и дверями. Дома, сооруженные на высоком каменном фундаменте, были в основном деревянные одноэтажные с плоскими крышами. По другую сторону улицы расположились загоны для скота. Сейчас они пустовали. Скот пасся на пастбищах, где в это время года еще достаточно сочных трав.

Мы подошли к мечети, подлинному произведению искусства. Вся наружная деревянная часть была резная. Во всю дверь вырезан воин с луком в руках, за поясом у него колчан со стрелами. Воин попирал тела поверженных врагов. По наличникам шел затейливый орнамент.

Поразил минарет. Площадка, с которой муэдзин зовет правоверных совершить намаз, была окружена небольшими колоннами, по которым шла винтообразная линия глубокого паза, заканчивающаяся пилястрами. Купол мечети тоже был из дерева, покрытого голубой краской. В архитектурном стиле мечети мало было от мусульманского зодчества, которое запрещает изображение человека. Муэдзин, который пять раз в день поднимается на минарет, не усматривал ничего греховного в том, что стена мечети украшена изображением человеческой фигуры.

Музейными экспонатами казались и дома в деревне. Снаружи все было покрыто резьбой. На наличниках — изображения цветов, диковинных птиц и зверей. Крыльцо дома старосты украшали два лежащих льва со вздыбленными гривами. Еще более поразила комната, в которую пригласил нас староста.

Глухая стена представляла собой картину. На ней изображалась сцена из охотничьей жизни. Двое охотников, похожих на греческих воинов, несут убитого барса. Сбоку женщина в костюме амазонки верхом на испуганно пятающейся лошади. На противоположной стене между двух окон вырезана танцующая девушка с распущенными по плечам волосами.

Староста сказал, что эта резьба сделана его братом вместе с одним родственником из соседней деревни. Брат, отметил он с сожалением, уехал в Пакистан и открыл в Пешаваре мастерскую художественной резьбы по дереву. Большие деньги зарабатывает, купил там дом и уже съездил в Англию.

Нельзя было не обратить внимания и на стол, стоявший в углу комнаты. На резной крышке стола был изобра-

жен орел, раскинувший крылья в полете. Ножки стола напоминали звериные лапы с когтями.

— Цены этим работам нет, — сказал один из моих спутников.

Резные украшения покрывали внутренние стены комнат и в других домах, даже не таких зажиточных, как у старосты. И все это сделано руками тех, кто там жил.

Обедали мы во дворе, в беседке, обвитой диким виноградом. Всего вместе с нами за стол село двенадцать человек. Хозяин пригласил соседей и даже друзей из ближней деревни, находящейся на противоположной стороне долины. Казалось, что она рядом. А моему соседу, жителю этой деревни, пришлось затратить на дорогу более половины дня, пробираться через буреломы, обходить скалы, спускаться и подниматься по каменистым тропам.

— Сколько вы дадите лет своему соседу? — спросил меня один из моих джелалабадских спутников.

— Лет 55—60 от силы, — ответил я.

— Ошибаетесь. Ему на днях исполнилось 75 лет. Представьте себе, два года назад он еще раз женился. Его новая жена, сорокалетняя женщина, подарила ему сына. Так что он счастливый отец. Вот что такое нуристанский климат, вот что значит пешком передвигаться по этим горам.

Нуристан славится своими долгожителями, крепкими стариками, сохраняющими острое зрение и хорошие зубы до смерти и не знающими сердечно-сосудистых заболеваний.

Женщин за столом не было. Они подавали на стол, выказывая глубокое уважение к сидящим, сохраняя при этом достоинство. Одеты они были нарядно, в сшитые в талию длинные домотканые цветные платья. На шее — ожерелья, кулоны, пальцы унизаны золотыми кольцами. Волосы, собранные в пучок, украшал инкрустированный костяной гребень.

Вначале на стол поставили кувшин. Хозяин, видимо, чтобы успокоить моих спутников, заявил, что это чистый виноградный сок. Затем подали головку брынзы и головку домашнего сыра, в каждой этак килограмма по четыре. Потом на столе появилась поджаренная баранья туша с дюжиной воткнутых в нее кинжалов. Гарнир состоял из обжаренных в масле картофелин, рассыпчатого риса, зеленой фасоли и бобов, нарезанных дольками огурцов и помидоров, приправленных перцем. Мне как иностранцу дали вилку и нож, а все остальные, как здесь принято, ели руками, обмывая временами пальцы водой, подаваемой в медных тазиках.

Потом пили зеленый чай из фаянсовых пиал, в которые он разливался небольшими порциями, на один-два глотка. Угостили нас и бескосточковым виноградом. Гостеприимству старосты не было предела. Моим спутникам надо было поговорить со старостой, а мне предложили немного отдохнуть на террасе. Она выходила в сторону холма, поросшего ясенем и какими-то кустами, между которых низвергался водопад. Я заметил, что в месте падения от него тянулись в несколько рядов деревянные желоба. Один из желобов подходил к дому старосты. Это был своеобразный водопровод с постоянно свежей водой. Ответвления шли в громадную кадку, водруженную на плоскую крышу сарая и к загону для скота. Излишняя вода скатывалась в арык, который бежал к фруктовому саду.

Примерно через час староста предложил пройтись по деревне. Да, в гостеприимстве нуристанцам не откажешь. Едва мы входили в какой-нибудь дом, как хозяин предлагал отведать или вина, или кислого молока, или фруктов, или зеленого чая. Возле каждого дома лежали бревна и чурки — заготовки для резьбы. Мне сказали, что деревня третий год получает заказы на изготовление статуэток и скульптур из Джелалабада и Кабула.

Нам показали мальчугана, который выпиливал из громадного орехового комля фигуру старушки с вязанкой хвороста на спине. Его сверстник вырезал на доске в профиль изображение девушки с козленком. Потом мы увидели картину, где была показана схватка юноши с волком.

Я попытался было выяснить для себя, за какую сумму эти произведения продают нуристанцы. Спутники засмеялись: — Коммерческая тайна.

Незадолго до падения режима Дауда западные дельцы договорились о предоставлении им права размещения заказов в Нуристане и вывоза продукции без таможенного досмотра. Предполагалось также вывезти деревянные дома одной деревни, представлявшие художественную ценность.

По решению революционного правительства в Кабуле было открыто специальное училище, где за счет государства талантливая нуристанская молодежь получала образование, совершенствовалась в искусстве резьбы по дереву.

И еще. В Академии наук Афганистана разрабатывается письменность для народов Нуристана. Была налажена регулярная вертолетная связь центра с отдаленными районами Нуристана. К сожалению, «необъявленная война», развязанная против Афганистана, стала тормозом для успешного осуществления преобразований в этом районе.

...Помню, как-то утром в моем номере раздался телефонный звонок. Это было еще в дни монархии. Звонил Александр Облов, представлявший тогда Союз советских обществ дружбы. Он сказал, что завтра в Кундуз едут наши специалисты. Машина пойдет кружным путем и на день-два задержится в долине Бамиан. Они хотят ознакомиться с сохранившимся до наших дней вырубленным в скалах буддийским пещерным монастырем.

Это одно из чудес света. Особенностью этого подземного города являются две гигантские каменные статуи в глубоких нишах. Высота одной 37, другой — 55 метров. Весь этот грандиозный комплекс складывался в I—VII веках нашей эры. Впоследствии завоеватели пытались его уничтожить, но так и не смогли.

Переночевав в уютном отеле для иностранных туристов в поселке Горбанд, приютившемся на западных отрогах Гиндукуша, мы ранним утром преодолели перевал, окутанный облаками, и спустились в Бамианскую долину. С перевала открылся вид на серые глинобитные хижины, с подступившими к ним полями и рощами желтеющих деревьев. С далеких снежных вершин веяло прохладой. Долина расположена на высоте более двух тысяч метров. По ночам здесь бывает довольно холодно даже летом.

Через несколько минут подъезжаем к конторе туристического бюро. Оно разместилось в каменном здании музея, выстроенном в готическом стиле. В коридоре на тумбочках и стеллажах стоят небольшие статуэтки Будды. На стене фотокопии фресок и украшений, обнаруженных в монастыре, реклама, призывающая посетить достопримечательности долины — руины Голгола и Шахри Зокак — крепостей, разрушенных во время нашествия орд Чингисхана.

Нас встречает Пир Мамад, представитель туристического бюро, и приглашает в подземный город. Огромный песочно-бурый обрыв протянулся вдоль долины. Хазарейцы в цветастых халатах на вате предлагают себя в гиды для экскурсии по подземелью. Тут же вертятся их детишки, большей частью босые и замызганные, суют туристам открытки с видами, высеченные из камня статуэтки, старинные пистолеты, всякие безделушки.

Чтобы рассмотреть знаменитые каменные колоссы, надо немного отойти назад. К тому же они стоят не рядом, а на расстоянии почти в полкилометра друг от друга. Полевой бинокль, взятый Пир Мамадом, помогает рассмотреть статуя. Над головой самого большого Будды видна арка с медальоном, выполненным в древнеиндийской манере. Гран-

диозность этих скульптур внушала паломникам почтение и трепет.

Фигуры Будды сильно попорчены. Мусульманские завоеватели, не признававшие изображения человека, прежде всего стремились изуродовать лицо статуй. На статуях сохранились одеяния. Это типичные древнегреческие хитоны, свидетельствующие об огромном влиянии эллинизма на искусство и быт буддийского центра, существовавшего в этих местах.

Весь склон отвесной скалы унизан нишами, уходящими в глубь породы и напоминающими пчелиные соты. Спотыкаясь на ступеньках стертой каменной лестницы, мы поднимаемся вслед за туристами в одну из пещер, а затем двигаемся по узкому длинному коридору. Под сводами гулко отдаются шаги, разговоры туристов. И вдруг совершенно неожиданно мы оказываемся в громадном подземном зале. Дышится свободно, здесь неплохая вентиляция, сохранившаяся с времен, когда в этих подземельях жили монахи.

Электрические фонари обшаривают своды и стены. Они покрыты толстым слоем копоти от костров, которые здесь разводили те люди, что сменили буддийских монахов, от факелов, с которыми приходят сюда туристы. Экскурсовод и Пир Мамад начинают тряпками протирать некоторые части стен и свода: глазам предстают фрески с остатками позолоты и красной краски, барельефы.

Кто-то из туристов нагибается и берет в руки небольшую статуэтку Будды, выпавшую из ниши. На нее направляется свет фонаря — она покрыта сохшейся грязью, цела и невредима. Пир Мамад тут же забирает ее, говоря, что она пополнит экспонаты Кабульского исторического музея, где имеется раздел, посвященный Бамиану. К тому же древности не подлежат вывозу из страны.

— Какие исторические ценности гибнут, — вздыхает чиновник и добавляет: — Правительство взяло под охрану этот памятник прошлого. Но силами одного только Афганистана сохранить его в надлежащем виде, а тем более провести реставрационные работы — невозможно. Требуются колоссальные средства. Однако мы не в состоянии даже построить более или менее приличные отели в долине, хотя с развитием иностранного туризма они быстро окупилась бы.

Часа через полтора темными лабиринтами мы выходим из подземного города метрах в двухстах от того места, где входили. Рядом в стене тоже ниши самых различных размеров и форм, из которых тянутся струйки дыма. Здесь живут люди уже XX века. Это их жилища. Из пещер раздаются женские

голоса и плач детей. Нет-нет да появится женское лицо и моментально исчезнет.

Пир Мамад говорит о чем-то с пожилым хазарейцем. Традиционный халат, на голове коричневая чалма. Армейские ботинки завершают его наряд. Хазареец почтительно слушает и начинает одобрительно кивать головой.

— Любезный хозяин — его зовут Али — приглашает в гости, — говорит Пир Мамад, обращаясь к нам.

Идем в узкий проход. Своды тоже в копоти. Попадаем в небольшую пещеру, которая, видимо, в прошлом была монашеской кельей. У стены полыхает разведенный костер. Тут же большой самовар и закопченный котел для приготовления пищи. В комнате стоит терпкий запах кизяка и травы. Дым уходит через небольшое отверстие в потолке.

— Обратите внимание на это, — говорит Пир Мамад, указывая на свод.

Там действительно музейное чудо. Потрескавшаяся золотистая роспись. Это голова Бодисатвы. Отсвет пламени играет на задумчивом лице, придавая ему выражение таинственности.

Али зажигает переносную керосиновую лампу и приглашает пройти в следующую комнату. На полу расстелена войлочная кошма, на ней подушки. В углу кипит большой медный самовар. Хозяин просит расположиться на кошме. Угощает зеленым чаем, засахаренными орешками, изюмом, курагой. Узнаем, что Али и его младший сын в дни туристического сезона работают гидами, водят туристов по подземным галереям, на многие километры пробитым в скальной породе. Они безошибочно определяют расположение множества пещер, свободно ориентируются в бесчисленных переходах.

Эта семья относится к числу довольно состоятельных. Как-никак, а у нее собственная лошадь, которую они предоставляют туристам для поездки по долине. У них есть и земельный надел, где они выращивают немного пшеницы и овощи. А есть такие, у которых все богатство — старый халат. Семье помогает старший сын, вот уже более года работающий на газопромыслах под Шиберганом.

— Сын приезжал на днях домой и много рассказывал о советских специалистах. Они очень хорошо относятся к нашим рабочим, помогают им, не бьют и не штрафуют. Вот почему, — обращается ко мне хозяин, — вы мой дорогой и уважаемый гость. Более тридцати наших крестьян из Ба-миана работают с советскими специалистами.

Прощаемся с гостеприимным хозяином, и мы вновь под

открытым небом. На площадке появляется очередной автобус с туристами. Судя по надписям на бортах — из Англии. Туристы, почти все пожилого возраста, снимают на пленку все, что попадает им на глаза. И конечно, в первую очередь каменных великанов, молчаливых свидетелей бурной истории прошлых лет. Затем они выстраиваются цепочкой и вскоре исчезают в каменном туннеле подземного города.

— Прошлым летом, — вспоминает Пир Мамад, — сюда на микроавтобусе приехали иностранцы — бородатые парни и нечесаные девицы. Богатые они были люди: скупали древности, козлиные шкуры, интересовались, где можно купить гашиш. Сорили деньгами налево и направо. Но не этим они оставили о себе память.

Поселились эти люди в одной из пещер, гуляли, шумели, много пили. Купаться ходили на речку. Разденутся догола и бегают друг за другом. Здешние жители возмутились, говорят, не нужно им денег от людей, которые ведут себя хуже, чем скоты. Сговорились пастухи, и вот, когда вся эта компания веселилась на берегу, пришли и всех до одного, не пожалев даже девиц, отхлестали плетками. Иностранцы убралась и, приехав в Кабул, пожаловались властям, что им, мол, бамианские «дикари» помешали ознакомиться с шедеврами буддийского монастыря, избили и ограбили.

Пир Мамад предлагает зайти к нему в бюро. Энтузиаст своего дела, он с увлечением рассказывает о прошлом Бамиана, о той эпохе, когда буддизм распространялся в этой части земного шара. Раскопки, проводимые археологами, позволяют не только понять социальный строй, быт и культуру людей тех далеких лет, но и связь между ними, в частности Бамиана с поселением Хадда, существовавшим в древности в районе нынешнего Желалабада.

...Раскопки в Хадде древнейшего буддийского поселения под Желалабадом по праву считаются достоянием страны, всего человечества. В 1977 году мировую прессу обошло сообщение о новых открытиях в Хадде. Археологи обнаружили уникальные памятники древности, проливающие дополнительный свет на историю народов, исповедовавших буддизм и населявших эти места. Откопан был буддийский храм, насчитывавший 80 залов с галереями. На стенах внутри неплохо сохранились рисунки древних художников. Обнаружено множество статуй Будды различных размеров, барельефов, изображающих бытовые сцены. Все эти находки, представляющие собой произведения искусства, значительно обогащали наши знания о греко-буддийской культуре. Они

свидетельствовали о высоком уровне мастерства древних художников.

Контрреволюционеры, активизировавшие в 1980 году свою подрывную деятельность, не пощадили и Хадду — эту историческую достопримечательность. Стрельбой из тяжелых пулеметов они изуродовали знаменитые изваяния Будды, взорвали несколько келий, украшенных фресками.

Я был в Стамбуле, когда обо всем этом сообщили турецкие газеты. Известный турецкий писатель Азиз Несин, пригласивший меня к себе в гости, с горечью говорил:

— Это же дичайшее мракобесие XX века. Ненависть к людям, ставшим на путь национального обновления, социального, культурного и экономического развития, не знает предела. В этой стране совершаются преступления, которым никогда не будет оправдания.

Сегодня музея Хадда, гордости Афганистана, сокровищницы мировой культуры больше не существует. Корреспондент индийского журнала «Линк» Р. Шарафи, побывавший здесь в начале 1982 года, с гневом и горечью писал: «Я увидел плоды действий тех, кто, прикрываясь лозунгами „защиты ислама от иноверцев и коммунистов“, творит разбой, разрушает все. Я не верил своим глазам: на месте музея груды щебня, развалины, искореженные экспонаты и предметы старины. Разбитые скульптуры валяются на земле. Они почернели после пожара, полыхавшего здесь. Презрение и ненависть вызывают те, кто поддерживает бандитов, дает им оружие и боеприпасы, экипирует их. Я осуждаю правителей Пакистана, США и других государств, которые способствуют подобному варварству в Афганистане».

Осмотрев Бамиан, едем по узкой гравийной дороге, идущей то вдоль бурых выветренных скал, чередующихся с пологими травянистыми склонами, на которых пасутся отары овец, то вдоль бурной горной речушки.

Но вот наконец выехали на автостраду. Горы постепенно отступают, переходя в белые поля хлопчатника. Уборка в разгаре. Вереницы женщин и детей, согнувшись над распутившимися коробочками, собирают хлопок. По протоптанным тропинкам, оставляя за собой шлейфы пыли, движется в сторону дороги цепочка верблюдов с тюками хлопка. Мы недалеко от Кундуза — ведущего центра хлопководства страны.

Мы торопимся, чтобы засветло добраться до города. Завтра пятница — выходной день. Торговые фирмы выбрали этот день, чтобы провести в городе ярмарку ковров. Эта ярмарка, говорили мне еще в Кабуле, в общем-то местного

значения. Тем не менее на ней будет продаваться и продукция из районов Акчи, Андхоя и Мазари-Шарифа, где тысячи ткачей заняты ковроткачеством.

Утром мы на ярмарке. Это подлинное царство ковров. На окраине города под навесами натянуты на огромных рамах или разложены прямо на земле ковры самых различных размеров и форм: безворсовые громадные паласы, пушистые миниатюрные коврики для моления, дорожки и кошмы. Впечатление такое, что все это ковровое разноцветье впитало в себя и голубизну афганского неба, и отблеск костров, разводимых кочевниками по ночам в пустынном безмолвии, и изумрудную зелень лугов Нуристана, и белизну снегов на склонах Гиндукуша.

У каждого ковра стояли покупатели и просто пришедшие полюбоваться товаром. Они придирчиво осматривали каждый сантиметр ковра, поглаживали и ощупывали его, чтобы убедиться в тонкости и эластичности ворса. Временами между ними и продавцом возникал спор.

— То, что здесь представлено, — заявил мне один из устроителей ярмарки, — это лишь небольшая частица того, что можно увидеть на традиционных праздниках и выставках ковров в Герате, Кабуле и Акче. На них съезжаются мастера ковроткачества и художники со всех районов страны. Наша же ярмарка имеет ограниченную цель — отобрать лучшие образцы на экспорт, дать заказы ткачам.

Быт афганской семьи невозможно представить без ковров. На коврах спят, едят и молятся. Коврами украшают и утепляют жилища. Кочевники укрывают ими вьючных животных в зимнюю стужу. Уважаемого гостя обязательно посадят на лучший ковер. В приданое девушки из состоятельной семьи всегда включается ковер. Считается большим достоинством, если этот ковер она выткала собственными руками.

Афганцы всегда понимали толк в коврах, которые были подчас единственной возможностью выразить свои чувства и мысли. От начала и до конца ковер представляет собой сугубо индивидуальное творчество. Ткачи, в основном женщины, сами мыли и прочесывали шерсть, красили пряжу, подбирали рисунки и цвета. Замысловатые и сложные орнаменты требовали от исполнителей большого терпения и вкуса. И не случайно, что день, когда ковер снимался со станка, был праздником. Слава об умелых ткачах переходила из рода в род, ее повсюду разносили купцы и путешественники.

Но ручное ковроткачество — это изнурительный, кропотливый труд. Чтобы представить себе, насколько это тя-

жело, достаточно сказать, что плотность ковра составляет порой пятьсот тысяч узлов на один квадратный метр. Это бесчисленное количество цветовых оттенков, изнурительная работа за станком в душном помещении, где освещение — в лучшем случае керосиновая лампа. Часто это кончается потерей зрения, болезнями и преждевременным старением.

Меня заинтересовало, сколько же за свой труд получает ткач, какова себестоимость ковра. Спросил об этом устроителя. В ответ улыбается, разводит руками, дескать, «не знаю». Поинтересовался у другого — то же самое. Коммерческая тайна или просто люди не хотели говорить на столь деликатную тему? Спустя несколько дней я узнал от одного журналиста, работающего на Кабульском радио, что скупщики получают от перепродажи ковров иностранным фирмам до тысячи процентов чистой прибыли!

Ковры — один из источников получения твердой валюты. Правительство Афганистана наметило ряд мер по развитию этой отрасли кустарных промыслов, в которой сегодня занято почти 600 тысяч человек. Это курс на создание производственных кооперативов, устранение посредников, за купку ковровой продукции торговыми организациями непосредственно у мастеров по государственным расценкам, оказание ткачам всевозможной помощи.

Новые власти поощряют проведение разного рода конкурсов, в ходе которых отбираются лучшие образцы, выявляются талантливые мастера и художники. По общему мнению, пальму первенства в последние годы держат ткачи Андхоя и Акчи. Их ковры исключительно высокого качества, оригинальны по рисунку, не боятся ни солнечных лучей, ни влаги. На международных аукционах не спадает спрос на эту продукцию. Более чем двадцать стран стали постоянными покупателями афганских ковров ручной выработки, которые успешно конкурируют с аналогичными изделиями Ливана, Ирана, Индии и Пакистана.

...Вооруженная оппозиция прилагала все усилия для того, чтобы и здесь омрачить жизнь людей, сорвать осуществление планов социально-экономического и культурного развития.

Курс на национальное примирение, который афганское руководство начало осуществлять с середины января 1987 года, ослабил напряженность и в этой провинции. Только в течение двух месяцев двенадцать вооруженных формирований с их лидерами сложили оружие. ¹

Исполняющему обязанности председателя Революционного совета Цамкани, который прибыл на встречу с бывшими

членами этих формирований, было сказано, что они давно собирались сложить оружие, но опасались, что им не поверят. Эмиссары контрреволюционной эмиграции, обосновавшейся в Пешаваре, угрожали расправой руководителям повстанческих групп, если они пойдут на примирение.

Лидеры зарубежных контрреволюционных организаций забрасывали в эту провинцию группы диверсантов, которые должны были подорвать процесс примирения, совершали террористические акты. В Кундузе они убили председателя провинциальной комиссии по примирению.

...Но я несколько забежал вперед.

Обширные просторы Северного Афганистана — это не только районы, где добывается газ, создается химическая промышленность, выращивается хлопчатник и ткуются ковры, но также и места совместного исследования советских и афганских археологов. Если на территории Средней Азии советские ученые сделали немало замечательных открытий, то центральные и южные районы Бактрии, находящиеся в составе Афганистана, оставались до последнего времени мало исследованными.

В конце шестидесятых годов создается совместная советско-афганская экспедиция. И вот первые плоды научного подвига ученых. Экспедиция обнаружила, описала и нанесла на карту более 300 исторических памятников. Изучение находок пролило дополнительный свет на древнюю историю края.

В работе экспедиции особое место занимали раскопки, проведенные на холме, который находится недалеко от селения Дильберджин. Там обнаружено древнейшее городище, которое дало ключ к разгадке многих тайн прошлого. Археологи увидели кварталы жилых домов, развалины храмов с уникальными росписями и остатки мощных крепостных стен. Найдены орудия труда, монеты и ювелирные изделия, предметы домашней утвари и оружие.

Дальнейшие исследования, проведенные на Дильберджинском городище, показали, что оно пережило несколько этапов. Большой научный интерес представляют собой остатки каменно-кирпичных строений эпохи Греко-Бактрийского царства. В начале нашей эры в этих местах господствовала кушанская цивилизация, воплотившая в себе характерные элементы буддизма и эллинизма.

Археологи обнаружили в одном из храмов интересную фреску, на которой изображены сыновья Зевса и Леды — братья Диоскуры. Эта фреска, представляющая огромную художественную и научную ценность, находилась в нише,

закрытой кирпичной кладкой. Сюжет фрески совпадал с рельефами на монетах, которые выпускались Эвкратидом — бактрийским правителем II века до нашей эры.

...С ноября 1978 года под Шиберганом работала совместная советско-афганская археологическая экспедиция. Она проводила раскопки холма Тилля-Тепе. Под толстым слоем земли обнаружены остатки древнего некрополя, существовавшего в конце II тысячелетия до нашей эры. Газета «Кабул нью таймс» в большой статье, опубликованной в конце 1981 года, привела ряд интересных подробностей, связанных с проводившимися раскопками. В гробницах рядом с останками людей найдены украшения из золота и драгоценных камней. В одной из гробниц, видимо, захоронен сам правитель. В его изголовье лежит корона и золотой кубок. Корона такой же формы, но относящаяся к гораздо более позднему периоду, найдена при раскопках на Корейском полуострове, а похожий серебряный орнамент, которым она украшена, встречался в Японии, в захоронениях, относящихся к V веку. Образцом высочайшего искусства может служить и найденная при раскопках холма золотая пряжка, на которой изображено венчание греческого бога виноделия Диониса и критской принцессы Ариадны.

Раскопками Тилля-Тепе заинтересовались японские ученые. Токийская газета «Асахи» писала, что предметы, обнаруженные археологами в районе Шибергана, имеют исключительное научное значение. Они помогут ученым подробнее узнать о периоде истории, который последовал за падением Греко-Бактрийского царства.

Найденные при раскопках холма Тилля-Тепе около 20 тысяч предметов отправлены в Кабульский национальный музей.

Труды афганских геологов и историков, способствующие изучению кушанской эпохи, работы по изысканию и восстановлению памятников того периода были высоко оценены участниками V Международного семинара по изучению кушан, состоявшегося в 1982 году в Кабуле. В работе этого семинара приняли участие видные специалисты из Советского Союза, Индии, Франции, Испании и ряда других государств.

Ветер надежд и обновлений

Свет из ущелья Наглу. Махипар — «музейный экспонат». Возрожденная долина. Помощь помощи рознь. Заботы и чаяния крестьян. Рабочие объединяются в профсоюзы. Краски столицы. О чем поведал мэр. Кузница национальных технических кадров. Борьба с неграмотностью. За партией взрослые и дети. Борьба с болезнями и эпидемиями. Интеллигенция служит народу

Со смотровой площадки, вырубленной на вершине скалы, серая громада бетонной плотины, зажатой между двумя отвесными скалами, видна как на ладони. От нее через реку и горы шагнули опоры высоковольтных линий электропередачи. В воздухе стоит несмолкаемый гул падающей воды. Над каменным ущельем Наглу многоцветье радуги. Это ГЭС — самый мощный энергетический комплекс страны.

Когда сюда в августе 1960 года приехали советские специалисты и афганские строители, то казалось немыслимым, что в этом нагромождении диких скал будет сооружен гидроузел. Строительство ГЭС Наглу можно считать продолжением афгано-советского сотрудничества в области энергетики, начало которому было положено еще в 1925 году, когда для пуска дизель-электрогенератора, закупленного гератскими купцами, в Афганистан приехали два советских специалиста.

Гидроузел — сложное высотное сооружение. Он построен в трудных геологических условиях: в узком ущелье, на слиянии трех рек — Кабула, Пандшира и Тагао. Сама плотина гравитационного типа — из монолитного железобетона с облицовкой граней железобетонными сборными плитами. Сброс паводковых вод осуществляется через водоносы над машинным залом, встроенным в тело плотины. Плотина, высота

которой составляет более ста метров, образовала водохранилище емкостью свыше шестисот миллионов кубических метров.

Недрузи афгано-советского сотрудничества немало потрудились в свое время над тем, чтобы посеять сомнение в экономической целесообразности строительства ГЭС в Наглу. Однако жизнь со всей очевидностью показала, как важна эта станция для развития не только энергетической промышленности, но и всей национальной экономики. ГЭС дает Кабулу две трети потребляемой столицей электроэнергии. А водохранилище, образованное плотиной, создало возможность накапливать большое количество воды и использовать ее в сухой сезон для нужд электростанций — Сароби и Дарунта.

Водоохранилище также играет большую роль в обеспечении водой Джелалабадской ирригационной системы. Оно позволяет при своевременной задержке паводковых вод рек Кабула и Пандшира избавиться от размыва важную транспортную магистраль, идущую от Кабула до пакистанской границы, напоить многочисленные мелкие оросительные системы крестьян провинции Нангархар.

С пуском в эксплуатацию ГЭС Наглу и понизительной электростанции «Восточная», через которую распределяется часть электроэнергии, вырабатываемой гидростанцией, в кабульской энергосистеме был ликвидирован дефицит электрической мощности и созданы благоприятные условия для развития промышленности.

Всякий, кто проезжает через район Пули-Чархи, промышленный район города Кабула, может увидеть своими глазами, сколько новых предприятий строится или уже построены и успешно работают на благо народа Афганистана. В этом немалая заслуга и ГЭС Наглу.

Эксплуатационники ГЭС Наглу осуществляют своими силами систематический контроль за работой всех узлов гидростанции, проводя ремонт, своевременно устраняя возникающие в процессе эксплуатации неисправности. Специалисты ГЭС Наглу часто оказывают техническую помощь другим энергоуправлениям департамента энергетики. На гидростанции, например, был выполнен капитальный ремонт гидрогенератора для ГЭС Фило в городе Кандагаре. Специалисты Наглу, командированные в Мазари-Шариф, оказывали помощь в строительстве высоковольтной линии электропередачи и подстанции.

Гидроэлектростанция в Наглу, ведущий энергетический объект республики, обслуживает Кабул, его промышленные зоны и сельские районы. Вооруженная оппозиция не раз пы-

талась вывести из строя это энергетическое сердце республики, но ей давался отпор.

Но я хотел бы вернуть читателей к тем дням, когда этот гидроузел строился, к дням напряженного труда советских и афганских строителей. В мае 1967 года сюда, на торжественную церемонию официального ввода в строй станции, приехала делегация Верховного Совета СССР. Мне предстояло подготовить репортаж об этой новостройке.

Вечером, когда гости покинули Наглу, я встретился с нашим главным специалистом на объекте Александром Артышем и его коллегами-гидростроителями. До глубокой ночи они рассказывали о том, как и в каких условиях сооружался этот гидроузел.

Основная трудность, с которой столкнулись советские специалисты, прибывшие в Наглу, — нехватка квалифицированных кадров. Дело в том, что в это время широким фронтом велись работы по сооружению Джелалабадской ирригационно-оросительной системы, автострад Кушка—Герат—Кандагар, Кабул—Пули-Хумри с туннелем сквозь толщу Гиндукуша под перевалом Саланг.

Подавляющее большинство афганских квалифицированных рабочих и мастеров были заняты на этих объектах. А объем работ предстоял немалый. Надо было взорвать и перебросить 2,5 миллиона кубических метров скальных пород, уложить 740 тысяч кубометров бетона.

Группа западногерманских и американских инженеров, посетившая в те дни площадку Наглу, категорически заявила:

— В таких условиях соорудить гидроузел невозможно.

На строительство были наняты более семи тысяч человек — в основном неграмотные крестьяне из окрестных селений. Им предстояло овладеть специальностями бетонщиков, сварщиков, монтажников, слесарей, электриков, механиков, водителей. Причем овладеть на месте и в сжатые сроки.

С учетом плана работ были составлены графики потребности рабочей силы. Афганцы разбивались по профессиональным группам обучения. Для них в доходчивой форме на языках пушту и дари составлялись учебно-производственные программы, разного рода инструкции по эксплуатации машин, оборудования и механизмов, наглядные пособия. Обучение проводилось бригадным, курсовым и индивидуальным методами. Советские специалисты и переводчики, не считаясь со временем, обучали афганцев сложным профессиям. За полгода до пуска первого агрегата ГЭС начался подбор эксплуатационного персонала из числа наиболее способных и

грамотных электриков, которые потом и составили основной костяк специалистов по обслуживанию гидроузла.

Большое внимание было уделено также вопросам техники безопасности на производстве. Это было далеко не легкое дело. Рабочие, вчерашние деревенские парни, привыкшие ходить босыми, нередко появлялись на монтаже металлоконструкций и на площадках, где проводились буровые и скальные работы, без обуви. Стоило большого труда заставить их обуться. Обувь они «жалели».

Жители горных мест, привыкшие к большим высотам и умеющие ходить по крутым склонам, поначалу считали ниже своего достоинства пользоваться страховочными средствами на монтажных работах, не пристегивались поясами.

Запомнились трое афганцев. Способные монтажники, трудолюбивые ребята, они сбрасывали ботинки, каски и поясные ремни, как только оказывались на перекрытиях. Балансируя, ходили по бетонным балкам на высоте двухсот метров, перепрыгивали с одной конструкции на другую. Один из них как-то сорвался, поломал ноги.

— На то воля Аллаха, — спокойно сказали его друзья, когда их снова стали увещевать пользоваться страховочными средствами.

Тогда афганская администрация издала приказ, предупредив, что человек, отказывающийся выполнять правила техники безопасности на стройке, будет уволен. Приходилось прибегать и к таким методам воздействия, чтобы избежать увечий и гибели людей.

Безотказно работающие агрегаты поставил Харьковский турбинный завод имени Кирова. За 1961—1967 годы на стройке усилиями наших специалистов подготовлено около 6 тысяч квалифицированных рабочих по 89 различным производственным специальностям.

Почти одновременно с пуском ГЭС в Наглу была открыта и гидроэлектростанция Махипар, сооружавшаяся при технико-экономическом содействии Западной Германии. Она построена выше по течению реки Кабул и обслуживалась немецкими специалистами. Если на ГЭС в Наглу мог приехать любой иностранный журналист, встретиться с руководством комбината и побеседовать, то на Махипар попасть было невозможно.

И это не случайно. Дела на ГЭС Махипар шли неважно. От многих афганцев не раз приходилось слышать, что эта гидроэлектростанция работает с перебоями. Там часто происходили аварии, выходило из строя то или иное оборудование. Вполне естественно, что западногерманские специалисты не

хотели, чтобы об этом писалось в газетах. Они были против посещений станции иностранными журналистами.

Незадолго до прихода к власти Дауда в Кабуле вышла книга «Наша экономика». Ее автор Рухулла Хабиб, председатель парламентской комиссии по промышленности и горному делу, посвятил целую главу ГЭС Махипар. Этот человек, выступавший за ориентацию Афганистана на западную технологию, признавал, что обращение за содействием в строительстве ГЭС Махипар к западногерманским фирмам было ошибкой афганских ведомств. Когда началось сооружение ГЭС Махипар, отмечает автор, то под давлением немецких специалистов была закрыта для проезда автодорога от Кабула до электростанции Сароби. Вследствие такого решения десятки тысяч различных видов средств транспорта, доставлявшего строительные материалы для ГЭС Наглу, Джелалабадской оросительной системы, сооружаемых мостов через реку Кунар, а также транзитные и местные грузы вынуждены были направляться в объезд по караванной дороге. Это повлекло за собой большие финансовые издержки. Нас утешали: ввод в строй ГЭС Махипар в короткий срок покроет все эти убытки. Немцы, мол, народ расчетливый. И если они советуют, то так и надо делать. Мы им поверили.

Наконец-то на ГЭС Махипар завершены строительные работы, говорит далее автор в своей книге. Надо бы радоваться: ведь афганцы получили станцию мощностью 65 тысяч киловатт. Но, увы, гидроузел приносит лишь одни огорчения и убытки. То одна авария, то другая надолго выводят станцию из строя.

Разве не удивительно, что в 1971 году она, например, работала всего лишь... семь дней! И можно себе представить, что было бы с Кабулом и его промышленностью, если бы не соорудили ГЭС в Наглу, которая действует бесперебойно!

ГЭС Махипар построили. Но все эти годы ее три турбины беспрестанно ремонтируются, многие узлы оборудования раньше срока выходят из строя и требуют замены. Выяснилось также, что турбины поставлены с крупными техническими дефектами. Перестало быть секретом и то, что при разработке проекта самого гидроузла были допущены серьезные ошибки, неправильно выбрано место для сооружения станции.

И вот вместо электричества ГЭС Махипар регулярно вырабатывает лишь новые долги и траты. Ремонт идет за наш счет, пишет Хабиб, он исчисляется миллионами немецких марок и местной валюты. Не надо также забывать, что строительство этого гидроузла обошлось Афганистану в два раза больше запланированных сумм. Горько сознавать, что мы

стали объектом малограмотного технического эксперимента западной фирмы, создавшей нам «музейный экспонат несбывшихся надежд». Индийская комиссия, изучавшая состояние ГЭС Махипар, пришла к выводу, что она нуждается в коренной реконструкции. Слабое утешение! Ведь это потребует колоссальных средств, которых нет у Афганистана. Но сколько же можно обращаться за займами и кредитами к другим державам? — спрашивает автор.

Появление книги вызвало недовольство посольства ФРГ. Его представители делали даже заявления, пытались обелить фирму и специалистов, свалить свои просчеты на афганцев.

Направляясь летом 1978 года из Кабула в Желалабад, я решил заехать на ГЭС Махипар. Станция бездействовала. Афганский инженер, встретивший меня у входа, сказал: — Турбины опять вышли из строя. Станция прекратила подачу энергии.

...Зимой, когда по промерзшим кабульским улицам разгуливают пронизывающие до костей ветры с Гиндукуша, застывают говорливые арыки, здесь, в Желалабадской долине, примерно в 150 километрах от столицы, всюду цветут розы и магнолии, соком наливаются апельсины и мандарины. «Афганская жемчужина» — так называют путеводители этот удивительный край. Здесь всегда тепло и много солнца. Защищенная от северных ветров и стужи громадами хребта Гиндукуша, долина в любое время года радует глаз зеленью финиковых пальм, цитрусовых, бананов и инжира, серебром оливковых плантаций. Расположенный в ней Желалабад, административный центр провинции Нангархар, утопает в зелени.

Перевал, окутанный облаками и снегом, исчез за поворотом. Асфальтовая дорога головокружительно скользит вниз. Вот слева, за крутым склоном показалась и вскоре исчезла серая подкова железобетонной плотины гидроэлектростанции Наглу. Скрипя тормозами на поворотах, наш «газик» то ныряет в туннели, пробитые в гранитных толщах, то взлетает на мосты, нависшие над пропастями, где реют неугомонные воды реки Кабул. Пустынны и суровы каменистые склоны. То и дело на вершинах можно увидеть полуразрушенные крепостные валы, служившие в далеком прошлом опорными пунктами для отрядов, охранявших путь из Кабула в Пешавар.

Но вот дорога пошла по Дарунтскому ущелью. Река успокоилась, влившись в большое глубокое озеро, зажатое с двух сторон отвесными гигантскими скалами. Оно питает земли Желалабадской долины. Перед взором — панорама

уходящей вдаль долины, окаймленной цепью высоких снеговых гор.

Трудно поверить, что еще в начале шестидесятых годов здесь, на месте фруктовых и оливковых плантаций, вплоть до границы с Пакистаном простирались безжизненные земли, жаждавшие влаги. Между тем река Кабул протекала рядом, всего в нескольких километрах отсюда. Но у подножия горы Сафид-Кух она делала резкий поворот, обходила иссушенные солнцем и ветрами земли, уходила в горные расщелины и на территории Пакистана впадала в полноводный Инд.

Направить воды реки Кабул на поля и возродить к жизни этот край помогли советские люди. 6 ноября, в канун 44-й годовщины Великого Октября, бульдозеристы бригады Султана Мавлиянова перекрыли Кабул. Образовалось водохранилище емкостью более 400 миллионов кубических метров. Отсюда воды потекли по каналам и арыкам, неся жизнь мертвым землям.

В марте 1965 года состоялась торжественная сдача основных объектов Джелалабадского оросительного комплекса, сложного и грандиозного технического сооружения. От самой Дарунтской плотины, высотой более 20 метров, на 70 километров протянулась закованная в бетон водная магистраль, давшая возможность оросить более 30 тысяч гектаров земель, с которых можно снимать до трех урожаев в год. Канал имеет десятикилометровый подземный туннель и 229 различных гидротехнических сооружений. Общая протяженность арычных ответвлений достигает 510 километров.

Гидростанция, построенная при головном узле сооружений, дала энергию создаваемым здесь сельскохозяйственным центрам, насосным станциям машинного орошения, поселкам Хадда, Ботикот, Газиабад, Самархель и Дарунта. Она ликвидировала перебои в снабжении электричеством города Джелалабад.

Более 14 тысяч афганцев трудились на сооружении Джелалабадского оросительного комплекса. Им помогали 500 советских специалистов. Это о них в ноябре 1967 года писала газета «Анис»: «Благодарная память афганского народа навеки сохранит то, что сделано нашими друзьями — советскими людьми здесь, на пустынных землях. Каждый советский специалист проявил много инженерной выдумки, точного расчета и большого мужества, воплощая объект в бетон, чтобы напоить землю водой, улучшить жизнь местного населения».

Да, это так. Участник обороны Ленинграда, инженер

Алексей Бобра трудился на сооружении туннелей, внес немало рационализаторских предложений, ускоривших темпы строительства объектов. Добрую память о себе оставили инженеры Камо Пзизян, Николай Потапов, Юрий Воробей и многие другие. Они не только вкладывали душу в сооружение этого комплекса, но и настойчиво помогали афганцам овладеть различными специальностями. Более 4600 афганцев стали квалифицированными электросварщиками, бульдозеристами, бурильщиками, арматурщиками, бетонщиками и слесарями.

Приезжая в Кабул, я всегда старался побывать в этих местах, которые менялись со сказочной быстротой. Приняв эстафету от строителей, афганские агрономы при содействии наших специалистов, приехавших в основном из Узбекистана, начали осваивать новые площади, создавать многоотраслевые сельскохозяйственные центры.

Прибыв как-то в Желалабадскую долину, я остановился в поселке Самархель, где жили наши специалисты. Этот поселок появился в ходе освоения земель. Стоял конец октября 1970 года. Небольшие каменные особняки утопали в зелени тополей, пальм и кипарисов, плотной стеной оградивших поселок от автострады, идущей на Пешавар.

Виктор Сидельников, мой давний знакомый, главный специалист, позволил себе провести пятницу — нерабочий день — дома, готовил традиционный узбекский плов в большом чугунном казане, вынесенном в садик. Он с ранних лет жил в Ташкенте и в совершенстве постиг секреты приготовления этого блюда.

Со стороны автострады раздались гудки, и вслед за тем на широкую усыпанную гравием дорогу поселка въехала легковая машина. Из нее вышел пожилой афганец. Его имя я, к сожалению, не запомнил. Это был сотрудник управления по освоению Желалабадской долины. Весь вид его говорил, что человек чем-то расстроен. Гость был приглашен к столу, где готовый уже плов источал аромат.

— Сегодня губернатора провинции, — сказал он, — посетила делегация местных феодалов. Они заявили, что управление подрывает их хозяйства. Жаловались на то, что мы, дескать, переманиваем батраков к себе, обучаем их профессиям, сбиваем цены на воду. Феодалы составили обращение к королю, настаивая на том, чтобы Желалабадский комплекс был продан частному сектору.

— Чем же закончилось посещение? — поинтересовался Виктор Сидельников.

— Губернатор хитрый человек. Он не хотел портить отношений с местными помещиками, но и опасался навлечь на себя недовольство Кабула. Он сказал им, что доложит об их просьбе правительству, согласен с тем, что часть орошаемых земель долины следовало бы продать людям состоятельным. Сам же решить, мол, ничего не может. Феодалы ушли рассерженные, заявив, что Аллах может и покарать своим гневом все эти сооружения и людей, работающих в долине.

— Это серьезно, — заметил Сидельников. — Следовало бы усилить охрану.

— Мы так и сделали, — ответил афганец. — Усилили охрану плотины и гидроэлектростанции, механических мастерских и складов.

Подобные меры предосторожности были не лишними. Солдатам, несшим охрану Джелалабадского комплекса, приходилось уже в те годы не раз предотвращать разного рода диверсии, которые пытались устроить местные помещики. В апреле 1970 года была даже совершена попытка вооруженного нападения на объекты Джелалабадского комплекса. Но благодаря бдительности подпольной ячейки НДПА Джелалабада, своевременно информировавшей администрацию, это нападение было сорвано.

Но я несколько забежал вперед.

На следующий день Сидельников собирался в поездку по Нангархарской провинции. Он пригласил меня совершить с ним это путешествие. Едва мы покинули Самархель и выехали за пределы осваиваемой территории, как по сторонам избитой караванной дороги потянулись безжизненные места. Лишь кое-где по оврагам мелькали кактусы и верблюжья колючка. Иногда вдруг наплывали квадраты недавно засеянных полей пшеницы и хлопчатника, апельсиновые и мандариновые рощи. Среди них словно крепости высились каменные дома, обнесенные глинобитными заборами, с деревянными воротами, окованными железом.

Где вода, там жизнь. Грунтовые воды находятся здесь на небольшой глубине, и они благодаря колодцам выводятся на поверхность, а затем по арыкам расходятся по полям и садам. Неестественным кажется этот зеленый оазис среди пустыни. Стоит остановиться в одном из таких мест, как к машине подходят крестьяне, просят зайти к ним в дом, даже если это хижина бедняка, выпить по чашке чая, отведать фруктов. Гостеприимство здесь — традиция.

Ближе к горам оазисов и орошаемых земель становится все больше. Крестьяне этих мест издавна пользуются кяризмным способом орошения, выводя на поля воду, скапливающуюся под толщей обломочных отложений и у подножия гор.

Останавливаемся в большом селе. В нем свыше сорока дворов. Типичное селение пуштунов: невысокие дома, огороженные глинобитными заборами, за которыми скрыты от постороннего глаза внутренние дворы и садовые участки. На узкой центральной улице и в еще более узких переулках, где с трудом проедет арба, дремлют ишаки. Бородатые мужчины, отложив в сторону винтовки, распивают чай, расположившись на коврах в чайхане.

В продымленной шашлычной, зажатой между загоном для скота и овощным складом, староста Гулам-хан, импозантный пожилой пуштун в белой чалме, перепоясанный патронташем и с громадным маузером на боку, угощает нас кебабом. В металлической тарелке гора салата из ломтиков редьки, помидоров и лука. Все это приправлено красным перцем, обжигаящим рот. В глиняном кувшине питьевая вода. Она некипяченая, взята из колодца.

Виктор Сидельников, переболевший прошлой весной какой-то разновидностью холеры, — он не делал прививок, наивно надеясь на свой могучий организм, — морщится, со страхом поглядывая на яства. Но, не желая обидеть гостеприимного старосту, тянется за мясом. Следую его примеру, согнав с кебаба жирную муху.

— Эх, — говорит он негромко, — на что только не пойдешь во имя сохранения добрых отношений.

Заметив, как нерешительно мы едим мясо и салат, староста спокойно и дружески замечает:

— Кушайте, уважаемые гости. Мясо свежее, овощи мыты водой. А вообще-то не бойтесь — жизнь наша в руках всемогущего Аллаха.

Рассказывая о селе, Гулам-хан говорит, что жизнь ему дали кяризы-колодцы, построенные лет двадцать назад несколькими семьями. Сейчас эти семьи довольно зажиточные, им принадлежит значительная часть орошаемых земель, у них много скота. Каждая из этих семей имеет постоянных батраков, а в сезон уборки урожая они нанимают еще поденно местных жителей, у которых мало земли. Часть воды продается в соседние хутора.

Интересуемся ценами на отпускаемую воду. Она непомерно высока, раз в шесть дороже, чем продает соседним деревням Джелалабадский комплекс.

Затем староста приглашает нас посмотреть распределительную систему. Сооружения очень примитивны. Гуламхан говорит, что в отдельные сезоны, особенно в жаркие дни лета, воды для некоторых полей, находящихся в обороте, не хватает. Поэтому иногда часть земли приходится оставлять в залежи, а климат здесь такой, что с полей, если бы им дать воды в достаточном количестве, можно снимать до трех урожаев в год. Главное — сохранить фруктовые плантации.

— В нашем селе, слава Аллаху, воды еще достаточно, — говорит староста. — А вот в деревне моего зятя — беда. Там весной после обильных ливней с гор пошел сель, забил кяризы. Чтобы их восстановить, нужна техника, а главное — деньги. Бедняки бросили дома, устроились на работу в Желалабадский комплекс. Один из феодалов недавно закупил по дешевке брошенные поля, думает восстановить кяризы.

Небольшая тропинка ведет нас к кукурузному полю, с которого недели через две будут снимать урожай. Узнаем, что года два назад этот участок принадлежал одной обедневшей семье, которая задолжала ростовщику изрядную сумму. Ростовщик, воспользовавшись трудностями семьи — в тот год здесь прошли сильные бури, погубившие урожай, — предложил крестьянину немедленно вернуть взятую у него под высокий процент ссуду. Денег у крестьянина не было. Ростовщик подал в суд. Пришлось участок продать. Землю купил местный богатей. В течение одного только года здесь и в соседних деревнях разорилось двенадцать семей. Власти отказались предоставить им кредиты, сославшись на их несостоятельность. Землю скупили помещики, которым дали и кредиты и семена.

Нас познакомили с одним из помещиков, который за два года скупил земельные участки у пяти обедневших крестьян села и соседнего хутора. Звали его Фазалхан. Степенный пуштун, владелец семи буйволов, большого стада овец. Сколько у него земли, узнать не удалось. Он просто не стал отвечать на этот вопрос. Вместе с тем с нескрываемой гордостью сообщил нам, что недавно женился. У него теперь три жены.

— Я настоящий мусульманин, — говорит он. — Пять раз в день молюсь, пожертвовал деньги на ремонт мечети. Много работаю. Чту законы и обычаи предков. Поэтому Аллах помогает мне во всем.

Спрашиваем, каково его мнение о Желалабадском оросительном комплексе. Он отвечает:

— Плохо одно — батраки стали портиться. Чуть что, говорят: «Уйдем работать на комплекс». Это уже бунтарство. У меня постоянно работает шесть батраков. За свою работу они получают еду, я им плачу также тем, что выращивается на моей земле: зерном, овощами, фруктами. Так вот, узнав, что кто-то из их друзей и знакомых неплохо устроился на комплексе, они потребовали, чтобы я увеличил им плату. Одного я хотел по-отцовски отхлестать плеткой, но тот схватился за кинжал. Я его уволил. Он еще остался должен, обещал выплатить. Если не выплатит долг, я упрячу его в тюрьму.

...Спустя несколько месяцев после свержения монархии мне довелось вновь побывать в этих краях. Виктор Сидельников находился уже в Москве, на ответственной работе в ГКЭС. На посту главного специалиста Джелабадского комплекса его заменил энергичный агроном Борис Миланов. Он выпускник Самаркандского плодоовощного техникума. Работал некоторое время агрономом в Кашкадарьинской области. Потом окончил Ташкентский сельскохозяйственный институт, возрождал земли в Голодной степи. (Забегая вперед, хочу отметить: мне было приятно узнать от моих коллег, что Миланов вновь в 1982 году был приглашен сюда в качестве главного специалиста и много сделал полезного в освоении земель.)

Я начал было расспрашивать Бориса Миланова о том, как идут дела по освоению долины. Вместо ответа он предложил проехаться с ним по фермам и полям, плантациям и садам.

Мы поехали в сторону агроцентра Газибад. Еще несколько лет назад здесь высаживали саженцы кипарисов и тополей, оливковых деревьев. А сегодня по сторонам дороги выросла плотная ограда деревьев и кустарников. За нею, увитые виноградными лозами, прятались белые коттеджи, кирпичные постройки. Это жилые дома, школы, больницы. По обочине дороги тянулись бетонные желоба-арыки, идущие на плантации и поля. Над головой повисли линии электропередачи. Навстречу то и дело попадались автомашины, груженые ящиками с мандаринами и апельсинами. Они направлялись на автостраду, ведущую в Кабул.

— Урожай цитрусовых и маслин, — заметил Миланов, провожая взглядом грузовики, — исчисляется уже тысячами тонн. Хозяйства рентабельные.

В одном месте поля и плантации обрываются. По бурой земле ползают бульдозеры и скреперы, очищающие участки от галечника и валунов. Немного в стороне,

на расчищенном участке закладываются оливковые плантации. Маслины стали доходной статьей Джелалабадского комплекса. Деревья, посаженные в агроцентрах Хадда и Газиабад, хорошо прижились. Маслины консервируются на местном предприятии, отправляются на рынки Кабула и других городов, а также на экспорт. С сочными, зеленовато-желтого цвета маслинами, выращенными на этих землях, знакомы и советские люди.

Джелалабадский комплекс — это многоотраслевые хозяйства, включающие в себя цитрусовые и оливковые плантации, поля, засеянные зерновыми, молочнотоварные фермы, лесозащитные питомники, различные агролаборатории и мастерские, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Все основные процессы труда здесь механизированы.

Борис Миланов с уважением рассказывает о своем предшественнике, много сделавшем для освоения этого края и налаживания производства. Вспомнил он и первого нашего главного специалиста — Александра Мичурина. Этот агроном закладывал первые сады, подбирал наиболее подходящие для этой местности сорта цитрусовых и оливковых и разрабатывал оптимальные нормы внесения в почву удобрений.

Мы беседовали с афганцами, работавшими на полях, плантациях, на оросительной системе и в мастерских. Рассказывая о себе и своей работе, они обязательно говорили о тех, кто помог им овладеть специальностью, повысить квалификацию. Записная книжка сохранила имена этих людей. Вот некоторые из них: Гулам Касымов, механизатор из Ташкента; его друг и соотечественник Мургаб Кабулов, инженер-экономист; Леон Вартазян, консультант, работавший на Дарунтском гидроузле.

Советские специалисты, приехавшие в долину, продолжали эстафету добрых традиций своих предшественников, которые делали все, чтобы успешно развивать край. Работа строилась таким образом, чтобы каждый гектар земли как можно скорее дал прибыль. Некоторые агроцентры были еще в проекте, а их земли уже пускались в оборот: на них закладывались плантации или производился посев зерновых.

Провинция Нангархар — традиционное место кочевий. По решению правительства кочевников стали наделять участками из фонда земель, осваиваемых Джелалабадским комплексом, оказывать им помощь семенами, удобрениями и водой в кредит или по минимальным ценам. Посе-

ленцы могут получить работу на том или ином объекте комплекса, овладеть специальностью.

Джелалабадский оросительный комплекс — один из многих объектов, которые созданы при содействии СССР. Неподалеку от древнего города Газни сооружена плотина с водохранилищем емкостью более 160 миллионов кубических метров воды. Плотина оросила засушливые земли района Сарде. Урожай пшеницы составляет примерно 35 центнеров с гектара. Таких урожаев в этих местах крестьяне раньше не знали.

Сарде... Я вспоминаю, как в конце апреля 1969 года, направляясь в Кандагар, я остановился на два дня у наших специалистов. Над долиной, расположенной на высоте почти двух тысяч метров, дули холодные ветры, поднимая в воздух облака пыли. Уныло выглядели темно-коричневые поля, подходившие к высокой бетонной дамбе, за которой блестела накапливаемая вода.

В коридорах домов, где жили наши специалисты и их семьи, пахло пирогами, жареным мясом и ванилином. Откуда-то доносились звуки рояля и аккордеона, детишки разучивали песню. Приближалось Первое мая. И люди, находясь за сотни километров от родных мест, готовились встретить этот праздник в семейном кругу.

Руководитель группы наших специалистов на этом объекте Василий Климкин говорил, что летом здесь жарко, много солнца. А зимы суровые. Минувшая зима была на редкость трудной: морозы достигали 35 градусов, выпало много снега, несколько раз налетали бураны. Но все это не стало помехой для строителей.

— Объект, — говорил он, не скрывая гордости, — сооружается с опережением графика на два с лишним месяца. Желанием ввести поскорее оросительную систему горят и наши специалисты, и афганские строители. Хотелось бы сюда вновь приехать лет этак через десять—пятнадцать и посмотреть долину Сарде с ее садами, пашнями, новыми домами. Думаю, что Сарде, как и Джелалабадская долина, станет цветущим краем.

...Надо отметить, что для осуществления некоторых планов экономического развития прошлые режимы довольно охотно прибегали к помощи западных держав и международных фирм. Еще в сороковых годах американская компания «Моррисон—Надсен» подрядилась построить крупную оросительную систему в долинах рек Гильменд и Аргендаб. Афганские власти рассчитывали, что с освоением новых земель им удастся переселить более ста тысяч крестьян

из юго-восточных районов и перевести на оседлый образ жизни ряд кочевых племен, которые на зиму уходили в Пакистан.

За всем этим скрывались прежде всего внутривополитические соображения. Дело в том, что в южных и юго-восточных районах особенно сильно было недовольство крестьян своим положением — они разорялись и теряли землю. Предполагалось, что на поднятых к жизни землях будут создаваться также государственные фермы хлопко-зернового направления и крупные животноводческие хозяйства.

На освоение земель у рек Гильменд и Аргендаб ушло более 150 миллионов долларов. Договорная смета строительства оказалась превышенной в три раза, а результаты — плачевными. На значительных площадях начался такой интенсивный процесс засоления, что стали выходить из строя даже те земли, которые ранее находились в обороте. Крестьянские семьи, а также кочевники, переселившиеся сюда в надежде на лучшую долю, начали покидать эти земли. В 1968—1973 годах мне не раз доводилось бывать в этих долинах. Я видел брошенные дома и выжженные солнцем поля. Какой же контраст являла собой Джелалабадская долина!

Американцы, хотя их и предупреждали индийские, японские и советские специалисты, не провели в полном объеме почвенных и гидрологических изысканий, не предусмотрели надежной системы дренажа. Они затянули сроки ввода в действие оросительной системы, которая к тому же была построена с серьезными техническими просчетами. А местные власти ничего не предпринимали, чтобы своевременно исправить положение.

Положение стало выправляться только после победы Апрельской революции. Афганские власти, используя опыт, накопленный Джелалабадским оросительным комплексом, начали реконструкцию гидротехнических сооружений, промывку засоленных полей, очистку каналов от селевых потоков. Это, конечно, потребовало новых и немалых капиталовложений.

Помещиков, построивших без ведома властей насосы вдоль каналов и бесплатно перекачивавших воду на свои поля, заставили расплатиться с государством. Было установлено также, что сельские богачи захватили немало участков орошаемых земель. Незаконно занятые земли пришлось вернуть государству. Мероприятия властей по наведению порядка вызвали недовольство верхушки помещиков, кото-

рые ответили покушениями на представителей администрации, диверсиями и саботажем.

...Опаленные солнцем каменные хребты, прорезанные узкой долиной, выходящей к беспокойным водам реки Логар, словно спят под бирюзовым небом. Но пройдет время, и весь этот край, разбуженный ревом экскаваторов и самосвалов, взрывами строителей, прокладывающих дороги, голосами людей, начнет давать из глубины недр его богатство — медь. Имя этому месторождению дал приютившийся в тополиной роще кишлак Айнак.

Вместе с корреспондентом ТАСС Леонидом Бирюковым я в августе 1978 года побывал в этих местах. Стоим на вершине горы, с которой хорошо просматривается местность. Начальник геологоразведочной партии, выпускник Кабульского политехнического института Н. Сурат владеет русским языком. Указывая на виднеющуюся вдали буровую установку, он говорит, что Айнакское месторождение обследовано и изучено совместно советскими и афганскими специалистами.

По количеству запасов меди, компактности и высокому качеству руд, заявляет геолог, это одно из крупнейших на Среднем Востоке месторождений. Обнаружены также залежи строительного сырья. Выявлены большие запасы грунтовых вод, которых с избытком хватит для производства и бытовых нужд. Кроме того, часть воды можно будет пустить на орошение крестьянских полей.

Первенец отечественной цветной металлургии, продолжает Сурат, пока существует лишь на чертежах. Но его строительство, если нам ничто не помешает, — дело недалекого будущего. Ввод его в строй окажет огромное влияние на развитие Логарской провинции и всей национальной экономики. А пока идет будничная и незаметная на первый взгляд работа, связанная с дальнейшим уточнением запасов меди, ее процентного содержания в рудах, глубины залегания пластов.

Интересуюсь, что нового в стиль работы геологической группы, в настроения людей привнесла революция. Самое главное, следует ответ, что у рабочих начинает постепенно меняться отношение к труду. Они начинают осознавать, что труд сегодня — это труд на самого себя, на родину. Значительно сократились, например, неявки или опоздания без уважительных причин. Люди стали бережнее относиться к инструментам и оборудованию. И, если надо, задерживаются, чтобы завершить задание. Недавний пример. Заболел один из рабочих и не мог выйти на работу.

Напарник, проработавший целую смену на буровой установке, не ушел и отстоял вторую смену, не потребовав даже дополнительной оплаты труда или отгула. Все это способствует тому, что производственные задания у нас выполняются и перевыполняются.

Создали мы и профсоюз, продолжает собеседник. В него вступили рабочие и служащие нашей геологоразведочной партии, а это более пятисот человек. На собраниях, которые мы проводим, обсуждаются самые различные вопросы. Недавно приняли решение о проведении соревнования. И оно у нас началось.

Едем в поселок геологов у подножия гор. По пути останавливаемся возле пролома, ведущего в глубь скалистого холма. Это древняя шахта. Выходы медных руд, поясняет Сурат, были известны в этих местах еще далеким предкам, которые вручную добывали самородную медь и окислы. Так что нельзя сказать, будто никто не знал о том, что здесь есть медь.

Однако западногерманские и японские геологические группы, работавшие в этих местах в шестидесятые годы, не дали конкретных рекомендаций по дальнейшему изучению этого района. Результаты проведенных исследований они увезли с собой. И если бы не настойчивость наших советских друзей, которые обратили внимание на это месторождение и тщательно в течение нескольких лет изучали его, то страна еще долго оставалась бы в неведении относительно залежей меди в Айнаке.

Афганские геологи, продолжает Сурат, добрым словом вспоминают В. Чмырева, С. Яшинина, Ю. Щербину, много потрудившихся здесь, чтобы доказать, что Афганистан имеет медное месторождение промышленного значения. Советский Союз оказал Афганистану решающую помощь в поисках и освоении природных ископаемых — газа, угля, железной руды, магнезита, кунцита, оникса и мрамора.

В небольшом вагончике, где разместилось руководство геологической партии, за чашкой чая продолжается разговор. Люди делятся своими производственными заботами и планами на будущее. Главный геолог С. Наджав — недавний выпускник Кабульского политехнического института — избран секретарем комитета НДПА.

Мощные проливные дожди, обрушившиеся в июле 1978 года на центральные районы страны, не обошли и здешних мест. С гор устремились всеокрушающие сели. Неожиданно один из потоков двинулся по ложине, где находилось завезенное туда ценное оборудование. Увидев опасность,

первыми спасти имущество бросились члены НДПА, увлекая за собой остальных рабочих. С помощью скреперов и бульдозеров они успели до подхода каменного потока соорудить из скальной породы надежный заслон. Сель пошел в другую сторону, вниз в ущелье. Бок о бок с ними трудились и советские специалисты. Люди выиграла сражение со стихией.

И как только прекратились ливни, все, кто работал в экспедиции, поспешили на помощь крестьянам соседних кишлаков. Вместе с ними они расчищали арыки и дороги, восстанавливали мосты.

...Километрах в двадцати от Айнакского месторождения расположился городок Баракибарак — административный центр провинции Логар. Путь туда лежит через кишлаки, вдоль полей, изрезанных мутными желтыми арыками, тополиных рощ.

Погода стоит на редкость жаркая. И крестьяне торопятся поскорее убрать пшеницу и ячмень, чтобы не осыпались колосья. Поражает изможденный вид крестьян. И на больших, и на малых участках уборка идет вручную. Ребятишки на маленьких мохнатых осликах отвозят солому с поля. Разгрузив арбу, бросаются в арыки и тут же пьют из ладошек воду.

А вот и сам городок, шумный и пыльный, с бесчисленным количеством лавчонок, разбросанных вдоль улицы. На стенах домов плакаты, призывающие людей поддерживать новую власть. Небольшой, еще не достроенный двухэтажный дом, где временно разместились ведомства местной власти. В коридорах полно посетителей — внешний вид их говорит о том, что это крестьяне-бедняки, мелкие ремесленники или торговцы.

Заместитель губернатора провинции М. Назир и его коллега Д. Ака, отвечающий за сельское хозяйство, оторвавшись от дел, охотно соглашаются побеседовать с нами. Оба они члены провинциального комитета НДПА, в прошлом длительное время находились на подпольной работе.

Разговор заходит о главном в сегодняшней афганской деревне — претворении в жизнь изданного в июле 1978 года декрета № 6, который ликвидирует крестьянскую задолженность помещикам и ростовщикам. Этот декрет, говорят логарские руководители, облегчает долговое бремя 11,5 миллиона человек — более 80 процентов безземельных и малоземельных крестьян.

Раньше около 30 процентов пахотных площадей и лесных угодий, а также большое число арыков и во-

доемов этой провинции принадлежали членам королевской семьи. Все это национализировано. Часть земель будет распределена среди бедняков, а на остальных будут созданы сельскохозяйственные кооперативы.

В нашей провинции, отмечают собеседники, безземельных крестьян-бедняков насчитывается 45 процентов. Уж кто-кто, а они хорошо знают, что такое феодальная кабала, долги, за которые они, не свершись Апрельская революция, не расплатились бы до конца жизни. Богатеи, используя тяжелое положение бедняков, давали кредиты под очень высокие проценты. Если же крестьянин вовремя не расплачивался с долгами, то помещик или ростовщик забирал у бедняка и инвентарь и землю, заставляя батрачить в своем хозяйстве. Феодалы имели собственные тюрьмы, в которые бросали должников или просто строптивых. Теперь ростовщичество запрещено.

Для проведения в жизнь декрета 1978 года созданы специальные провинциальные и уездные «комитеты по урегулированию крестьянских проблем». На комитеты возложена также обязанность распределения государственных средств, семян, удобрений, предоставления льгот беднейшим хозяйствам, создания необходимых условий для объединения крестьян в кооперативы.

Собеседники не скрывали трудностей. Многовековое господство феодалов, освященное традициями, говорили они, не могло не сказаться на психологии тружеников. Страх перед всесилием помещиков настолько велик, что не все обездоленные решаются воспользоваться новым законом.

Назир и Ака, беззаветно боровшиеся за претворение в жизнь идеалов Апрельской революции, как я узнал несколько лет спустя, были убиты террористами из организации «Хезбè ислами». Террористы подкараулили их на шоссе, когда они в марте 1980 года возвращались с одного из совещаний партийно-хозяйственного актива провинции.

...В январе 1979 года вступил в силу декрет № 8 Революционного совета. Он предусматривал ограничение землевладения, бесплатное наделение участками безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств, создание кооперативов по совместной обработке посевных площадей, оказание крестьянам государственной помощи.

Однако в проведении земельной реформы были допущены поспешность и волюнтаризм. Недооценивалась психология крестьян, сила традиций. Массовая экспропри-

ация земли и перераспределение ее не сопровождались созданием эффективной государственной системы кредитования, равно как и обеспечением семенным зерном и инвентарем.

Только в последние годы ошибки и промахи, допущенные в ходе проведения реформы, начали устраняться. Создается государственная кредитная система, в рамках которой крестьяне под небольшие проценты могут получить краткосрочные кредиты для приобретения зерна, удобрений и ядохимикатов, а также долгосрочные кредиты на 10 лет для приобретения сельскохозяйственного инвентаря. Землю стали давать вместе с правом на воду.

Было приостановлено также носившее бюрократический характер централизованное распределение земли. На уровне деревень созданы крестьянские советы. Они существуют независимо от местных властей и берут на себя решение вопросов по претворению в жизнь земельной и водной реформы. Им предоставлено право распределять землю и воду, выявлять потребность в семенах, удобрениях и т.д.

Если раньше крестьянину давали землю без традиционного юридического оформления, и крестьянин, опасаясь, что феодал когда-нибудь вновь отнимет ее, не засеивал надел, то теперь вместе с землей он получал и документы на ее владение. По официальным данным, в ходе осуществления земельно-водной реформы к декабрю 1986 года около 324 тысяч безземельных и малоземельных крестьян получили более 345 тысяч гектаров плодородных пахотных земель, дающих возможность собирать два урожая в год. Однако далеко не все крестьянские семьи сумели воспользоваться правом владения. Часть земель, намечавшихся к передаче новым владельцам, оказалась в зоне, контролируемой вооруженной оппозицией.

Другое важное новшество — указ, упорядочивающий землепользование. В частности, он предусматривал сохранение вакуфных (т.е. принадлежащих исламским учреждениям) земель и земельных излишков, имеющих у мусульманских богословов, а также у вождей и старейшин племен.

Специальное решение гласило, что владельцам земельных участков, бежавшим за границу, но вернувшимся на родину, возвращаются их наделы либо предоставляется новый участок земли в тех же размерах или же выплачивается денежная компенсация.

Власти отказались от аминовской практики принудительного создания сельскохозяйственных кооперативов. К началу 1988 года на добровольной основе, отмечала газета «Кабул нью таймс», создано около 400 сельскохозяйственных товариществ. Тем не менее недостаточное оснащение сельского хозяйства средствами производства и продолжающаяся гражданская война не позволили добиться значительного повышения сельскохозяйственного производства. Из имеющихся в стране угодий общей площадью 37 910 тысяч гектаров (в том числе 30 миллионов лугов и пастбищ и 7910 тысяч гектаров культивируемой земли) в 1986/87 году сельским хозяйством использовалось только 3829 тысяч.

Государственных средств, отпущенных на широкомасштабное освоение целинных и залежных земель, недостаточно, поэтому правительство разработало планы, дающие большой простор частной инициативе. При этом были сняты ограничения на приобретение целинной земли.

С помощью этих мер правительство стремится побудить тех крупных земельных собственников, которые не уехали за границу, вложить имеющиеся у них капиталы в сельскохозяйственное производство.

В ходе осуществления социально-экономических преобразований все большее число кочевников переводится на оседлый образ жизни. Кочевые племена Афганистана составляют около 17 процентов населения. Это почти 3 миллиона человек. Им принадлежат многочисленные стада. Так, только число овец, имеющихся у кочевников, достигает 21 миллиона голов, что составляет примерно 70 процентов их общего количества в Афганистане. С целью ускорения перехода кочевников на оседлый образ жизни государство взяло на себя строительство школ и больниц, ветеринарных пунктов.

Раньше кочевые хозяйства несли большие материальные потери из-за того, что производимая ими продукция — молоко, шерсть, масло, ковры — реализовалась только через посредников. Теперь они могут продавать ее сами или же сдавать в кооперативы, которые специально занимаются реализацией товаров.

В целях расширения и укрепления социальной базы народно-демократической революции и реализации политики национального примирения были внесены существенные коррективы в планы аграрных преобразований. В мае 1987 года принят указ «Об основных принципах урегулирования земельно-водных отношений», а в ноябре

того же года — «Об аграрных отношениях». В соответствии с этими документами потолок частного землевладения повышен с 30 до 100 джерибов земли так называемой первой категории (1 джериб равняется 0,2 гектара). В ряде случаев размер земельных наделов не подлежит ограничению. Не изымаются земли свыше 100 джерибов у тех, кто принимает активное участие в процессе национального примирения. Ранее экспроприированные земли возвращаются землевладельцам в соответствии с новыми нормами.

Принципиально новым является решение о переходе в собственность государства изъятых сверхнормативных земель и о предоставлении их не в собственность, а в «вечное» пользование малоземельным крестьянским хозяйствам. Таким образом грех за изъятие чужой земли государство как бы берет на себя, снимая ответственность с набожного крестьянина, который по Корану не имеет права брать чужое. Земля для афганского крестьянина — святое понятие, вопрос совести.

Проводимая в стране реформа в области сельского хозяйства рассматривается руководством НДПА и правительством как важнейшая задача, органически связанная с решением основных проблем политического урегулирования и национального примирения, социально-экономического и культурного развития Афганистана.

...Но вернемся на десять лет назад, в Кабул. В августе 1978 года правление Центрального совета профсоюзов размещалось в Кабуле в небольшом двухэтажном здании возле овощного рынка в районе Шаренау. Просто обставленное помещение, деревянные столы и скамейки. Во всю стену громадный плакат: руки рабочего, крестьянина и представителя интеллигенции, сомкнувшиеся в крепком рукопожатии. Вместе с корреспондентом журнала «Новое время» Александром Игнатовым приходим сюда, чтобы подготовить материалы об этой организации трудящихся. Нас приняли А. Шахболь, В. Тутахель — члены правления Центрального совета.

Рабочий класс Афганистана, говорили они, еще молод. Формирование его началось лишь в двадцатых годах нынешнего века. До Апрельской революции организованного профсоюзного движения в стране не существовало. Правители испытывали страх перед организованными трудящимися. Они пытались сдерживать рост классового сознания рабочих, расколоть их по национальному и религиозному признакам.

Тем не менее в 1972 году по инициативе членов НДПА был создан профсоюз водителей, насчитывавший около двух тысяч человек. Появились профсоюзные организации и на Джангалакском механическом заводе, Баграмском текстильном комбинате. Однако они были разогнаны властями, а их руководители брошены в тюрьму.

Создание профессиональных объединений сталкивалось также с трудностями, обусловленными самим положением рабочих в отсталой стране. Здесь существовали наиболее изощренные формы угнетения рабочих, крайне тяжелые условия труда и низкая его оплата. Рабочим — вчерашним крестьянам — приходилось оставлять семью в деревне. Вследствие этого устойчивые связи с деревней сохранились даже у квалифицированных кадров. Это приводило к большой их текучести, порождало сезонную миграцию, так как рабочие часто отправлялись из города в сельскую местность на полевые работы. Тесные связи с деревней способствовали постоянному проникновению в рабочую среду мелкобуржуазного влияния, тормозили формирование пролетарской идеологии, классового самосознания.

Поэтому до середины шестидесятых годов можно говорить только о зачатках рабочего движения в Афганистане. Были отдельные выступления рабочих, которые требовали повышения заработной платы, ее своевременной выдачи, прекращения вымогательств и т.д. Лишь после создания Народно-демократической партии Афганистана эти выступления стали приобретать организованный характер. После Апрельской революции на многочисленных митингах и собраниях трудящихся, приветствовавших победу над деспотическим режимом, все чаще обсуждалась необходимость организации профсоюзных объединений рабочих, создания фондов в поддержку революции.

Первой ласточкой стала профсоюзная организация на крупном текстильном комбинате в Баграме, в предместье Кабула. Затем профсоюзы появились на предприятиях Шибергана, Кандагара, Пули-Хумри и Мазари-Шарифа. Уже через три месяца после падения режима Дауда в профсоюзы вступило более 100 тысяч трудящихся предприятий и учреждений.

— Нужно сказать, — продолжают собеседники, — опыта у нас еще недостаточно. Мы делаем только первые шаги по пути становления и развития профсоюзного движения. Но на примере Баграмского текстильного комбината и Джан-

галакского механического завода в Кабуле видно, что там, где возникли профсоюзные организации, растет производительность труда, рабочие по-новому относятся к своим обязанностям.

Вместе с администрацией профсоюзы начинают принимать участие в улучшении бытовых и производственных условий рабочих и служащих. На предприятиях частного сектора они активные защитники прав трудящихся. На государственных предприятиях столицы состоялись первые народные «субботники» («дни свободного труда»). Эти «субботники» продемонстрировали качественно новое отношение людей к своим обязанностям, к предприятию. Рабочие и служащие после трудового дня или в выходной добровольно убирали территорию, ремонтировали цехи, не требуя вознаграждения. Это явление, которого не знал дореволюционный Афганистан.

Но, как показали события последующих месяцев, процесс демократического становления и развития профсоюзного движения был нарушен авантюристической деятельностью аминовской группировки. Руководители профсоюзных организаций, пользовавшиеся доверием и поддержкой рабочих, были либо смещены со своих постов, либо брошены в тюрьмы. Только после устранения авантюристов вернулись к общественной жизни многие рабочие активисты. На предприятиях прошли перевыборные собрания. В профсоюзные комитеты были избраны люди, пользовавшиеся уважением в коллективах. Доверие трудящихся к своим объединениям стало укрепляться.

В первых числах марта 1981 года в Кабуле состоялся первый съезд профсоюзов ДРА, объединяющих более 160 тысяч рабочих и служащих, а также учащихся высших и средних учебных заведений. Он завершил организационное оформление профсоюзов, утвердил их устав, флаг и эмблему. Одной из важнейших задач профсоюзов стала защита завоеваний Апрельской революции. Инициатива кабульских трудящихся, которые взяли на себя обеспечение безопасности предприятий и учреждений, подхвачена профсоюзными организациями в провинциях. Охрану многих предприятий страны взяли на себя сами рабочие. Наиболее крупными профсоюзными организациями созданы добровольческие отряды защиты революции, которые совместно с органами безопасности и милиции отражали вылазки контрреволюционеров.

Профсоюзные организации принимали участие в разработке законодательных положений о труде, заработ-

ной плате, прилагали все усилия, чтобы ускорить экономический, социальный и культурный подъем страны. Проводя социальную политику НДПА, профсоюзы только в течение 1982 года совместно с администрацией открыли на предприятиях 38 медицинских пунктов, 30 детских яслей, домов матери и ребенка. Тогда же появились первые дома отдыха для рабочих в Желалабаде и Пагмане.

...Когда приезжаешь сюда, на окраину Кабула, и видишь громадный ансамбль современных жилых зданий, окруженных скверами и парками, то не представляешь, что здесь когда-то была городская свалка. В жаркие летние дни над этими местами повисали полчища мух, разносивших заразу по всей столице.

Советские градостроители помогли соорудить здесь жилой комплекс с благоустроенными квартирами, в которых селятся рабочие и служащие, ремесленники и представители городской интеллигенции. Для многих афганских семей переезд из традиционного дома, огороженного дувалом, в многоквартирные здания европейского типа — не только улучшение их жилищных условий, но и ломка сложившихся привычек и обычаев.

Строительство новых зданий в этом районе, который носит название «Микрорайон», продолжается. Он расширяется, обрастает магазинами, детскими садами и яслями, школами и больницами. Вспоминается моя поездка в июле 1978 года. Повез меня туда руководитель группы советских специалистов, известный московский строитель, Герой Социалистического Труда Геннадий Масленников. Богатый опыт, накопленный им по застройке крупных жилых массивов, он применял на Кабульском домостроительном комбинате (КДСК) и на сооружении новых зданий в Микрорайоне.

Рассказывает Адина Сангин, выпускник Ленинградского инженерно-строительного института, назначенный правительством на пост директора этого комбината:

— В первые месяцы ввода в строй КДСК казалось, некуда девать продукцию предприятия. Глина, кирпич — вот основной материал, которым раньше пользовались при сооружении домов. Сборные здания не воспринимались всерьез. В правительственных кругах все чаще начали поговаривать, что комбинат не нужен, что необходимо, как и прежде, сооружать здания из кирпича и глины. Особенно в этом усердствовали владельцы частных фирм, возводившие дома довольно примитивными средствами. Они видели в КДСК угрозу своим прибылям

и все делали для того, чтобы свернуть производство. Инженеров и техников, работавших на предприятии, они сманивали в свои фирмы высокой зарплатой. Делались даже попытки скомпрометировать советских специалистов.

В 1973 году на КДСК трудились восемнадцать афганцев с высшим образованием, а перед революцией их осталось всего пять. Дирекция комбината, связанная с дельцами, ставила этих людей в невыгодные материальные условия. Особенно мешали тем, кто учился в СССР. Завод лихорадило. Противников комбината мало волновало, что около 70 процентов кабульских жителей — рабочих и ремесленников, низкооплачиваемых служащих, ютились в пещерах и полуразрушенных хижинах, без электричества и воды.

Сейчас, когда развернулось массовое жилищное строительство не только в столице, но и в других населенных пунктах, продукции комбината, работающего на полную мощность, уже не хватает.

Почти целый день провел я на КДСК. Здесь занято более двух тысяч человек. Директор показал мне различные производственные объекты, участки, где шло сооружение новых цехов. Завод, говорил он, расширяется и имеет конкретную перспективу деятельности на двадцать пять лет вперед. Впервые на комбинате стали создаваться необходимые условия для тружеников. С гордостью он показал столовую, комнату отдыха, душевую, поликлинику, детские ясли, новые общежития.

Собеседник говорит, что по решению правительства для рабочих предприятия за счет государства строится поселок. По инициативе НДПА и профсоюзной организации состоялся первый «субботник», на котором закладывалась строительная площадка. Весь день там трудились целые семьи рабочих и служащих. (Прошло несколько лет, и на месте пустыря появились благоустроенные многоквартирные дома со всеми коммунальными удобствами, а также больница, детский сад, школа, спортивная площадка.)

...На следующий день посещение кабульского муниципалитета. Здесь только что под председательством члена ЦК НДПА мэра Мухаммада Азиза состоялось совещание партийно-хозяйственного актива столицы. Несмотря на большую загруженность, Азиз все же выкроил время для беседы.

Послереволюционный Кабул, говорил он, живет в деловом, уверенном ритме, и в этом большая заслуга чле-

нов НДПА, активистов молодежных, студенческих и профсоюзных организаций. Работают магазины, учреждения, предприятия и транспорт. Сдав экзамены, многие студенты и учащиеся уехали на производственную практику в сельские районы и на промышленные объекты. Часть людей остались в городе и выполняют разного рода поручения городских организаций по поддержанию порядка и безопасности в столице.

Кабул будет расширяться и застраиваться с учетом роли и значения его в экономической, культурной и политической жизни страны. Группа советских специалистов во главе с И. Покровским участвовала в составлении перспективного плана развития и реконструкции столицы. В плане учтено, что население Кабула к 2000 году превысит полтора миллиона. Предусматривается дальнейшее благоустройство города, строительство крупных административных зданий и жилых массивов. Так как оно будет вестись в основном индустриальными методами, то потребуются соорудить по меньшей мере еще четыре домостроительных комбината и асфальтовый завод. Существующие районы в основном сохраняют свои очертания, но будут кардинальным образом благоустраиваться. Появятся новые скверы и бульвары, будут реконструированы улицы и площади за счет сноса ветхих и не представляющих исторической ценности зданий. Однако некоторые строения, сооруженные много веков назад, в том числе остатки крепостных стен, сохранятся как музейная ценность. Под охрану государства берется парк Бабура и его мавзоль.

В летние месяцы река Кабул в городской части пересыхает и порой превращается в мусорную свалку. План предусматривает сооружение плотины в отрогах близлежащих гор, что даст возможность сделать реку полноводной в любое время года. Арыки будут заключены в трубы, и вода из них пойдет на поливку улиц. Началась подготовка к сооружению мощной, разветвленной системы водоснабжения, которая, по мнению экономистов, ликвидирует нехватку воды в столице и ее промышленной зоне. Наше страстное желание — как можно скорее ликвидировать жалкие глинобитные хижины на окраинах, дать людям полноценное жилье с водопроводом и канализацией, электричеством и отоплением.

Из-за подрывных действий вооруженной оппозиции, говорит мэр, мы вынуждены временно сохранять комендантский час, который начинается в 11 часов вечера и про-

должается до рассвета. В это время передвижение по городу ограничено.

...Кабул строится и расширяется. Через четыре месяца после Апрельской революции в городе завершилось сооружение первой в стране троллейбусной линии, связавшей рабочие окраины с центром. Чехословацкие специалисты помогли в этом кабульскому муниципалитету. Ко второй годовщине революции открылось еще шесть кинотеатров, а также Музей истории афганского революционного движения, Дворец пионеров, значительно был расширен Дом матери и ребенка, построенный при советской помощи.

Много сил реконструкции и перестройке Кабула отдает наш старый знакомый Адина Сангин, ставший летом 1980 года мэром столицы. На новом посту пригодились знания, полученные тогда, когда он возглавлял домостроительный комбинат.

Все последние годы я внимательно следил за тем, как живет и развивается Кабул. С большим интересом, искренне радуясь за моих афганских друзей, я прочел сообщение, что в марте 1988 года в этом городе было подписано соглашение об установлении прямых деловых связей между Москвой и Кабулом на период до 1993 года. В числе пунктов этого соглашения — продолжение технического содействия в проектировании, строительстве и эксплуатации различных объектов, безвозмездные поставки оборудования и материалов для нужд городского хозяйства Кабула. От имени кабульского муниципалитета подпись под этим документом поставил А.Сангин.

Реконструкции подверглось здание драматического театра «Кабул нандари», открытого в тридцатых годах. Сегодня на сцене этого театра выступают с концертами различные национальные труппы и ансамбли, в том числе Театр юного зрителя. Всегда большую аудиторию собирают выступления фольклорного музыкально-танцевального коллектива «Наргис», руководимого известным певцом и композитором Гул Заманом. Зрители Москвы, Ташкента, Праги, Берлина, Будапешта и Софии хорошо знакомы с программой гастролировавших там кабульских артистов.

Театральная труппа «Кабул нандари», ставившая спектакли по произведениям Гоголя, Чехова, Мольера, Брехта, расширяет репертуар. На сцене театра с большим успехом прошла пьеса известного турецкого писателя Назыма Хикмета «Чудак». Постановку осуществил Хамид

Джалиля, окончивший московский ГИТИС. Театр, живо откликающийся на современную действительность, поставил пьесу кабульских драматургов Сархоша и Самина «Грабители». В этом спектакле разоблачаются богатеи, обманом и интригами разоряющие честного крестьянина. В театре работают известные артисты Каюм Бесет и Хабиба Аскар.

...Климат в афганской столице здоровый. Здесь сухо, летом нет изнуряющей влажности, вечера прохладные. Однако у Кабула есть и свое «но». Столица расположена в горах на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. В летнее время дает знать нехватка кислорода. Нередко, когда в течение дня несколько раз меняется давление, людям, страдающим гипертонией, трудно.

Но давайте продолжим знакомство с Кабулом. Кого только не встретишь в этом городе: и пуштуна-кочевника, перепоясанного патронташем через плечо, и туркмена, разложившего прямо на тротуаре свои чудо-ковры, и таджика, восседающего возле пирамид полосатых арбузов и дынь.

Примечательная черта людей — ходят спокойно и неторопливо, держатся с достоинством. Кажется, что никто не спешит. Но стоит тому же самому афганцу сесть за руль автомобиля, он моментально преобразается. Он спешит, он нетерпелив, носится по городу на предельной скорости. Ну а если вырывается за город, на открытое шоссе, то и говорить нечего. Выжимает все, на что способна машина. Этой же болезнью страдают и водители больших пассажирских автобусов.

Помнится, однажды мне пришлось добираться из Кабула до Желалабада рейсовым автобусом. Перегружен он был до предела. Пассажиры сидели даже на крыше, держась за приделанные там поручни. Автобус был старый, помятый, весь какой-то облезший. Едва мы выехали из Кабула, как шофер начал набирать скорость, хотя дорога все время делала повороты и временами шла вдоль обрыва.

Вдруг из-за поворота выскочил шедший навстречу на большой скорости грузовик, груженный металлическими прутьями, торчавшими над кабиной. Скрип тормозов обеих машин, сильный толчок, и все пассажиры, сидевшие на крыше, вместе со своим багажом посыпались на землю.

Водители обеих машин спокойно вышли из кабин, подошли друг к другу и стали не спеша разговаривать, каждый прижимая руки к сердцу. Потом обнялись и пошли помогать пассажирам подняться с земли, забросить на крышу вещи. Спокойно вели себя и пассажиры. Они не

ругались. Потирая бока и спины, смеясь, они полезли наверх.

...Старая часть города. Нескончаемо тянутся лабиринты узких пыльных улочек с серыми дувалами, к которым пристроены лавочки. В воздухе стоит разноголосица зазывал, разносчиков дров, мелодичный перезвон молоточков чеканщиков по меди, пронзительные вопли ишаков и верблюдов. Снуют водоносы с бурдюками за спинами, хамалы — переносчики тяжестей.

Столица — это зеркало страны, ее традиций, быта и социальных условий. На улицах можно увидеть крестьян из самых различных районов страны. Одни приехали на базар продать плоды своего труда, другие — устроиться на работу. Словно тени, скользят вдоль дувалов женщины, закрыв лица чадрой.

В столице есть водопровод. Вода подается в него из источников, расположенных неподалеку от города. Однако без водоносов пока не обойтись, особенно жителям окраин. Как часто доводилось наблюдать такую сцену. Сгорбившись, идет по улице босоногий человек в обтрепанной одежде. На спине привязан бурдюк из козлиной кожи, в котором литров двадцать свежей воды. Улица переходит в неровную тропинку, поднимающуюся в горы. На склонах прилепились хижины, сложенные из камней, крытые кусками железа. Там нет не только воды. Там нет электричества. Освещение — в лучшем случае керосиновая лампа. В окнах слюда или куски белого полиэтилена.

По вечерам, когда вспыхивают огоньки в этих хижинах, облепивших склоны гор, то снизу кажется, что это выстроились гигантские небоскребы. Трудно жили поселившиеся здесь бездомные. Спрятав под халат глиняные горшочки, наполненные углями, они коротали вечера, обогревая себя, когда в город приходила холодная зима. Здесь вечно простуженные дети и взрослые, здесь велика смертность.

Этим трущобам приходит конец. Вскоре после установления нового строя начали приниматься первые меры по оказанию помощи жителям этих мест. К началу 1985 года, в условиях, когда стране приходилось бороться с непрекращающимися вылазками контрреволюции, более восьми тысячам семей рабочих было предоставлено жилье, а хижины, где они ранее обитали, снесены.

Да, узкие глухие улочки и переулки — а рядом пролегла асфальтированная магистраль Джади Майванд с неоновым освещением. Мчатся современные лимузины. Здесь антикварные и ювелирные магазины. В витринах можно

увидеть шкатулки, инкрустированные перламутром, старинные ружья и сабли, щиты и пики, медные тарелки с чеканенными узорами и арабской вязью, на бархатных подушечках разложены дымчатые топазы, сиреневые аметисты, кровавого цвета рубины, знаменитые синие и голубые лазуриты, гранатовые браслеты, золотые перстни и кольца.

Поднимая придорожную пыль, степенно шагает по обочине дороги караван верблюдов. На их спинах тюки с товарами. За ними идут бородатые босоногие погонщики в белых или коричневых чалмах. За городом караван свернет с дороги и повезет груз в отдаленные места по многим старым, еще не забытым караванным тропам.

А вот сцена, словно кадр из кинофильма: колотя ногами ишака, восседает, держа в руках японский транзисторный приемник, упитанный мужчина в темно-коричневом шелковом халате. Позади, взвалив на плечи большой мешок с поклажей, спешит его жена, пряча лицо за паранджой. Тут же, весело переговариваясь, торопятся на занятия девушки в модных брючных костюмах...

Неподалеку от международного аэропорта раскинулся табор кочевников, пригнавших на базар овец. Здоровенные лохматые псы — волкодавы дремлют возле залатанных и прокопченных шатров, из которых доносятся «транзисторные» мелодии. С наступлением холодов кочевники устремляются на юг, в Пакистан, в долину Инда или же к Индийскому океану, чтобы через несколько месяцев вновь вернуться в свои родные места, в Афганистан. Путешествуют они без паспортов и виз, по тропам, известным порой только им одним.

Вот, позванивая медным колокольчиком, зазывает к себе посетителей продавец «походного» ресторана-тележки, на которой помещаются початки кукурузы, лепешки, горячие бобы и фасоль и острая мясная подлива. Сворачиваем к реке. Набережная — это сплошной базар, галантерейные лавки и чайханы. В воздухе запах шашлыка, плова и жареного лука.

Гудят пузатые медные самовары. В тени под тентами мужчины пьют зеленый чай, курят кальян. Продавец сладостей зазывно щелкает кусачками над связкой очищенных палок сахарного тростника, этого любимого лакомства афганских детишек. Все что-то продают, куда-то спешат, о чем-то спорят. Крики людей, одетых в красочные национальные костюмы, стук лошадиных копыт, скрип колясок, резкие гудки мотороллеров, переоборудо-

ванных в такси, и над всей этой смесью звуков, красок и запахов — безоблачное небо и палящее солнце.

В конце лета вдоль тротуаров возникают пирамиды полосатых арбузов и дынь, ярко-красных яблок, оранжевых апельсинов и розовато-желтых абрикосов. Смешение цветов и запахов. Все это привезено в основном из Кандагара и Герата, районов, истари славящихся своими садами и бахчами.

Рука невольно тянется к фотоаппарату. И торговцы и покупатели обычно не против того, чтобы их фотографировали. Они охотно позируют и просят обязательно выслать им снимок. Но надо всегда проявлять осторожность, потому что не все мужчины любят, когда фотографируют их жен и взрослых дочерей.

Однажды я совершил ошибку, грозившую большими неприятностями. Правда, это произошло в первый мой приезд в Кабул, в 1967 году. Бродя по улицам, я увидел поразившую меня сцену. Две женщины, закутанные буквально с ног до головы в темные одеяния, торговались с продавцом цветных шелковых шалей. Колоритный торговец — высокая белая чалма на голове, большая рыжая борода, голубая рубашка до колен и красные шаровары, пальцы сплошь унизаны драгоценными перстнями. Он ловко расстилал перед женщинами шаль за шалью, расхваливал на все лады товар, уговаривая их совершить покупку.

Я навел было аппарат, чтобы заснять эту сцену.

— Не смей! — раздался за моей спиной чей-то резкий голос.

Ко мне быстрыми шагами направлялся высокий мужчина, держа в руках винтовку. Злое лицо, решительные движения не предвещали ничего хорошего.

— Кто ты такой и зачем снимаешь моих женщин? — спросил он на ломаном английском языке, сверкнув глазами.

Объяснил, что я советский журналист и снимаю торговца и женщин потому, что меня поразила сама сцена и краски.

— Ах советский, — заметил, сменив гнев на милость, мужчина. — Мой брат работает с русскими специалистами — строителями в Мазари-Шарифе на химическом комбинате. Очень хорошие люди. Не обижайтесь, что я запретил снимать женщин, — одна из них, моя жена, ждет ребенка, и я боюсь, что сглазите ее и опять родится девочка. У меня пятеро детей — и все девочки. Просто не везет.

Сказано было на полном серьезе. Я повесил камеру на плечо.

— Приглашаю попить со мной чаю, — продолжал он. — Я рад знакомству.

Я не стал отказываться. Торговец шалями вызвал приказчика, и тот через несколько минут принес нам кипящий самовар. Уселись под тентом возле лавочки. Торговец разлил в пиалы душистый чай, угостил курагой. Женщины покорно отошли в сторону, присели на корточки в тени навеса и ждали, пока мужчина не кончит чаевничать.

— Советские люди — наши друзья, — сказал на прощание новый знакомый, которого звали Инаятулла. — Они помогают нам строить дороги, ищут нефть. Я это хорошо знаю, — мне брат, когда приезжает в деревню, много о вас рассказывает.

Я стал прощаться.

— Подождите, — сказал он и подозвал сидевших в стороне женщин. Он развел их в стороны, встал между ними. Лица у них были закрыты чадрой.

— Снимите на память, — попросил он. — А фотографии, если не затруднит, отошлите в дирекцию строительства химического комбината в Мазари-Шарифе. На конверте напишите мое имя. Я скажу моему брату. Спасибо.

Центральный крытый рынок занимает обширную площадь в центре города. Каждый квадратный метр использован под торговые заведения. Вас окликают, хватают за руки.

Интересно, что вместо гирь на базаре, и это не только в Кабуле, раньше пользовались обыкновенными камнями и булыжниками различной величины. На глаз определялся его примерный вес. Не имело значения, на сколько была разница в весе. В августе 1978 года Афганистан перешел на метрическую систему мер и весов. Но рыночная стихия не выразила особой радости в связи с этим. Продавцы и покупатели свыклись с порядками, существовавшими не один десяток лет. Ряд предприятий получили правительственные заказы на производство гирь, и специальные контролеры начали проверять на базарах, пользуются ли торговцы гирями или, как и прежде, предпочитают прибегать к помощи булыжников.

Когда видишь такое обилие лавчонок, создается впечатление, что люди только и делают, что торгуют и едят. Шипят жаровни с фасолью и каштанами. Слышны крики зазывал и торговцев, рекламирующих свой товар, скрип

арб, треск запущенных на всю мощность транзисторных приемников, гудки мотороллеров и протяжный рев ишаков.

Но лишь раздастся заунывный голос муэдзина, разносимый по городу динамиками, как шум и крики спадают. Одни идут в мечети, а другие тут же расстилают коврики, прикрывают головы и начинают совершать намаз. Истинный мусульманин молится пять раз в день, какими бы срочными делами он ни был занят. Наступает время молитвы, он все отложит и опустится на свой коврик.

...Кабул не только административный и культурный, но и промышленный центр. В западной его части высятся серые громады хлебокомбината с элеватором. На этом предприятии, решившем проблему снабжения населения печеным хлебом, полностью механизированы все процессы, начиная с приема зерна и кончая выпуском готовой продукции.

На правом берегу реки расположился Джангалакский механический завод. Задуман он был как небольшое авторемонтное предприятие. Сегодня это крупный механический завод широкого профиля. Здесь занято более тысячи рабочих, служащих, инженеров и техников. Предприятие не только ремонтирует машины, но и выполняет заказы промышленности. Эмблему «Сделано в Джангалаке» можно увидеть на механических насосах и помпах, плугах и цистернах, на некоторых видах электрооборудования.

В годы, предшествовавшие Апрельской революции, власти часто срывали заказы, не давали материалов заводу. Но, несмотря на все помехи, советские специалисты все делали для того, чтобы предприятие работало ритмично и рентабельно. Добрую память о себе оставил инженер В. Туманов, возглавлявший группу советских экспертов.

Мне довелось побывать на этом заводе в августе 1978 года. Меня встретил недавно назначенный директор — Абдул Хабибзада. До того он работал на различных должностях в цехах и отделах того же предприятия. Абдул Хабибзада считался грамотным и добросовестным работником, однако прежняя администрация относилась к нему, мягко говоря, недоброжелательно. Инженер отстаивал интересы рабочих, выступал против практиковавшегося рукоприкладства. Власти установили полицейское наблюдение и ждали только удобного случая, чтобы избавиться от него. Впрочем, это было отражением общей политики даудовского режима.

Теперь мы сидим в кабинете директора и беседуем. Наш разговор временами прерывается. Звонят из министерства, входит работник отдела кадров и представляет выпускников Кабульского политехнического института, принимаемых на работу.

— Предприятие, — говорит Хабибзада, — приносит ощутимую прибыль и справляется со всеми заданиями правительства. В этом большая заслуга советских специалистов. Вместе с ними мы работаем, вместе переживаем трудности и радости. Ну а что касается взаимоотношений, то они прекрасные, сердечные.

Здесь, как и на других объектах, высоко ценят тех, кто сегодня помогает заводу решать производственные задачи. Помнят и тех, кто, добросовестно поработав, возвратился на родину. Абдул Хабибзада предлагает побывать в цехах, поговорить с рабочими. В руках сопровождающего меня председателя завкома Малик Шера вижу учебник тригонометрии и толстую тетрадь.

— Учусь без отрыва от производства на вечернем отделении автомеханического техникума, — улыбается профсоюзный активист. — Теперь у нас многие учатся.

...В Кабуле мне довелось познакомиться с советской семьей — Тер-Минасовыми. Георгий Тер-Минасов — общительный и энергичный по натуре человек — был заместителем председателя ГКЭС в Афганистане. Его жена Наташа до приезда в Кабул работала в «Известиях» и регулярно выступала со статьями на моральные и социальные темы. Отъезд в Кабул не прервал ее журналистской деятельности. Она стала зарубежным корреспондентом газеты, хотя официально и не была аккредитована.

Вместе со своим неугомонным супругом она колесила по афганским дорогам, бывала на объектах советско-афганского сотрудничества. Ее статьи, репортажи с места событий, небольшие, но яркие заметки регулярно появлялись на страницах «Известий» в конце шестидесятых — начале семидесятых годов. Знание проблем страны, образный язык — примечательная черта ее корреспонденций. И еще — наш брат журналист, очутившись в Кабуле, мог всегда рассчитывать на помощь со стороны этой семьи. С признательностью вспоминаю этих обаятельных людей, оказывавших бесценные услуги и мне в сборе материалов, в организации встреч с афганцами и поездок по стране.

Они же познакомили меня с Виктором Кустовым, инженером из Минска. Он возглавлял группу наших спе-

циалистов, оказывавших помощь в сооружении Политехнического института в Кабуле.

Официальное открытие этого института состоялось в мае 1969 года. Однако учебный процесс начался еще в апреле 1967 года, хотя тогда не были полностью завершены работы по отделке многих аудиторий. В 1973 году состоялся первый выпуск специалистов, которые были направлены в различные отрасли промышленности.

Нелегко началось становление Кабульского политехнического института как учебного заведения. До революции институт в административном отношении подчинялся руководству Кабульского университета, которое не всегда внимательно относилось к его нуждам, в частности к подбору преподавателей.

Кабульский политехнический институт занимает территорию свыше 60 гектаров. Его корпуса стоят на фоне подступивших к нему белоснежных гор. Это красивейший район столицы. Афганцы гордятся им. В программу ознакомления иностранных гостей с Кабулом обязательно включается посещение этого института.

Учебные и жилые корпуса плотно окружены деревьями, посаженными еще в первые дни строительства. Все кафедры и лаборатории оснащены современным оборудованием и приборами, поставленными Советским Союзом, которые позволяют вести учебные занятия на высоком научно-техническом уровне и выполнять широкие научно-исследовательские работы. Институт располагает учебно-научной библиотекой с читальным залом и библиографическим отделом. Книжный фонд ее насчитывает более 60 тысяч томов книг на дари, пушту и русском языке. Здесь есть также мечеть, которую посещают верующие студенты.

Это учебное заведение готовит инженеров разнообразных специальностей: по промышленному и гражданскому строительству, строительству гидротехнических объектов и автодорог. Оно выпускает специалистов в области геологии и разведки полезных ископаемых, химической технологии нефти и газа.

Советский Союз с первых дней работы института оказывает помощь в организации учебного процесса, а также поставляет учебное оборудование и пособия. В институте работает группа советских преподавателей, которые отдают свои знания, большой педагогический опыт и мастерство делу подготовки национальных кадров Афганистана.

Особенно большое значение придается производственному обучению будущих инженеров. Студенты ежегодно проходят производственную практику на различных предприятиях. Непременным условием для получения диплома инженера является также защита студентами последнего курса дипломных проектов, оценку которым дает авторитетная комиссия, состоящая из афганских представителей от различных предприятий и учреждений и советских преподавателей.

В программу занятий входит также изучение русского языка. Кафедра русского языка укомплектована сильными лингвистами. Многие студенты уже на третьем курсе овладевают русским языком, читают в подлиннике литературу по специальным предметам, наши газеты и журналы.

Институт проводит, кроме того, большую научную работу и оказывает научно-техническое содействие различным организациям и предприятиям страны.

Геологическая служба Афганистана поддерживает постоянные контакты с кафедрой геологии и разведки твердых полезных ископаемых. Совместные систематические поездки работников департамента и работников кафедры в различные районы Афганистана плодотворно сказываются на формировании общих принципов и направлений геологического изучения страны. Кафедра также предоставляет в распоряжение заинтересованных организаций свои лаборатории для анализа минералов, горных пород и руд Афганистана.

Инженерно-технический персонал цементного завода в Джабель-Сарадже периодически кооперируется в решении производственных проблем с кафедрой разработки месторождений полезных ископаемых, а также с кафедрой геодезии и маркшейдерского дела.

Специалисты кафедры автомобильных дорог и кафедры архитектуры и строительных конструкций оказывают содействие в строительно-проектировочной деятельности министерству общественных работ Афганистана. Совместное проектирование новых жилых кварталов столицы, автодорог, мостов, исследование строительных материалов и конструкций, дорожных покрытий расширяет работу названных кафедр до прямого участия в коммунальном и строительном хозяйстве страны.

До Апрельской революции подготовку инженерно-технических кадров сдерживала существовавшая в стране система начального и среднего образования. Школа давала

своим питомцам главным образом гуманитарное образование, они оканчивали школу с поразительно слабыми знаниями в области математики, химии и физики, не зная порой обыкновенной таблицы умножения.

Подготовка национальных научных и технических кадров всегда была важной областью советско-афганского сотрудничества. Помимо создания технических учебных заведений в самом Афганистане Советский Союз ежегодно предоставляет стипендии афганским юношам и девушкам для обучения в различных вузах и техникумах СССР. Многие из них окончили аспирантуру, защитили диссертации, стали учеными. И когда выпускники собираются в Кабуле на ежегодные дни встреч специалистов, окончивших советские вузы, то кажется, нет конца воспоминаниям.

...В первые недели после Апрельской революции Анахита Ратебзад возглавила министерство социального обеспечения и вошла в состав комиссии Политбюро ЦК НДПА, на которую были возложены задачи ликвидации неграмотности и развития просвещения в Афганистане. В июне в одном из зданий, находившемся в Микро-районе, у меня состоялась встреча с Ратебзад.

Но сначала несколько слов о ней самой. Родилась она в состоятельной семье, получила медицинское образование. Еще в юные годы примкнула к революционному движению. Стала членом НДПА с момента ее создания. По ее инициативе в 1965 году была создана Демократическая организация женщин Афганистана.

А. Ратебзад была избрана в парламент, трибуну которого она активно использовала не только в защиту прав угнетенных женщин, но и для борьбы против существовавшего монархического режима. Она рассказала мне, что когда реакционеры внесли на обсуждение парламента законопроект, запрещающий девушкам получать образование за рубежом, то женская организация подняла студенток университета и лицеев на проведение марша протеста.

— Мы направились, — продолжала А. Ратебзад, — к зданию парламента и в конце концов захватили его. Решили бороться и умереть здесь же, но не допустить голосования. В результате обсуждение проекта было отложено. После этой победы фанатики стали прибегать к самым изуверским способам, чтобы запугать активисток. Они бросали им в лицо флаконы с соляной кислотой, избивали на улице. Однако наше движение быстро ширилось. И правые поняли, что мы являемся значительной

силой, поддерживающей Народно-демократическую партию Афганистана. Во время одной из парламентских дискуссий три члена НДПА, в том числе и я, подверглись нападению. Это событие вызвало взрыв возмущения. В Кабуле состоялась демонстрация протеста».

— Важную победу мы одержали, когда в Кабул прибыл тогдашний вице-президент США Спиро Агню, — вспоминает А. Ратебзад. — Целью визита было «разъяснение и оправдание» предпринятых администрацией Никсона бомбардировок Вьетнама. Женская организация вместе с НДПА организовала антиамериканскую демонстрацию протеста, участники которой выстроились на всем протяжении от аэропорта до резиденции, где должен был остановиться Агню. Демонстранты сжигали американские флаги и портреты Никсона, забрасывали машину вице-президента помидорами. В конце концов Агню вынужден был покинуть страну, так и не встретившись ни с одним из членов правительства, за исключением тех, кто участвовал в официальной церемонии встречи в аэропорту.

А. Ратебзад, сыгравшая большую роль в подготовке Апрельской революции, в организации женского движения, в 1987 году ушла на пенсию.

...В лекционном зале Кабульского университета летом 1978 года перед журналистами выступал министр просвещения Г. Панджшири:

— В наследство от свергнутого режима, — говорил он, — мы получили почти поголовную неграмотность населения. Да, в свое время Дауд объявил о борьбе с неграмотностью и о создании курсов, на которых взрослых учили бы читать и писать. На эти цели отпускались средства, выделяемые как по бюджету, так и в счет помощи, поступавшей от международных организаций. Суммы в общем-то немалые, но деньги разворовывались чиновниками, отвечавшими за кампанию по ликвидации неграмотности. За пять лет пребывания у власти Дауда не было выпущено ни одного пособия, ни одного учебника. А к созданию письменности для нуристанцев так и не приступили.

Ликвидация неграмотности, создание эффективной системы народного образования — неотложная задача, стоящая перед НДПА и правительством. В этой работе мы намерены использовать богатый опыт, накопленный Советским Союзом, Кубой, Вьетнамом и другими социалистическими странами. Представляет большой интерес, как решаются эти проблемы в Японии и Китае.

Недавно мы провели национальный семинар, на котором обсуждались вопросы ликвидации неграмотности и совершенствования системы народного образования. Выявились две точки зрения на проблему ликвидации неграмотности. Первая — форсировать эту работу, привлекая в кружки в массовом порядке в качестве учителей всех, кто способен неграмотных людей научить читать и писать. Посещение кружков сделать обязательным для всех неграмотных. Это относится и к женщинам. Вторая точка зрения — не торопиться с созданием кружков. Создавать их только там, где существуют условия для этого, не стремиться к массовому охвату и очень внимательно относиться к привлечению в кружки женщин, считаться с традициями и обычаями.

Министра спросили, какой точки зрения придерживается он сам.

— Я считаю, — ответил он, — что форсирование решения этой проблемы преждевременно. В такой отсталой стране, как наша, ликвидировать неграмотность в короткие сроки невозможно, хотя нам всем этого очень хочется. Пока обучение людей идет на языках пушту и дари, на которых говорит большая часть афганского населения. Но в стране, как известно, проживает значительная группа малых народностей, не имеющих даже собственной письменности. Новая власть, покончившая с культурной и языковой дискриминацией, принимает все меры к тому, чтобы процесс ликвидации неграмотности охватил все этнические группы страны.

Ликвидация неграмотности сопровождается мероприятиями по развитию всего комплекса бесплатного всеобщего образования, которое должно соответствовать социальным и экономическим потребностям общества.

В этом году открыто 400 новых школ и лицеев. Весьма примечательно, что для того, чтобы ускорить строительство школьных зданий, жители многих районов добровольно трудились на их сооружении. В течение следующего года намечено построить еще 516 школ, в основном для учащихся начальных классов. Почти миллион детей, если позволит обстановка, сядут в этом учебном году за школьные парты.

Так летом 1978 года начиналась кампания по ликвидации неграмотности в стране и развитию всеобщего образования. Однако в те месяцы, когда у власти оказался Амин, программа ликвидации неграмотности была извращена. Было решено обучить всех грамоте в нереаль-

ные сроки — за три—пять лет. Посещение кружков становилось обязательным. Это неизбежно приводило к постоянным конфликтам, особенно в сельских районах, где в отсталых крестьянских семьях не могли примириться с мыслью о том, что женщина должна бросить хозяйство и посещать школу. При проведении кампании по ликвидации неграмотности игнорировались сплошь да рядом семейные, религиозные и культурные традиции. Преподавателей, не согласных с подобного рода методами, аминовские власти объявляли «контрреволюционерами и саботажниками».

С 1980 года в кампании по ликвидации неграмотности принимают участие различные общественные организации, представители интеллигенции, студенты старших курсов. Правительство пересмотрело сроки реализации программы ликвидации неграмотности. Изменен и сам подход к этой задаче. Женщинам на селе предлагают самим решать, хотят они или нет посещать кружки ликбеза.

В августе 1980 года всю страну облетела новость: несколько тысяч учащихся старших классов средних школ, лицеев и колледжей столицы, а затем и других афганских городов изъявили желание в свободное от учебы время работать в качестве учителей на создаваемых правительством курсах по ликвидации неграмотности. С такой же инициативой выступили студенты техникумов и высших учебных заведений страны. Высоко оценивая это патриотическое движение, газета «Анис» подчеркивала, что включение образованной части революционной молодежи в борьбу за ликвидацию неграмотности — примечательное явление, рожденное Апрельской революцией. В последние годы подготовлены и изданы массовым тиражом необходимые учебные и методические пособия.

В первых числах февраля 1986 года большая группа иностранных журналистов посетила Кабул и встретила с членом Революционного совета, министром без портфеля А. Сороби. Рассказывая о мерах правительства по ликвидации неграмотности, он отметил, что после революции свыше 1,5 миллиона человек научились читать и писать. В стране действуют более 20 тысяч курсов, посещение которых сугубо добровольное. Женский контингент превышает 40 процентов.

Одновременно проводится дальнейшая реформа системы школьного обучения. Закон о всеобщем обязательном и бесплатном образовании предоставляет всем юным гражданам независимо от национальности, пола и вероиспове-

дания право на получение образования. Для этого строятся новые школы, готовятся квалифицированные кадры учителей. Основные принципы развития школьной системы были обсуждены на состоявшемся Первом съезде афганских учителей, собравшем 400 делегатов и иностранных гостей. Примечательно, что в работе этого представительного форума впервые приняли участие 90 женщин-учителей из различных провинций Афганистана.

Структурная перестройка сопровождается увеличением в школьных программах доли естественнонаучных дисциплин. Школьникам также прививаются трудовые и профессиональные навыки, которые позволяют им сразу после окончания школы найти себе работу в той или иной отрасли национального хозяйства. Упор на политехнизацию обучения проявился в решении властей увеличить число профессионально-технических училищ, техникумов, а также различных производственных курсов. Это один из реальных и надежных путей ускорения подготовки квалифицированных кадров для развивающейся национальной экономики.

...Острый приступ аппендицита застал Эхсана в поле. Родственники растерялись. Единственный врач, проживавший в соседнем уезде, еще в прошлом году уехал в Иран. На десятки километров вокруг ни врача, ни медицинского пункта. От непрекращающихся болей Эхсан потерял сознание... К счастью, в это время через кишлак проезжала машина из одной воинской части народной армии. Шофер, увидев собравшихся, притормозил «газик». Узнав в чем дело, он сразу же отвез больного в Баграми. Там, в поликлинике текстильного комбината, крестьянину сделали операцию, спасшую ему жизнь.

Эту заметку, опубликованную в газете «Анис», я невольно вспомнил, когда побывал в министерстве здравоохранения. Вот что я записал тогда в блокнот.

В апреле 1978 года в Афганистане насчитывалось всего около тысячи врачей. Это примерно один доктор на 15 тысяч жителей. Причем основная часть врачебного персонала проживала в Кабуле и еще в трех-четырех крупных городах. Тысячи кишлаков и селений были лишены элементарного медицинского обслуживания.

Разрекламированные прежними властями программы развития национального здравоохранения так и остались на бумаге. Простому труженику лечение было не по карману. Например, операция аппендицита стоила 6 тысяч афгани. А где взять такую сумму, если средняя зарплата рабочего в месяц составляла не более 1200 афгани?

А что делать безработному или крестьянину-бедняку? Медикаментов не хватало, а те, что имелись, продавались по высоким ценам.

Неудивительно поэтому, что малярия, трахома, туберкулез были постоянными спутниками трудового народа. По смертности, особенно детской, Афганистан занимал одно из первых мест на Среднем Востоке.

Делегация Всемирной организации здравоохранения, посетившая Афганистан в 1976 году, констатировала в одном из своих отчетов, что около 1,5 миллиона афганцев больны туберкулезом. Почти 4 миллиона страдали трахомой и малярией.

После Апрельской революции 1978 года один из первых декретов страны поставил перед государством задачу создать эффективную службу здравоохранения, повести широкое наступление против различных эпидемий и болезней, сделать лечение доступным для всех. Для неимущих слоев населения лекарства начали продавать по льготным ценам, а многим категориям рабочих и служащих, крестьянам-беднякам они отпускались бесплатно. С 1981 года правительство расширило подготовку национальных медицинских кадров как в стране, так и за рубежом.

...Один из июльских дней 1978 года. В небольшом просмотровом зале киностудии «Афганфильм» гаснет свет и на экране появляются кадры документальной хроники, которые уже сегодня стали историческими: я вижу кабульские улицы, заполненные ликующими демонстрантами. Они несут кумачовые полотнища с надписями «Народно-демократическая партия — наша партия!», «Политику Революционного правительства одобряем!» Это работы кинодокументалистов первых дней после победы Апрельской революции. Крупным планом показываются грубо сколоченные столы, за которыми склонились крестьяне. Студент-учитель выводит буквы на грифельной доске. Голос диктора: «Одержали победу над эксплуататорами — победим и неграмотность!»

Вместе с кинооператором мы совершаем путешествие по стране. Мы едем по автострадам, проложенным через знойные пустыни и сквозь горы, забираемся в отдаленные кишлаки Бадахшана и на стойбища кочевников. Мы присутствуем на торжественном выпуске студентов Кабульского автомеханического техникума, при раздаче беднякам земельных наделов и сжигании долговых расписок, наблюдаем за прокладкой нового канала и видим, как подключается к линии электропередачи отдаленная де-

ревня. Мимо нас по шоссе несутся автомашины с грузом зерна нового урожая, помидоров, апельсинов и яблок.

После демонстрации документальных фильмов — пресс-конференция. Директор студии — выпускник режиссерского факультета ВГИК Абдул Халек Алиль. Он рассказывает:

— Зарождение афганского кинематографа относится к сороковым годам. В конце 1943 года сделана первая попытка создать фильм, который назывался «Любовь и дружба». Это было музыкальное ревю, где ведущие роли играли в основном индийские артисты. Да и сам фильм снимался в Индии. Успеха он не имел. Через несколько месяцев кинокартина, как не приносящая доходов, была снята с экрана.

Идут годы. В Иране, Пакистане и других соседних странах появляются первые национальные кинофильмы. Однако в Афганистане ничего не предпринимается, чтобы создать собственную кинопромышленность. Причина — равнодушие к этому виду искусства со стороны монархического режима, полное отсутствие профессиональных кадров режиссеров, актеров и операторов. В стране нет организации, которая занималась бы производством фильмов, нет студии.

И все же прогрессивная культурная общественность не теряет надежды на создание собственного кинематографа. Абдул Гафур Брешна, Гуль Пача Ульфат и многие другие деятели культуры пишут статьи, призывая власти оказать содействие в налаживании отечественного кинопроизводства. В 1964 году ценой больших усилий выпускается художественный фильм «Подобно орлу». В этой лирической киноновелле рассказывалось о забавных приключениях одной деревенской девочки, которая отправилась в Кабул на празднование Дня независимости. Критика отмечала великолепно снятые кадры народных гуляний, национальных обычаев, жизни простых крестьян и горожан.

В известной мере появлению этого фильма способствовало и то, что правительство под давлением общественности пересмотрело свое отношение к национальному кинематографу и создало государственный департамент по делам кино и фотографии. Впоследствии эта организация была преобразована в киностудию «Афганфильм», которая была оснащена оборудованием, закупленным за рубежом. Перед ней были поставлены задачи весьма ограниченные — выпуск хроникальных и документальных фильмов.

Первой значительной удачей «Афганфильма» был вы-

пуск получасовой документальной киноленты «Афганистан в развитии», приуроченной к пятидесятилетию со дня провозглашения национальной независимости и установления отношений добрососедства и сотрудничества с Советским Союзом. В нем, несмотря на цензурные рогатки, все же нашло отражение то, что делает Страна Советов для экономического и культурного развития Афганистана.

В 1970 году «Афганфильм» выпустил на экраны три короткометражные новеллы под общим названием «Временщичи». Однако они вскоре были запрещены. Реакцию бесило то, что в этих фильмах резко обличались жадность ростовщиков и несправедливость крестьянских масс. И как я уже говорил выше, афганские кинематографисты приняли участие в создании совместно с советскими деятелями кинофильма «Миссия в Кабуле».

Большой творческой удачей местных кинематографистов стало создание серии цветных короткометражных фильмов, рассчитанных для показа на зарубежных экранах, с целью привлечь иностранных туристов. Сюжет их — традиции, быт, нравы и обычаи различных этнических групп Афганистана, памятники зодчества прошлых лет и художественные ремесла. Одна из таких лент — «Краски Афганистана» — была показана летом 1975 года советским телевидением в программе «Клуба кинопутешественников». Мне довелось комментировать эту ленту, которая, к сожалению, из-за краткости времени, отведенного на ее показ, демонстрировалась в урезанном виде. Выпали, на мой взгляд, очень интересные кадры, повествующие об архитектурных памятниках прошлого.

Осенью 1973 года на экраны страны вышел художественный полнометражный фильм «Наказ матери» (режиссер-постановщик А.Х. Алиль). Создатели этого фильма преодолели все препятствия, которые чинились цензурой, стремившейся исключить многие кадры, носившие социальную направленность. Картина посвящена проблемам воспитания молодежи, борьбе с отсталостью и фанатизмом, всему тому, что мешает людям жить и работать. Фильм получил поощрительный приз на Ташкентском кинофестивале стран Азии и Африки в 1974 году.

В июле 1974 года афганский зритель получил возможность увидеть новый полнометражный фильм «Трудные дни». Автором сценария был Рафик Яхья, режиссером-постановщиком — Вали Латифи. Фильм создавался в условиях еще неизжитых иллюзий в отношении режима Даруда, обещавшего проведение ряда социально-экономиче-

ских реформ. Кинокартина заставляла людей задуматься об их месте в обществе, призывала бороться за обновление жизни, против гнета помещиков и ростовщиков. Вскоре после появления фильма на экранах реакция повела борьбу против показа его в провинции. В Герате был сожжен кинотеатр, где демонстрировалась лента, в Кандагаре и Газни владельцы кинозалов отказались устроить просмотр. В конце концов по указанию властей лента «Трудные дни» была снята с экрана.

Противники национального кинематографа, связанные с коммерческим прокатом лент, всячески тормозили деятельность студии «Афганфильм». Она не получала в достаточном количестве пленки, не обновлялось оборудование студии. Вплоть до Апрельской революции студия «Афганфильм» не могла наладить регулярное производство ни документальных, ни художественных картин. Поэтому на экранах страны демонстрировалась продукция, завезенная главным образом из Индии, США, ФРГ и Ирана.

Новая власть расчистила путь для развития подлинно национального кинематографа. Специальным постановлением ЦК НДПА и правительства намечена программа развития всех видов искусства и культуры, в том числе и кино. Студия «Афганфильм» получила возможность обновить оборудование, она имеет необходимые средства и материалы для производства кинолент. Ввоз низкопробной продукции из других стран запрещен.

На данном этапе, — говорил А.Х. Алиль, — студия «Афганфильм» делает упор на производство лент документального характера, рассказывающих о том, чем живет народ Афганистана. Это пропаганда решений партии и правительства, поддержка трудовых починов, вроде афганских «субботников», призыв к борьбе с пережитками прошлого, тормозящими развитие. Однако это не исключает и создания полнометражных художественных лент о жизни свободного афганского народа.

С той памятной встречи с А.Х. Алилем прошло много времени. Мне было приятно узнать, что под его руководством в 1982 году создан фильм «Пробуждение». Этот фильм вызвал большой интерес зрителей, так как создателям удалось осветить самые злободневные проблемы, которые волнуют афганцев. В основе киноленты судьба обыкновенной семьи в далеком кишлаке, ее отношение к революции, на сторону которой она становится после того, как соприкасается с действиями контрреволюционеров, стремящихся с помощью террора восстановить феодальные

порядки. На состоявшемся в Ташкенте VII Международном фестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки этот фильм удостоен специального приза.

Афганские кинематографисты создали в последнее время серию документальных фильмов, например «Освобождение политзаключенных», «Революция побеждает», «Крестьяне получают землю», «Беженцы возвращаются домой». Совместно с советскими кинематографистами был создан художественный фильм «Жаркое лето в Кабуле». Сценарий написали афганский писатель Асадулла Хабиб и советский новеллист Вадим Трунин. Тема фильма — будни революционного Афганистана, интернациональная помощь советских людей его народу.

...Известного писателя Мухамаддина Жвака я встретил в редакции газеты «Анис». Этот убеленный сединами пожилой человек, недавно совершивший поездку в район Кундуза, принес серию новелл о переменах, происходящих в жизни простых людей.

— Подавляющая часть нашей творческой интеллигенции, — рассказывает главный редактор Мухаммад Рафат, подписывая в набор рассказы писателя, — вместе с народом участвует в переустройстве жизни. Многие известные поэты и прозаики считают своим долгом работать на радио и в газетах, отправляются в далекие поездки, чтобы рассказать о трудовых буднях страны, ее заботах. Они пишут и о том, что мешает прогрессу.

В беседу вступает Мухамаддин Жвак:

— Служить делу обновления жизни, — подчеркивает он, — большая честь для литератора. В моих планах издание запрещенного прежним режимом сборника повестей и рассказов о тяжелой доле народа, стонавшего под игом помещиков, о революционной борьбе лучших сынов и дочерей Афганистана, о новом времени. И, конечно, мне бы хотелось создать произведение о том, какое неоценимое значение для судеб афганского народа имеет дружба с Советским Союзом.

Забегая вперед, скажу, что в 1982 году он опубликовал небольшой рассказ «Он придет». Этот рассказ построен как монолог-воспоминание матери, потерявшей сына, умершего в аминовской тюрьме. Беспредельно горе матери, но она не винит в гибели сына новую власть, в которую верит, и готова бороться за лучшее будущее своего народа.

Надо отметить, что тема дружбы, которая давно связывает народы СССР и Афганистана, занимала видное

место в творчестве различных представителей афганской культуры и искусства. Эту тему интересно раскрыл в своей книге «Великий Ленин» писатель М. Шинвари.

Страна, вставшая на путь обновления, располагает небольшим по численности, но боевым отрядом работников средств массовой информации. Это писатели и журналисты — люди с большим опытом работы и жизни и молодежь, которая своей активной деятельностью доказала свою политическую и творческую зрелость. К ним можно отнести Инаят Шариф и Фаридан Анвари, сотрудников Кабульского радио и телевидения.

СССР оказывал помощь в формировании квалифицированных журналистских кадров. Под руководством советских коллег в Кабуле на курсах подготовки и усовершенствования работников печати, радио, телевидения прошли учебу десятки афганцев. Студентов из Афганистана можно увидеть в Москве и Ленинграде.

На состоявшемся в январе 1986 года семинаре-совещании идеологических работников отмечалось, что в Афганистане издается 15 газет, 21 еженедельник и 40 журналов. Годовой тираж периодики составляет почти 40 миллионов экземпляров. По сравнению с первыми днями после революции объем национального радиовещания вырос в 4 раза, а телевидения почти в 6 раз.

Назову лишь несколько органов печати. В стране и за рубежом хорошо известна газета «Хакикате инкилабе саур» («Правда Апрельской революции»), орган ЦК НДПА. Большим авторитетом у афганских воинов пользуется газета «Хакикате сарбаз» («Солдатская правда»), орган министерства национальной обороны. Она рассказывает о боевой и политической подготовке в армии, освещает героические подвиги воинов, действия частей и подразделений в боях против контрреволюционных банд.

После революции создана газета «Дехкан» («Крестьянин»), отражающая думы и чаяния крестьянских масс. Печатный орган имеет Центральный совет профсоюзов. Некоторые ранее издававшиеся газеты получили новый статус. Например, газета «Анис» стала органом Национального отечественного фронта.

В городах и поселках появляются газетные киоски. Цены на газеты и журналы минимальные. В афганской столице существует центральная государственная типография, у нее около 20 филиалов в городах провинции. Все работники средств массовой информации объединены в Сюз журналистов, который поддерживает широкие

международные связи, является членом Международной организации журналистов (МОЖ).

...Огромная чаша кабульского стадиона, вмещающая более пятидесяти тысяч человек, переполнена. Люди расположились даже на зеленом поле спортивной арены. Сегодня с сольным концертом, весь доход от которого пойдет в национальный фонд борьбы со стихийными бедствиями, выступает известный афганский певец Садек Фитрат. И когда в свете прожекторов на импровизированной сцене — дощатом помосте — появляется стройная фигура артиста, зрители устраивают ему овацию.

Более трех часов продолжается концерт. Садек Фитрат исполняет песни, запрещенные при прежнем режиме. Их сменяют песни, в которых говорится о долгожданных переменах, происходящих на древней земле Афганистана.

Родился С. Фитрат в семье мусульманского проповедника в Кандагаре. Петь мальчик начал еще в школьные годы. Но его отец, человек крутого нрава и консервативных взглядов, не хотел, чтобы сын избрал профессию певца, которая казалась ему неприличной.

Потихоньку от родителей и знакомых Фитрат стал выступать на радио, взяв себе псевдоним Нашинас, что в переводе с пушту означает «неизвестный». В конце концов тайна раскрылась, отец узнал, что артист, выступающий под именем Нашинас, его сын, и смирился с этим. Певец, обладатель мягкого лирического баритона, не только исполнитель. Он еще и поэт, и композитор, создавший около двухсот произведений, многие из которых записаны на пластинки и широко известны в Индии, Пакистане и других странах Востока.

Однажды — это было еще в годы монархии — его пригласили во дворец. Артисту предложили выступить перед королевской семьей и потребовали, чтобы он перестал заниматься «сочинительством» песен для народа. Садек Фитрат отклонил предложение. В отместку ему запретили выступать по радио. Когда власть в стране перешла в руки Дауда, тот попытался привлечь знаменитого артиста на свою сторону. Фитрат отказался и на этот раз. Тогда певца уволили с работы на радио, а его записи, в том числе и исполнявшаяся на русском языке популярная песня «Подмосковные вечера», были уничтожены.

Обеспеченной жизни модного певца Садек Фитрат предпочел путь борца за свободу и счастье своего народа. Когда в апреле 1978 года патриотически настроенные армейские части штурмовали дворец, Садек Фитрат пошел

в штаб Военно-революционного комитета и предложил свои услуги. Его направили на радио. Вскоре афганский народ вновь услышал голос артиста.

Встретился я с ним в редакции Кабульского радио. Садек Фитрат сказал, что сегодня подавляющее большинство музыкантов честно служат новому строю. И уже не редкость, когда поэт, певец и музыкант выступают на заводе или перед солдатами воинской части, дают концерты в далеком кишлаке или на новостройке. Он говорил, что такие представители музыкальной культуры, как Ахмад Закир, Ахмад Вали, Масхур Джамал, исполнительницы народных песен Фариды Махваш и Камар Гул, отказались эмигрировать за рубеж, они посвятили свое творчество народу.

Апрельская революция изменила отношение к певцам, композиторам, музыкантам. Раньше на них смотрели как на людей второго сорта. Артистов не сажали с гостями за один стол. Многие умирали в нищете. Сегодня заботу о деятелях культуры взяло на себя государство, которое предоставляет им работу и жилище.

Вплоть до последнего времени, продолжал Садек Фитрат, в Афганистане существовала всего лишь одна музыкальная школа, где учились двадцать человек. Революционное правительство наметило открыть несколько музыкальных учебных заведений, в том числе государственную консерваторию. На стажировку и совершенствование профессионального мастерства в Советский Союз и другие дружественные страны будут направляться воспитанники учебных заведений. Впервые в истории страны будут готовиться преподаватели музыки, композиторы и певцы из многих народов, проживающих в Афганистане.

Буквально на днях в различные районы выехали первые группы специалистов. Они будут записывать национальные мелодии и песни, которые пополнят сокровищницу афганского музыкального искусства. Ряд песен и баллад, созданных на языках пушту, дари и балучи, включены в программу радиопередач. Выявлено немало одаренных детей, в том числе девочек, которым будет предоставлена возможность получить музыкальное образование.

...Небольшая заметка, появившаяся в августе 1978 года на страницах кабульских газет, сообщала, что в Афганистане учреждена Академия наук. В двухэтажном особняке, где размещалась ее дирекция, меня принял профессор Мухаммад Гул Нурзай, возглавлявший это научное учреждение.

Только при новой власти стало возможным создать отечественный центр научной мысли, рассказывал профессор. До революции существовало лишь несколько разрозненных научных обществ. При министерстве культуры и информации, например, действовало Историческое общество. Специалисты по языку и культуре пуштунов сотрудничали с Академией пушту, которая называлась «Пашто толына». При министерстве просвещения работал Международный центр по языку и культуре Афганистана.

Активнее других действовала «Пашто толына», возникшая по инициативе Кабульской литературной ассоциации и Кандагарской лиги по изучению языка пушту, сыграла крупную роль в комплексном изучении литературы, языка, истории и культуры афганского народа. За годы своего существования «Пашто толына» выпустила около двухсот исследований. Это общество много сделало для того, чтобы ознакомить Афганистан с шедеврами классической европейской, а также русской и советской литературы. В изданиях «Пашто толына» регулярно публиковались переводы трудов сотрудников Института востоковедения АН СССР, а также востоковедческих центров Ленинграда, Ташкента, Ашхабада и Душанбе.

Нынешняя Академия наук объединила существующие научно-исследовательские общества. Она создает на их базе институты и лаборатории, объединяет имеющийся библиотечный фонд. На Академию возлагаются ответственные задачи. Она будет направлять работу научных обществ в интересах народного хозяйства, науки и культуры.

— Конечно, — замечает профессор, — задачи нелегкие, особенно учитывая то, что у нас слаба научно-исследовательская база, нет достаточного опыта, кадров. Свои надежды мы связываем с молодежью. Многие молодые ученые обучались в СССР. Они полны решимости внести свой вклад в развитие экономики, науки и культуры. Что же касается ученых старшего поколения, то они, за исключением небольшой группы лиц, покинувших страну, тоже полны желания участвовать в обновлении жизни.

С того разговора прошло почти десять лет. Сегодня в составе афганской Академии имеется Институт естественных наук с отделениями геологии, сейсмологии, металловедения, энергетики, ботаники, биологии, зоологии и растениеводства и центром вычислительных машин. Сотрудники оказывают содействие предприятиям министерства горного дела и промышленности, министерству планирования, геологическим и изыскательским службам, различ-

ным учебным заведениям, в том числе Кабульскому университету и Кабульскому политехническому институту.

Имеется Институт здравоохранения, на базе которого развернута национальная санитарно-эпидемиологическая служба. Институт уделяет большое внимание диагностике, предупреждению и лечению желудочно-кишечных заболеваний, которые составляют 60 процентов всех инфекционных заболеваний.

Ученые института проводят большую работу по борьбе с таким давним бичом Афганистана, как малярия. С этой целью вся территория страны разбита на шесть зон, и в каждой из них действуют специальные анти-малярийные службы, подчиняющиеся непосредственно институту. Через эти службы ученые института и осуществляют на практике свои разработки в сотрудничестве с органами министерства здравоохранения.

Институтом издано несколько сборников, в которых опубликованы результаты исследований, проводившихся в области хирургии и терапии, эпидемиологии и оказания первой помощи на местах. Руководство этого института, впрочем, как и других, стремится к тому, чтобы научная деятельность персонала тесно переплеталась с практическим воплощением исследований в жизнь.

Работает Институт языка и культуры, созданный на базе «Пашто толына». Институт, имеющий теперь свою редакционно-издательскую базу, только за шесть лет деятельности выпустил около пятидесяти монографий и сборников научного и познавательного характера. Вышли сборники редких слов, употребляемых в языке пушту, пословиц и поговорок, литературный словарь языка дари. Издан энциклопедический словарь на две тысячи терминов. Подготовлены пособия по изучению дари, туркменского, узбекского, белуджского и других языков.

Совместные исследования по актуальным проблемам естествознания, а также экономики, истории, этнографии, культуры и языков Афганистана станут главной формой сотрудничества двух академий наук — СССР и Афганистана. Это определено рассчитанным на пятилетний срок советско-афганским соглашением, подписанным в январе 1988 года. Программа предполагает широкий спектр сотрудничества. Это поездки ученых, конференции по развитию производительных сил Афганистана и использованию результатов совместного космического полета для изучения природных ресурсов страны.

Дорогу осилит идущий (вместо послесловия)

Советские войска пришли в Афганистан в конце 1979 года. Они пришли по просьбе афганского правительства, оказав этой стране и ее народу помощь в самые трудные дни. После подписания в апреле 1988 года соглашений в Женеве защиту республики, отпор проиускам антиправительственных формирований взяли на себя афганские вооруженные силы.

Точно в срок, определенный Женевскими соглашениями, — 15 февраля 1989 года — завершился поэтапный вывод советских воинских частей из Афганистана на родину. Потери воинского контингента превысили 50 тысяч человек: 15 тысяч солдат и офицеров погибли, 36 тысяч получили ранения, более 300 военнослужащих пропали без вести. Эти горькие цифры были оглашены на встрече с журналистами, состоявшейся 18 февраля 1989 года в Москве, в пресс-центре МИД СССР.

Вывод советских войск открыл новый этап в политическом урегулировании обстановки вокруг и внутри Афганистана, в проводимой его руководством политике национального примирения, прекращения кровопролития и консолидации патриотических сил.

Впервые о поисках пути, альтернативного военной конфронтации, НДПА заявила осенью 1985 года на очередном пленуме своего Центрального Комитета. Таким путем, в основе которого лежали диалог и компромисс с оппозицией, готовность НДПА отказаться от монополии на власть, явилась выработанная впоследствии политика национального примирения. Эта политика была выражением нового политического мышления афганских руководителей, озабоченных положением, сложившимся в стране. Речь шла об очень смелой и мужественной акции: не просто о

призыве прекратить вооруженные столкновения, но о предложении создать коалиционное правительство, разделить власть даже с теми, кто вел вооруженную борьбу против правительства, кто, находясь за рубежом, руководил действиями мятежников, организовал снабжение их оружием и боевой техникой, получаемой от иностранных держав. Сложность вытекавших из курса на национальное примирение задач вызвала колебание и даже недовольство некоторых деятелей НДПА, среди которых начались разговоры о «сдаче революционных позиций». Сторонники нового политического мышления боролись с такими настроениями и взглядами, объективно противоречащими интересам страны.

Осуществление политики национального примирения началось с конкретных шагов, предпринятых 15 января 1987 года, когда афганские вооруженные силы в одностороннем порядке перестали вести боевые действия, призвав противников прекратить огонь. В работу, направленную на прекращение вооруженных столкновений, активно включилась Чрезвычайная комиссия по национальному примирению, которая создала на местах 3200 своих филиалов. Благодаря усилиям активистов этой комиссии, действия которых были подкреплены рядом социально-экономических и политических мероприятий, проводимых правительством, политика национального примирения начала давать конкретные результаты.

1987 год прошел под знаком консолидации сил, стремящихся установить мир и согласие в Афганистане. Был значительно расширен состав Революционного совета за счет включения в него представителей делового мира, мусульманских богословов, чиновников прежних режимов, а также деятелей вооруженной оппозиции, перешедших на сторону республиканской власти. Появились новые политические партии, стоящие на позициях национального примирения. В конце ноября 1987 года в Кабуле на заседании высшего традиционного совета государства — Лойя джирги утверждена новая конституция страны. Лойя джирга избрала президентом страны Генерального секретаря ЦК НДПА Наджибуллу. Демократическая Республика Афганистан стала называться Республикой Афганистан.

В апреле 1988 года в Афганистане состоялись выборы в Национальный совет (парламент). В него вошли депутаты от четырнадцати политических и общественных организаций, представляющих все слои афганского общества, включая купцов и предпринимателей, мусульман-

ских богословов, а также руководителей вооруженных оппозиционных формирований, ставших на путь национального примирения. Сессия Национального совета 26 мая 1988 года утвердила состав нового кабинета министров, который был сформирован на основе коалиции сил, участвующих в процессе национального примирения. Главой правительства стал Мухаммад Хасан Шарк*, человек хорошо известный в стране. До свержения режима Мухаммада Дауда он занимал различные высокие административные посты.

В трудных условиях военных действий афганский народ, опираясь на помощь Советского Союза, не прекращал созидательной деятельности. Было подписано соглашение о содействии Афганистану в разработке газовых месторождений и твердых полезных ископаемых. Были также подписаны контракты на создание 40 объектов в частном секторе. Объем внешней торговли между Афганистаном и СССР превысил 1,2 миллиарда долларов, составив 60 процентов афганского внешнеторгового оборота.

Развивающееся сотрудничество между двумя странами проявилось и в таком событии, как участие афганского космонавта Абдул Ахада в полете международного экипажа совместно с нашими исследователями Владимиром Ляховым и Валерием Поляковым. Этот полет, имевший серьезное научно-техническое значение, был совершен в сентябре 1988 года.

К сожалению, лидеры правой афганской эмиграции продолжали вооруженную борьбу и после провозглашения политики национального примирения и образования нового правительства в Кабуле.

Что же касается вывода советских войск, то экстремисты, базирующиеся на пакистанской территории, восприняли его как сигнал для активизации подрывных действий с целью свержения республиканской власти в Афганистане. Расширяя масштабы боевых действий, они одновременно при явном содействии со стороны властей США и Пакистана, а также Саудовской Аравии создали в Пешаваре в начале 1989 г. так называемое переходное афганское правительство, что явилось грубым нарушением Женевских договоренностей.

В этих условиях руководство Афганистана сочло необ-

*Возглавлявший до этого кабинет министров С.А. Кештманд стал секретарем ЦК НДПА.

ходимым ввести на всей территории страны чрезвычайное положение и образовать Высший совет обороны. Этот совет, наделенный всей полнотой власти, был призван защитить национальную независимость, суверенитет, территориальную целостность и безопасность Афганистана, обеспечить функционирование жизненно важных отраслей экономики страны. Объявляя об этих решениях, афганское правительство подчеркнуло, что все эти меры носят временный характер и должны способствовать скорейшему достижению всеобщего политического урегулирования.

Председателем Высшего совета обороны стал президент Наджибулла. В состав Совета (который состоял из 26 членов) вошли вице-президенты страны, министры обороны, иностранных дел, государственной безопасности, начальник генерального штаба вооруженных сил, а также ряд видных государственных, партийных и военных деятелей.

После вывода советских войск из Афганистана открылся новый этап в советско-афганском сотрудничестве: этап восстановления разрушенного за годы гражданской войны и создания новых отраслей афганской экономики, строительства промышленных предприятий и объектов инфраструктуры. Советский Союз (как было указано в Заявлении Советского правительства по случаю завершения вывода наших войск из Афганистана) готов сделать все от него зависящее, чтобы советско-афганское сотрудничество служило интересам народов двух стран и на этапе перехода Афганистана к мирной жизни, и после достижения всеобъемлющего афганского урегулирования.

Афганистан идет в будущее по трудному пути национального примирения и обновления. Потребуется немало усилий, чтобы пройти этот путь, на котором еще немало преград. Но, как гласит народная мудрость, «дорогу осилит идущий».

Содержание

Революционный Кабул	3
Ровесник Вавилона и Ниневии	48
Горы и люди	94
Достояние народа	134
Ветер надежд и обновлений	160
Дорогу осилит идущий (вместо послесловия)	212

Научное издание

Филиппов Александр Викторович

ТРУДНЫЙ ПУТЬ В БУДУЩЕЕ

(Афганские встречи, репортажи и заметки разных лет)

Редактор *О.М.Гармсен*. Младший редактор *М.С.Грикурова*. Художник *Л.Л.Михалевский*. Художественный редактор *Э.Л.Эрман*. Технический редактор *З.С.Теплякова*. Корректоры *В.М.Кочеткова* и *Р.Ш.Чемерис*

ИБ № 16348

Сдано в набор 05.01.89. Подписано к печати 10.08.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. п.л. 11,34 + 0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 12,81. Уч.-изд. л. 13,44. Тираж 10 000 экз. Изд. № 6661. Зак. № 373. Цена 95 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы. 103051, Москва К-51,
Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука". 107143, Москва Б-143,
Открытое шоссе, 28

**Иллюстрации в книге
Н. БАРАТОВА и Л. МИРОНОВА**

Александр Филиппов длительное время проработал корреспондентом "Правды" в странах Ближнего и Среднего Востока. Он неоднократно посещал Афганистан, был очевидцем многих важнейших событий в жизни афганского народа. Вместе с автором читатель совершит увлекательные и запоминающиеся поездки в Бамиан, Нуристан и Бадахшан, другие районы Афганистана, познакомится с обычаями и традициями различных народностей этой страны, повстречается с видными государственными, политическими и общественными деятелями, писателями и художниками, простыми людьми. В книге подробно рассказано об Апрельской революции 1978 года, лидерах Народно-демократической партии Афганистана, причинах трагических событий в конце 1970-х годов.

